

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет
Кафедра теории и методики обучения истории

Л.Н.Мартюшов

Основы теории и методологии истории

Учебное пособие

Екатеринбург 2016

УДК 930. 1.

ББК

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Личман Б.В.,
доктор исторических наук, профессор Сперанский А.В.

Мартюшов Л.Н.

Основы теории и методологии истории. [Текст]: учебное пособие /

Л.Н.Мартюшов; Урал. гос. пед. ун –т. – Екатеринбург, 2016 - 182 с.

В учебном пособии анализируются теоретические и методологические проблемы истории как науки. В ряду других вузовских дисциплин курс теории и методологии истории ориентирован на повышение уровня общеисторической и общекультурной подготовки будущих учителей истории, он должен способствовать формированию более четкого представления о предмете истории и ее роли в обществе. От историка-специалиста требуется наличие определенного уровня методологической подготовки, который позволил бы ему ориентироваться в многочисленных исследовательских подходах, самостоятельно определять их познавательную значимость.

Целью курса является формирование у студентов системы компетенций в области теоретико-методологических основ исторической науки, знакомство с идеями ведущих школ исторической мысли, с содержанием принципов, категорий и методов исторического познания.

Учебное пособие написано в соответствии с федеральным государственным стандартом высшего профессионального образования РФ и предназначено для студентов, обучающихся по направлению «История».

УДК 930.1.

ББК

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение

1.1.	Предмет и задачи учебного курса.-----	5
1.2.	Место истории в системе общественных наук.-----	7
1.3.	Уровни и формы исторического сознания.-----	24

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КАК НАУКА: ОНТОЛОГИЯ.

ТЕМА 2. Проблема единства и многообразия исторического процесса.

2.1.	Теории единства исторического процесса.-----	29
2.2.	Цивилизационный подход.-----	38
2.3.	Современная методологическая ситуация. -----	44

ТЕМА 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ.

3.1.	Понятие исторической необходимости.-----	55
3.2.	Проблема законов истории. Историческая закономерность и исторический закон.-----	61
3.3.	Альтернативность в истории. Категории «необходимости» и «случайности».-----	66

Тема 4. Понятие и типы исторической динамики. Идея цикличности.

4.1.	Прогресс и регресс. Идея прогресса, ее теоретические интерпретации.----	73
4.2.	Негативные последствия прогресса.-----	76
4.3.	Критерии общественного прогресса-----	78
4.4.	Идея цикличности исторического развития-----	81
4.5.	Прогресс и нравственность-----	85

РАЗДЕЛ II. Основные методологические проблемы и принципы: гносеология.

Тема 5. Проблема движущих сил в истории.

5.1.	Концепции идеальных движущих факторов в истории.-----	94
5.2.	Материальные движущие факторы в истории -----	96

А). Экономический детерминизм.-----	100
Б) Географический детерминизм.-----	109
В) Демографический детерминизм.-----	121
Г). Психологический детерминизм-----	125
Д) Технологический детерминизм.-----	129
5.3. Концепции определяющей роли социально – духовного фактора.-----	136
5.4. Различные волюнтаристские концепции. -----	145
ТЕМА 6. Проблема объективности исторического познания.	
6.1. Принцип историзма.-----	155
6.2. Возникновение и развитие представлений о соотношении субъекта и объекта в историческом познании.-----	159
6.3. Проблема критерия объективности исторического познания.-----	170
Заключение-----	174
Список литературы-----	177

ТЕМА 1. ВВЕДЕНИЕ

1. Предмет и задачи учебного курса.
2. Место истории в системе общественных наук.
3. Уровни и формы исторического сознания.

1.

Наш курс называется «**Основы теории и методологии истории**». Начнем с дифференциации понятий. **Теория истории** – область общих представлений об истории в целом и о тех или иных исторических процессах или явлениях. Теория истории – это высший уровень исторического познания, а не уровень эмпирического, конкретно – исторического представления о событиях. В теории речь идет как об общих проблемах изучения истории как реальности (**онтологии**), так и истории, как процессе познания (**гносеологии**).

Методоло́гия (от греч. Μεθοδολογία) — учение о способах; от др.-греч. μέθοδος из μετά- + ὁδός, букв. «путь вслед за чем-либо» и др.-греч. λόγος — мысль, причина — **наука о наиболее общих принципах познания и преобразования объективной действительности, путях и способах этого процесса.**

Методология, в прикладном смысле, — это **система (комплекс, взаимосвязанная совокупность) принципов и подходов исследовательской деятельности, на которые опирается исследователь (учёный) в ходе получения и разработки знаний в рамках конкретной дисциплины — физики, химии, биологии и других научных дисциплин. Основная задача методологии любой науки заключается в обеспечении процесса познания системой строго выверенных и прошедших апробацию принципов, методов, правил и норм.** Для достижения успеха в исследовательской деятельности учёный должен овладеть «секретом» метода и обладать эвристической технологией научного мышления. Овладеть существующей методологией необходимо, потому, что далеко не каждый исследователь

может создать собственную, оригинальную методологию научного исследования, у которой нашлось бы достаточно последователей, чтобы он мог заявить с полным на то основанием о создании собственной научной школы. Поэтому основная часть исследователей должна примкнуть к существующим направлениям, используя проверенные методологические приёмы для достижения научных результатов.

Общая методология науки применяется при решении задач, проблем конкретных наук. ***Предметом нашего курса является методология конкретной науки – истории.***

По мере увеличения объемов и масштабов научных знаний возрастает и роль методологии науки, все очевиднее становится стремление ученых не только проанализировать приемы и способы, с помощью которых приобретаются знания, но и рассмотреть теоретические основы познания в целом, все проблемы теоретического характера. Составной частью методологии является ***философия истории – совокупность теоретических проблем истории как действительности и их истолкование.***

Философия истории представляет собой относительно самостоятельную область философского знания, посвященную ***осмыслению качественного своеобразия общества в его отличии от природы.*** Предметной сферой философских размышлений является исследование общественной жизни, прежде всего, под углом зрения мировоззренческих проблем, центральное место среди которых занимают вопросы смысла жизни. ***Философия истории анализирует проблемы смысла и цели существования общества, его генезиса, судеб и перспектив, направленности движущих сил и возможных закономерностей его развития.***

Целью курса является формирование у студентов системы компетенций в области теоретико-методологических основ исторической науки, знакомство с идеями ведущих школ исторической мысли, с содержанием принципов, категорий и методов исторического познания.

В соответствии с этим **основными задачами** являются:

- 1) формирование у студентов представлений концептуального характера об истории в целом;
- 2) анализ теоретического смысла и характера механизма исторического познания;
- 3) характеристика основных средств и способов познания историка – применяемых им методов и приемов методики исторического исследования.

2.

Рассмотрим, что представляет из себя историческая наука? Каждая наука имеет свой объект и предмет исследования. **Объект – это некая объективная реальность, независимая от познающего субъекта.** При этом один и тот же объект может исследоваться различными науками. Например, политическая сфера является объектом исследования социологии, политологии, правоведения и др. Однако каждая из этих наук в едином объекте имеет свой предмет.

Предмет исследования – это то, на что направлено конкретное исследование, определенный аспект, грань реального объекта. Если объект не зависит от познающего субъекта, то предмет выбирается в зависимости от целей и задач исследования.

Социальные (общественные) науки имеют общий объект исследования – человеческое общество, но различаются предметами своего изучения. Каждая социальная наука изучает **общее, присущее определённой сфере общественной жизни:**

— **экономика** — общее в экономической сфере жизни **современного** общества, которое понимается как сфера материального производства, или совокупность экономических отношений во всех сферах общественной жизни;

— **политология** — общее в политической сфере жизни **современного** общества;

— **теория государства и права** — общее в развитии государства;

— **культурология** — общее, особенное и конкретное в существовании, функционировании и развитии сферы культуры;

— **наукведение** — общее, особенное и конкретное в развитии науки, в том числе и исторической;

— **социология** — общее в строении и функционировании современного общества; социальные группы в обществе; содержание общественного сознания и его изменения.

Особое место среди наук об обществе занимает **философия**. **Философия и философские науки** образуют **философско-мировоззренческую и гносеологическую основу** общественных наук:

— **онтология** вырабатывает философскую картину мира с помощью **категорий**, отражающих всеобщие свойства мира, в том числе и общества в его конкретном историческом развитии;

— **гносеология** обосновывает возможность и границы познания мира, в том числе и исторического процесса;

— **логика** выделяет и обосновывает правильное применение форм и операций мышления, необходимых для научного исторического познания;

- **эпистемология** изучает общее в научном познании, вырабатывает теорию научного познания, в том числе и научного исторического познания;

Объектом исследования всех общественных наук является человеческое общество. Вследствие этого, конкретные методы этих наук

могут широко применяться в исторических исследованиях. Более того, междисциплинарные исследования дают весьма плодотворные результаты.

Историческая наука — это система научных социальных институтов, исследователей - профессионалов, видов научно-познавательной деятельности, имеющих главную цель получить истинные конкретные знания о конкретных обществах и их развитии в прошлом и настоящем. Научное объяснение любого явления, как в природе, так и в обществе может быть найдено лишь в том случае, если рассмотреть это явление в развитии, то есть исторически. Само слово «история» происходит от греческого слова *ιστοριᾶ* – расследование, установление истины.

Объектом изучения истории, как уже отмечалось, **является человеческое общество в целом**. История, как особая отрасль знания, это наука, изучающая прошлое человечества. Таким образом, **предметом изучения исторической науки является прошлое человечества**.

Предмет исторической науки — это изучение закономерностей развития общества, а также его отдельных сегментов, явлений. Историческая наука изучает **конкретное общество как в развитии в целом, так и всех сфер общественной жизни, на всех их уровнях строения, вплоть до жизни конкретного человека**.

Издавна человека волновал вопрос о **смысле истории**. Пытаясь объяснить исторический процесс развития общества, многие мыслители выдвигали идею о том, что человечество движется к какой-то цели. Это представляется вполне естественным с религиозной точки зрения. В самом деле, если человек создан высшей сверхъестественной силой, то возникает вопрос, для чего она его создала? Должна быть цель, ради которой существует человечество. В продвижении к этой цели и заключается сущность исторического прогресса. Таким образом, история человечества обретает смысл, состоящий в выполнении предназначения, определенного ему свыше. Этот смысл видели в

следовании воле Бога, ведущей человечество к «спасению» (**Августин Блаженный**); в развитии самопознания Абсолютной идеи (**Гегель**); в достижении «всеединства», слияния с природой и Богом (**Вл. Соловьев**); и т. д.

Материализм отвергает мысль, что Бог или некий высший разум предопределил смысл истории. Синергетика, открыв закономерности самопроизвольного развития сложных систем, с новой точки зрения подтверждает известные слова Лапласа, что для объяснения мира нет необходимости в «гипотезе о существовании Бога». Никто природу не создал и не поставил перед ней никакой цели, и точно так же никто не создавал человечество и не ставил никакой цели перед ним. Человечество существует не **для того, чтобы** выполнить какое-то заданное ему свыше предназначение, а **потому, что** возникло на определенном этапе эволюции материи на Земле и развивается в соответствии с объективными законами до тех пор, пока имеются условия, в которых оно может существовать.

Но, может быть, сама природа уготовила человечеству какое-то предназначение, и смысл истории – в том, чтобы это предназначение осуществлять? Однако природа не ставит перед собой никаких целей. Да и если бы ставила, то у нас не было бы возможности узнать, что она замыслила насчет человека. Ибо наука познает законы природы, но не ее «мысли». Мы конечно, можем при желании приписывать природе свои мысли, но тогда уже вопрос заключается не в том, для чего природа предназначила человека, а в том, для чего человек сам предназначает себя.

Для чего природа создала человека – некорректный вопрос. Природа уже сделала для человека все, что смогла, наделив его мозгом и руками. Дело теперь за самим человеком: пусть он сам позаботится о том, чтобы понять, кто он есть, и определит свою судьбу. Смысл истории человеческого рода нельзя **узнать** или **открыть** подобно тому как астроном открывает неизвестную ранее звезду или биолог – генетический код, в котором заложена программа

поведения животного. Ни от Бога, ни от природы мы не можем получить ответ на вопрос, в чем смысл истории. И сама история не может дать ответ на него. Никакое исследование исторических фактов не скажет нам, к чему мы должны стремиться. Факты, будь то факты истории или факты природы, не могут **решить за нас, для чего мы живем.**

В истории не существует никакой цели и никакого смысла, заданных человечеству «извне». Но это не значит, что их не может быть вообще. **Человечество способно само поставить себе цель и придать смысл своей деятельности.** Однако было бы наивно надеяться, что это может быть сделано каким-то пророком, который, наконец, сформулирует цель и смысл истории, и всем станет ясно, в чем они состоят. Было немало исторических деятелей, выдвигавших цели, к которым должны устремляться усилия народов, стран и всего человечества. Можно вспомнить тут об Иисусе Христе и Мухаммеде. Маркс провозглашал целью истории построение коммунистического общества, и в лозунге «Наша цель – коммунизм» многие видели смысл истории. Но всякий раз в конце концов оказывалось, что поставленные исторические цели были, во-первых, преходящими и, во-вторых, не становились на практике общечеловеческими.

Пока исторический прогресс идет полилинейно, о какой-либо единой цели или едином смысле истории говорить не приходится. Человечеству необходимо прежде осознать свое единство и организовать во всемирном масштабе - таково условие осуществления целенаправленной объединенной общечеловеческой деятельности. Только тогда оно сможет сплотиться для осуществления дел, составляющих цель и смысл его развития. Проблема заключается не в том, чтобы «открыть» данное человечеству свыше (от Бога или от природы – не имеет значения) «задание», которое ему положено выполнить. Проблема – в том, что **человечество само должно определять свои задачи, разумно оценивая при этом их принципиальную**

осуществимость, и солидаризироваться в их выполнении. Чтобы история обрела смысл, человечество должно стать хозяином своей судьбы. Человечество должно само вносить смысл в свою историю. Карл Ясперс писал: «Смысл доступной эмпирическому познанию человеческой истории – независимо от того, присущ ли он ей самой или привнесен в нее нами, людьми, - мы постигаем только подчинив ее идее исторической целостности Эмпирические данные мы рассматриваем под углом зрения того, насколько они соответствуют идее единства или противоречат ей ... И тогда перед нашим взором разворачивается такая картина человеческого развития в которой к истории относится все то, что, во – первых будучи неповторимым, прочно занимает свое место в едином, единственном процессе человеческой истории и во – вторых, является реальным и необходимым во взаимосвязи и последовательности человеческого бытия». Это вечная проблема и задача человечества в его продолжающейся истории.

Главная цель исторического познания — получение исторической истины — объективного, системного, верифицируемого конкретного знания исторического процесса развития конкретного общества.

Историческая наука выполняет следующие **социальные функции**:

— **функция социальной памяти.** Социальная память - это **накопление и сохранение в памяти человечества опыта всех прошлых поколений.** Существование и дальнейшее развитие любого народа неразрывно связано с его историческим прошлым. Народ без исторической памяти обречен на неминуемую деградацию и исчезновение. Помимо забвения истории существует и иная угроза – **искажение исторического прошлого.** Причиной тому может быть как отсутствие научных исследований по истории народа, так и полное неприятие или отсутствие интереса к этим исследованиям у большинства населения. В результате все исторические события

воспринимаются на уровне обыденного сознания, факты искажаются или забываются, и создается отрывочная полумифическая картина, ведущая к утере подлинной исторической памяти народа. Другой причиной может быть **целенаправленное искажение исторического прошлого**. Как правило, это делается с определенными политическими целями в интересах отдельных политических партий и групп населения. К сожалению, данное положение характерно для истории России. На протяжении XX века историческая парадигма менялась как минимум четыре раза. После свержения самодержавия началось планомерное и сознательное очернение всего предыдущего периода Российской истории. Большевики считали, что социалистическая революция может победить только в мировом масштабе, что без победы революции в развитых странах русская революция обречена на поражение. Вследствие этого, последовательно проводился курс на экспорт революции, на поддержку революционных движений в других странах. Россия рассматривалась как плацдарм для мировой революции. В самой же России происходило уничтожение традиционной русской культуры. Немалую роль в этом сыграла т.н. «школа Покровского».

М.Н.Покровский – первый русский историк – марксист. Он первым попытался изложить историю России с позиций формационной теории К.Маркса. После революции 1917г. М.Н. Покровский фактически возглавил советскую историческую науку. Он был заместителем наркома просвещения, возглавлял коммунистическую академию, институт истории АН РСФСР, институт красной профессуры, редактировал журнал «Историк-марксист». В советский период им была написана **«Русская история в самом сжатом очерке»**, ставшая учебником для средней школы. По своей важности принятие новой концепции школьного учебника истории сродни утверждению гимна или флага. Фактически речь идет о Символе веры (то есть сути учения), потому что преподавание истории собственной страны имеет важнейшее значение при

формировании гражданина. От того, что и как вам расскажут в школе, зависит то, как вы будете относиться к народу и государству, частью которого вы являетесь, будете ли вы любить или ненавидеть, возмущаться или восторгаться прошлым и, в конечном счете, понимать путь, который прошла страна, то есть ваши же предки. М.Н. Покровский был революционером, посвятившим свою жизнь борьбе с самодержавием. Вследствие этого, в его работах вся дореволюционная история России изображалась исключительно в черном цвете («тюрьма народов», «европейский жандарм») и т.д. По его мнению, даже сам термин «русская история» был «шовинистическим» и «контрреволюционным». В 1920-е гг., когда стояла задача дискредитации старого режима, эти взгляды М.Н. Покровского были востребованы. В 1929 – 1930гг. большинство историков разных поколений, таких как **С.В.Бахрушин, С.Б.Веселовский, Ю.В.Греков, Ю.Ф.Готье, В.Г.Дружинин, В.И.Пичета, С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, Л.В.Черепнин** и многие другие были арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности (правда, вскоре освобождены). Всерьез обсуждалось предложение Луначарского о переводе русского языка на латинский алфавит.

Отношение к историческому прошлому России в официальной идеологии того времени очень хорошо показывает стихотворение поэта **Джека Алтаузена**:

“ Я предлагаю Минина расплавить,
 Пожарского. Зачем им пьедестал?
 Довольно нам
 Двух лавочников славить –
 Их за прилавками Октябрь застал.
 Случайно им
 Мы не свернули шею.
 Я знаю, это было бы под стать.

Подумаешь,

Они спасли Рассею!

А может лучше было б не спасать?”

Но к 1930-м годам обстановка изменилась - положение стабилизировалось, власть большевиков стала достаточно прочной. В 1933 году в Германии пришел к власти Гитлер, взявший курс на пересмотр сложившихся в Европе границ, на подготовку новой войны. В этих условиях необходимо было сплочение всего народа. Перед исторической наукой была поставлена **новая цель - воспитывать патриотизм, государственность, любовь к Отечеству, в том числе и на примерах дореволюционного прошлого.** В этих условиях «школа Покровского» не соответствовала новым требованиям. В последние годы жизни Н.М. Покровский был подвергнут резкой критике, а уже после его смерти в 1934г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О преподавании истории в школах СССР», где, школа М.Н. Покровского была осуждена, а его учебники изъяты. В 1934 году были вновь открыты исторические факультеты в Московском, Ленинградском, Томском, Казанском, Ростовском и Саратовском университетах. Были написаны новые учебники для средней школы и для вузов. Началась компания по пересмотру истории страны, восстановления преемственности истории Российской Империи и СССР. В историческую память возвращались имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Суворова, Кутузова, Ушакова и др. Формирование патриотизма стало основной задачей исторического образования.

Следующий поворот в историческом сознании произошел после смерти И.В.Сталина. Решениями XX съезда КПСС (февраль 1956г.) было положено начало линии на **«десталинизацию»** общественно-политической жизни. На закрытом заседании съезда Первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях». В нем говорилось о

«завещании» В.И. Ленина и его критике отрицательных черт И.В.Сталина (при жизни Сталина письмо Ленина не публиковалось): о расстреле подавляющего большинства депутатов XVII съезда партии; о роли Сталина в убийстве С.М.Кирова; о растерянности И.В.Сталина в первые дни войны; о репрессиях 1930-х - 40-х годов и многих других негативных явлениях сталинского периода. (Н.С.Хрущев заострил внимание только на репрессиях против партийных кадров, «верных ленинцев», репрессии против оппозиционеров – троцкистов, зиновьевцев и др. признавались правомерными). Число репрессированных было сильно преувеличено – говорилось о миллионах человек. Вина за все имевшие и не имевшие место ошибки и преступления возлагалась на одного Сталина. Причиной репрессий назывались его личные качества – властность, жестокость, подозрительность. Тем самым автоматически снималась вина со сталинского окружения, в первую очередь с самого Н.С.Хрущева.

Доклад получился резко обличительным. Многие делегаты съезда испытали душевное и психологическое потрясение. Последствия данного события оказались очень серьезными. Начался пересмотр истории всего предшествующего периода советского прошлого. Переименовывались города, улицы, сносились памятники, тело Сталина было вынесено из Мавзолея. Падение авторитета верховной власти, информация, переворачивающая все устоявшиеся представления и догмы, дали толчок к изменению общественного самосознания. Произошли серьезные волнения, как в стране, так и за рубежом. Часть населения отрицательно восприняла критику Сталина и отказывалась верить названным фактам. Особенно негативная реакция была в Грузии. В марте 1956 г. в Тбилиси, Кутаиси и других городах состоялись митинги и демонстрации молодежи. Демонстрация в Тбилиси была расстреляна властями, десятки людей погибли, многие были арестованы и осуждены. Резко упал международный престиж Советского Союза и международного

коммунистического движения. Сталин был символом целой эпохи. С его именем связывали Победу над фашизмом, построение социализма в СССР, установление нового порядка в мире. В ГДР, Венгрии, Польше прошли антикоммунистические выступления. Руководство Китая не поддержало критику Сталина, что вызвало резкое ухудшение отношений между СССР и КНР, ослабило наши позиции в мире.

После снятия Н.С.Хрущева в 1964 году и осуждения Пленумом ЦК КПСС его просчетов во внутренней и внешней политике, период его руководства страной вошел в историю как **“период волюнтаризма”**. Это в целом было правильно, но отнюдь не исчерпывало содержания периода, включавшего освоение целины, запуск первого спутника Земли, полет Ю.А.Гагарина, создание первой АЭС и многое другое.

После смерти Л.И.Брежнева с легкой руки М.С.Горбачева весь двадцатилетний период его руководства страной получил название **“годы застоя”**. Эта формулировка прочно утвердилась в общественном сознании. Между тем, реальные цифры экономического и социального развития СССР показывают, что в период 1965-1985гг наблюдался не застой, а значительный экономический рост.

В этот период были сделаны большие капиталовложения в гарантированное жизнеобеспечение на долгую перспективу: созданы единые энергетические и транспортные системы, построена сеть птицефабрик, решившая проблему белка в рационе питания. Хозяйство и госаппарат были насыщены квалифицированными кадрами. По количеству специалистов с высшим образованием страна вышла на первое место в мире. Стабильной стала демографическая обстановка с постоянным приростом населения около 1,5 % в год. Население России в те годы увеличилось на 12 млн человек.

В 1980 году Советский Союз занимал первое место в Европе и второе место в мире по объемам производства промышленности и сельского

хозяйства. Если в 1960 году объём промышленной продукции СССР по сравнению с США составлял 55 %, то через 20 лет, в 1980 — уже более 80., СССР вышел на передовые позиции в освоении космоса, развитии авиации, атомной энергетики, фундаментальных и прикладных наук. В 1980 году производство и потребление электроэнергии в Советском Союзе выросло в 26,8 раза по сравнению с 1940 годом, тогда как в США за тот же период ее выработка на электрических станциях увеличилась в 13,67 раза. Из 13 действующих в России гидроэлектростанций 11 были сооружены именно тогда, в том числе крупнейшие в мире Красноярская и Саяно-Шушенская. То же самое можно отнести к атомным станциям. Экспорт нефти и нефтепродуктов из СССР вырос с 75,7 млн. т. в 1965 г. до 193,5 млн. т. в 1985 г. Это стало возможным за счет освоения месторождений Западной Сибири. Выручка от экспорта нефти и нефтепродуктов, составлявшая в 1965 г. порядка 0,67 млрд. долл., увеличилась к 1985 г. в 19,2 раза и составила 12,84 млрд. долл. Кроме того, в значительных объемах с 1970-х годов экспортировался природный газ. Добыча газа в этот период увеличилась со 127,7 до 643 млрд. куб. м. О каком же «застое» может идти речь?

Переоценка деятельности М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина происходит на наших глазах. **Таким образом, каждые 10 – 15 лет история страны если не полностью переписывалась, то значительно корректировалась.** Появилось даже определение: «Россия – страна с непредсказуемым прошлым».

Такой подход к истории страны естественно не может способствовать формированию подлинной исторической памяти народа. В 70-е годы прошлого века была весьма популярна песенка в которой перечислялись события правления политических лидеров – Николая II, Сталина, Хрущева. Каждый куплет завершался припевом: *“Ну а потом его немножечко...того, и тут всю правду мы узнали про него”*. Последний куплет звучал так: *“Мы не стоим, мы движемся вперед, и если кто-нибудь когда-нибудь умрет, расскажет правду*

нам история, та самая, которая ни слова, ни полслова не соврет”.

После падения коммунистического режима в российской исторической науке произошла очередная, наиболее радикальная смена парадигмы исторического исследования. Начался пересмотр всего советского прошлого, поиск “белых пятен истории”, который быстро перерос в целенаправленный поиск негатива, очернения сначала советской истории, а затем и российской истории в целом. Некритически заимствовались идеи западных историков. Создавался образ России, как уродливого отклонения от магистрального пути развития человеческой цивилизации, под которой имелась в виду западная цивилизация. Обычным явлением стали тенденциозный подбор фактов под заданную схему, соответствующая их интерпретация, а так же прямая фальсификация.

Внедрение ложных представлений о прошлом нашей страны отнюдь не случайно. Чтобы превратить народ в стадо баранов надо лишить его исторической памяти, национальной гордости, внушить ему чувство вины.

Критика, в том числе и собственной истории, необходима, - отмечал В.В.Путин, - ***но «без чувства собственного достоинства, без любви к Отечеству эта критика унижительна и непродуктивна».*** ***Никакая национальная идентичность невозможна в том случае, если у людей культивируют стыд, презрение или даже ненависть к истории собственной страны, отрицание ее исторического опыта».*** Поэтому так важны слова В.В.Путина: ***«Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности. Мы должны залечить эти раны, восстановить целостность исторической ткани».***

— ***научно-познавательная*** функция; Ещё древние римляне говорили: ***«Historia est magistra vitae*** (история - учительница жизни). Невозможно понять сущность современных событий, не зная их корней, причин и условий их породивших. Даже в обыденной жизни, чтобы принять то или иное решение

необходимо изучить историю вопроса, проследить, как эта проблема решалась ранее, какие результаты дали принятые меры и лишь затем, на основе этого, разрабатывать программу своих действий. Французский историк М.Блок писал: *«Незнание прошлого неизбежно ведёт к непониманию настоящего»*. Это ни в коей мере не значит, что история может дать готовое решение современных проблем – изменившиеся условия каждый раз требуют новых решений. Но принять правильное решение без знания истории вопроса невозможно.

История это наука о прошлом человечества, устанавливающая факты развития человеческого общества и пытающаяся на этой основе определить общие закономерности этого развития. Отсюда и ***третья функция истории – прогностическая***. На основании изучения всей совокупности исторических фактов и выявления общих закономерностей развития событий, попытаться заглянуть в будущее, дать прогноз развития общества. ***Главная задача истории – познание прошлого, объяснение на этой основе настоящего и определение перспектив развития общества в будущем.***

— ***четвертая функция - воспитательная***, не менее, если не более важная, чем остальные – ***это воспитание историей, формирование в сознании гуманистических и патриотических принципов. Патриотизм*** (греч. πατριώτης — соотечественник, πατρίς — отечество) — нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификация себя с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа. Исторический источник патриотизма — веками и тысячелетиями закреплённое существование обособленных государств, формирующее привязанность к родной земле, языку, традициям. В условиях образования наций и образования национальных государств

патриотизм становится составной частью общественного сознания, отражающего общенациональные моменты в его развитии. Понятие патриотизма шире понятия «идеологии». Патриотом может быть либерал (нет больших патриотов, чем американцы), может быть консерватор, может быть религиозный фундаменталист – любовь к Родине объединяет всех.

Существует тенденция ставить знак равенства между патриотизмом и шовинизмом. Патриарх Алексей II в интервью газете «Труд» писал: *«Мне кажется, что чувство любви к собственному народу столь же естественно для человека, как и чувство любви к Богу. Его можно исказить. И человечество на протяжении своей истории не раз искажало чувство, вложенное Богом. Но оно есть. И здесь ещё одно очень важно. Чувство патриотизма ни в коем случае нельзя смешивать с чувством враждебности к другим народам. Патриотизм в этом смысле созвучен Православию. Одна из самых главных заповедей христианства: не делай другому то, что ты не хочешь, чтобы делали тебе. То же самое патриотизм. Не разрушай у других, а создай у себя. Тогда и другие будут относиться к тебе с уважением. Я думаю, что сегодня у нас это основная задача патриотов: созидание собственной страны»*. В нашем случае речь идет не о собственно русском патриотизме, а о **патриотизме народов России**. В.В.Путин неоднократно подчеркивал, что речь идет о России, как о **единой евразийской цивилизации**, синтезирующей культуру европейских и азиатских народов, населяющих ее. Россия – наследница великих евразийских цивилизаций – **Византийской** и **Татаро – Монгольской**. В то же время, история России – история **именно русской цивилизации** (что нисколько не умаляет все вошедшие в нее народы, от татар до якутов), что и сформировало ее отличия от всех соседей – от китайцев до европейцев. И нельзя забывать об имевших место фактах агрессии этих самых соседей и о том, как под влиянием «модных» чужеземных идей наше правящее и думающее сословие отделялось от собственного народа,

стремясь говорить и думать по-французски.

Невозможно любить свою страну, быть её патриотом, не зная её истории. Как можно любить то, чего не знаешь? Речь естественно не идёт о приукрашивании нашей истории. Она не нуждается в этом. У нашей страны великая история. Россия в XIII в. закрыла Европу от татаро-монгольского нашествия; в XIX в. разгромила армию Наполеона, покорившего всю Европу; в XX в. спасла мир от гитлеровского нашествия. Где были бы теперь западноевропейские демократии, пытающиеся учить нас, как нам нужно жить, если бы в войне победил не Советский Союз, а гитлеровская Германия? Мы первыми запустили искусственный спутник земли, первыми послали человека в космос, построили первую атомную электростанцию, первый атомный ледокол. Таких примеров сотни, если не тысячи.

Да, в нашей истории немало тёмных, трагических страниц, но их не больше, чем в истории любой другой страны. К сожалению, в последние годы для нашей исторической науки характерен поиск «негатива». В изложении ряда историков либеральной прозападной ориентации история России предстаёт как цепь ошибок и преступлений, как уродливое отклонение от «магистрального пути развития человечества», под которым понимается путь развития Западной Европы и США. Такая история, естественно, не может быть орудием воспитания патриотизма. Однако правильна ли такая постановка вопроса?

Наша страна, в отличие от Запада, не знала религиозных войн, которые унесли в Европе сотни тысяч жизней, не знала инквизиции. Между тем, в годы правления Карла V и Филиппа II в Нидерландах за 40 лет было казнено около 100 тысяч «еретиков», из них 28 540 человек сожжено живьём. Только за одну Варфоломеевскую ночь 23 августа 1572 года в Париже было перебито около 3 тыс. гугенотов, а в течение двух недель после неё во Франции было уничтожено свыше 30 тыс. протестантов только за то, что они молились не так, как

католики. В Англии во времена Генриха VII только за «бродяжничество» было повешено 72 тыс. человек.

Россия, в отличие от Запада, не имела колоний, у нас не было работорговли. В стране, считающей себя эталоном демократии – Соединённых Штатах Америки – до середины XIX в. существовало рабство негров. Единственный раз в истории человечества применили атомное оружие именно демократические США, а не Советский Союз. А можно представить себе, что писали бы «демократические» историки, если бы Югославию и Ирак бомбили бы не Соединённые Штаты, а Россия. Да, в годы сталинских репрессий по политическим мотивам были осуждены в СССР 3,7 млн. человек. Из них около 700 тыс. приговорены к смертной казни. Но с 1954 года в Советском Союзе не было ни одной политической казни. Число же жертв русской революции, гражданской войны и репрессий 1920-х – 1940-х гг. в процентном отношении к численности населения вполне сопоставимо с числом жертв Великой Французской революции 1789-1793 гг. Однако французы, вне зависимости от политических убеждений, гордятся своей революцией.

Конечно, речь не может идти об оправдании репрессий, но лишь об объективности, о том, чтобы подходить к оценке исторических событий с единой мерой. *«Нельзя пинать прошлое страны, как футбольный мяч, окунувшись в оголтелый нигилизм, потребительство, критику всего и вся или беспросветный пессимизм».*

Критика, в том числе и собственной истории, необходима, но «без чувства собственного достоинства, без любви к Отечеству эта критика унижительна и непродуктивна». Никакая национальная идентичность невозможна в том случае, если у людей культивируют стыд, презрение или даже ненависть к истории собственной страны, отрицание ее исторического опыта. На знании и уважении к собственной истории, понимании ее законов и смыслов базируется настоящий патриотизм. При

его отсутствию говорить о национальной идентичности бесполезно. «При всей разнице наших взглядов дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников. Патриотизма, конечно, в самом чистом значении этого слова», – сказал президент, подчеркнув, что, – «суверенитет, самостоятельность, целостность России – безусловны, это те «красные линии», за которые нельзя никому заходить». «Слишком часто в национальной истории вместо оппозиции власти мы сталкиваемся с оппозицией самой России, – добавил Путин. – И мы знаем, чем это заканчивалось: сносом государства как такового».

— **идейно-политическая** функция. Данная функция истории признается не всеми, но социальный заказ историкам со стороны общества и власти присутствует, важно только, чтобы он стимулировал появление самих исторических работ, связанных с определенной, интересующей общество, тематикой, но **не предопределял выводы исследователя**, труд которого в таком случае из **исторического** превращается в **идеологический**. В этом контексте следует учитывать, что историческая наука и историография являются лишь одним из источников формирования массового исторического сознания и исторической памяти и, сами в свою очередь, испытывают от них постоянную зависимость.

3.

Мы говорили, что важнейшей социальной функцией исторической науки является формирование исторической памяти.

Но историческое сознание формируется не только исторической наукой. Каждая национальная и социальная общность обладает определенным кругом исторических представлений о своем происхождении, важнейших событиях в своей истории, деятелях прошлого, о соотношении своей истории с историей других народов и всего человеческого общества. Такие представления получают выражение прежде всего во всякого рода исторических преданиях,

сказаниях, легендах, сказках, составляющих неотъемлемую часть духовной жизни каждого народа как один из способов его самовыражения и самоутверждения. Благодаря этому данная общность людей осознает себя как народ на основе знаний своего прошлого, на основе знаний своего места в мировом историческом процессе. Тем самым история органически вплетается в общественное сознание. Все его элементы, составляющие в совокупности сознание общества (взгляды, идеи, политическое и правовое сознание, мораль, религия, искусство, наука), имеют свою историю. Они могут быть поняты и познаны только на основе исторического подхода, рассматривающего каждое явление с точки зрения конкретных условий и обстоятельств его возникновения, условий развития. Именно поэтому обращение к прошлому постоянно содержится в дискуссиях по кардинальным проблемам современности, на основе оценок прошлого разрабатываются современные социальные теории и идеологические системы. Таким образом, получается неразрывная связь и преемственность прошлого и настоящего.

Можно выделить **четыре уровня исторического сознания**.

Первый (низший) уровень исторического сознания формируется такими же способами, как и обыденное, на основе накопления непосредственного жизненного опыта, когда человек на протяжении своей жизни наблюдает какие-то события, или даже является их участником. Широкие массы населения как носители обыденного сознания на низшей ступени исторического сознания не способны привести его в систему, оценить с точки зрения всего хода исторического процесса. Чаще всего оно выступает в расплывчатых, эмоционально окрашенных воспоминаниях, зачастую неполных, неточных, субъективных. Так, участвовавший в Великой Отечественной войне рядовой солдат не мог представить себе всей масштабности этого события и дать ему оценку. Это могут сделать только историки на основе обобщения всей совокупности фактов и событий. Однако в сознании рядовых солдат, всей

массы простых людей складывался основной вывод: “мы победили”.

Следующая ступень исторического сознания может формироваться под влиянием художественной литературы; кино, радио, телевидения, театра, живописи, под влиянием знакомства с историческими памятниками. На этом уровне историческое сознание также еще не превращается в систематическое знание. Образующие его представления еще отрывочны, хаотичны, не упорядочены в хронологическом отношении. Они, как правило, отличаются яркостью, большой эмоциональностью, впечатления от увиденного или услышанного сохраняются порой на всю жизнь. Такие впечатления объясняются силой таланта большого художника, который, владея словом, кистью, оказывает на человека огромное эмоциональное воздействие. Это накладывает на писателя, драматурга, режиссера, художника большую ответственность за историческую достоверность и правдивость его творений. Государственная деятельность и образ Петра I у широких масс населения чаще складывается не по академическим исследованиям и монографиям, а по впечатляющему роману А.Н. Толстого и снятым по нему фильмам. Незабываемое впечатление на человека об Иване Грозном производит картина И.Е. Репина “Иван Грозный убивает своего сына”. И хотя многие существенные моменты исторического процесса остаются, так сказать, за кадром, читатель (зритель) судит об эпохе именно по данному художественному произведению. На этом уровне исторического сознания объективная реальность особенно часто выражается в мифах, легендах, и даже анекдотах о Петре I, Екатерине II, А. В. Суворове и т. д.

Третья ступень исторического сознания формируется на основе собственно исторических знаний, приобретаемых на уроках истории в школе, где учащиеся впервые получают представления о прошлом в систематизированном виде. К сожалению, изучение отечественной истории в школе затягивается на несколько лет, и в результате при завершении изучения

курса отечественной истории учащиеся плохо помнят то, с чего они начинали. Причем для большинства людей изучение истории на школьном уровне и завершается. В вузах изучают историю, относительно ко всему населению страны, очень малая группа граждан, и то, как правило, в небольших объемах.

На четвертой (высшей) ступени формирование исторического сознания происходит на базе всестороннего теоретического осмысления прошлого, на уровне выявления тенденций исторического развития. На основе накопленных историей знаний о прошлом, обобщенного исторического опыта формируется научное мировоззрение, предпринимаются попытки получить более-менее четкое представление о природе и движущих силах развития человеческого общества, его периодизации, смысле истории, типологии, моделях общественного развития. На этом уровне исторического сознания предпринимаются попытки объяснить человеческое прошлое во всей его противоречивости и сложности как на конкретно-историческом, так и на теоретическом уровнях. Формирование исторического сознания на теоретическом уровне помогает мыслить историческими категориями, видеть общество в диалектическом развитии, в изменении, осмысливать исторический процесс в динамике, в хронологической взаимосвязи времен. Носителем этого уровня исторического сознания является историческая наука. Обладая систематизированными научными знаниями истории общества, историческая наука может определить ведущие тенденции общественного развития, сформулировать некоторые прогнозы.

Таким образом, историческое знание как элемент общественного сознания, составляющего духовную сторону исторического процесса, нужно воспринимать системно, во всех его ступенях и уровнях, так как без системного подхода представление об историческом сознании будет неполным.

Принято выделять следующие **формы исторического знания**:

Обыденное историческое сознание, в отличие от научного исторического знания, имеет фрагментарную, несистематизированную форму, оно не верифицировано, содержит субъективные оценки, отражает исторический процесс лишь на уровне явлений, не отражает существенные причинно-следственные связи.

Дидактическое историческое знание, в отличие от научного, в изложении разворачивается от простого к сложному и по степени сложности соответствует возрастным познавательным-психологическим возможностям учащихся и задачам их обучения.

Научно-популярное историческое знание — упрощённая форма исторического научного знания, предназначенного для неспециалистов.

Публицистическое историческое знание имеет своей целью тенденциозное и субъективное искажение описания и объяснения исторического процесса для обоснования политики какого-либо государства или политической партии.

Художественное историческое сознание (литература, живопись, скульптура, театр, кино) ставит своей целью в **конкретно-образной форме** отразить социальный опыт эмоционально-психологического отношения, нравственной оценки, фиксации и объяснения конкретных исторических событий.

Научное историческое знание, высшая форма исторического сознания — это объективное, систематизированное, верифицированное конкретное знание исторического процесса развития конкретного общества или их совокупности.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КАК НАУКА: ОНТОЛОГИЯ.

ТЕМА 2. Проблема единства и многообразия исторического процесса.

1. Теории единства исторического процесса.
2. Цивилизационный подход.
3. Современная методологическая ситуация.

1.

Вопрос, по каким законам и благодаря чему развивается мировой исторический процесс, волновал историков всех времен. Существует множество суждений на этот счет, и все они в той или иной степени уязвимы и несовершенны. Можно выделить несколько основных подходов к пониманию истории.

Наиболее древними являются **мифологические и религиозные концепции**. В их рамках история рассматривается как результат действия сверхъестественных сил, как их каприз или упорядоченный замысел. Например, в христианской церковной историографии сутью и смыслом исторического процесса считается движение человечества к спасению, приближение к богу, духовный прогресс, а движущей силой истории – божественная воля, направляющая мир к конечной цели, божий промысел, провидение (лат. *providentia*, отсюда и название данного историко-философского подхода – **провиденциализм**). К религиозным концепциям примыкают **объективно-идеалистические философские концепции**. Их приверженцы отводят главную роль в историческом процессе объективным надчеловеческим силам – Абсолютному Духу (**Г.В.Ф. Гегель**), Мировой Воле (**А.Шопенгауэр**) и т.п. Эти концепции представляют для нас главным образом исторический интерес.

Субъективистские концепции представляют историю, как череду

деяний выдающихся личностей, сосредотачивают внимание на внутреннем мире этих людей. В этом плане написаны "Сравнительные жизнеописания" **Плутарха**, "Анналы" и "История" **Тацита**, "Жизнь двенадцати цезарей" **Светония** и др. Из российских историков можно назвать "Историю государства Российского" **Н.М.Карамзина**, в которой история России рассматривается через жизнеописания выдающихся деятелей России, как результат их деятельности, серию биографий российских правителей, написанную **К. Валишевским**. Зародившись в античности, воспрянув с гуманизмом Ренессанса, этот подход остается актуальным до сих пор («психоистория», историко-биографический жанр), а вопрос о роли личности в истории остается открытым. Более того, именно историко-биографический жанр наиболее популярен. Вспомним работы советских историков **Е.В.Тарле** «Наполеон», **А.Я.Авреха** «П.А.Столыпин и судьбы реформ в России». Особенно возрос интерес к этому жанру в последние годы в связи с переосмыслением русской истории. Наряду с крайне тенденциозными, субъективными книгами **Р.А.Медведева**, **Д.А.Волкогонова** и др. написанными в период «перестройки», появились и серьезные исследования, такие, как двухтомник «Романовы. Исторические портреты», серия «Романовы. Династия в романах», книги о С.Ю. Витте, П.А.Столыпине и др. Эти книги восполняют имевшие место пробелы в исторических исследованиях.

Историки не только изучали исторические события, накапливали факты, но стремились их систематизировать, раскрыть общие закономерности исторического развития. Существуют десятки исторических школ и направлений, но все существующие концепции исторического развития можно более или менее условно разделить на два направления: **всемирно-историческое** и **культурно-историческое (цивилизационное)**. Истоки этих концепций можно проследить еще в древнегреческой и средневековой

историографии, но в завершённом виде они складываются лишь в XIX - начале XX в.

1.

Всемирно-историческая концепция (концепция единства исторического процесса) исходит из следующих основных положений:

- история всего человечества - это единый процесс поступательного развития от низшего к высшему. Все народы, одни раньше, другие позже, неизбежно проходят через одни и те же ступени развития;

- история подчиняется определенным законам, и законы эти, как и законы природы в принципе познаваемы.

Впервые эта концепция была сформулирована немецким философом **Г.Гегелем** (1770 – 1831) Согласно Гегелю, развитие общества идёт по восходящей, от «несвободы» к свободе. Критерием прогресса является степень свободы. В первобытном (азиатском) обществе несвободны все; в рабовладельческом (античном) - свободны лишь немногие. Вершиной развития Гегель считал современное ему прусское (романо – германское) общество, где якобы свободны все. Уже у Гегеля присутствует европоцентристский взгляд на мировую историю. Европа рассматривается как центр мировой истории, как вершина мировой цивилизации, образец для подражания.

Во второй половине XIX в. ведущую роль в этом направлении заняла теория общественно-экономических формаций **К.Маркса и Ф.Энгельса**. В основу развития общества был положен экономический критерий - развитие производительных сил. В понятие **«производительные силы общества»** К.Маркс и Ф.Энгельс включали как орудия труда, так и самих людей, приводящих эти орудия в действие, их квалификацию, умения и навыки. В процессе деятельности между людьми складываются те или иные **производственные отношения**, главным из которых является

собственность на средства производства. Эти производственные отношения представляют из себя **базис** общества, определяются уровнем развития производительных сил и в свою очередь определяют все остальные общественные отношения (правовые, культурные и т.д.), составляющих **надстройку** общества. Совокупность производительных сил и производственных отношений составляет **способ производства**, который определяет тот или иной тип общества **общественно-экономическую формацию**. **Общественно-экономическая формация есть общество на определенной ступени исторического развития, характеризующееся специфическим экономическим базисом и соответствующими ему политической и духовной надстройкой, историческими формами общности людей**. На определенном этапе уровень развития производительных сил перерастет существующие производственные отношения, которые становятся тормозом развития общества. Происходит их изменение, что сопровождается изменением всех общественных отношений (правовых, религиозных, нравственных и т.д.), переходом от одной общественно-экономической формации к другой. К.Маркс не был историком и разработал лишь принципиальный подход. Он не конкретизировал, в частности, количество формаций (в различных работах назывались разные формации). Уже в последующей марксистской литературе утвердилась жесткая пятичленная схема смены формаций; первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая.

Возникновение марксизма явилось буквально революцией в науке об обществе. Впервые была сделана попытка вскрыть механизм общественного развития, показать его причины. Не случайно формационная теория утвердилась в исторической науке, стала на долгое время определяющей (особенно у нас в стране, где она была единственной теорией).

Однако в ходе дальнейшего развития исторической науки проявилась её недостаточность.

Во-первых, стремление объяснить все изменения в обществе лишь действием экономического фактора привело к некоторому упрощению, к определенной **недооценке самостоятельности культуры**, рассматриваемой как надстройка над экономическим базисом, что никак не может объяснить многообразия мировых культур. В определенной мере **игнорировался природно – географический фактор, недооценивалась роль личности в истории, поступки человека рассматривались как строго экономически детерминированные.**

Во - вторых, К.Маркс анализировал историю развития западного общества. Именно под нее был создан соответствующий понятийный аппарат. Для марксистской интерпретации исторического процесса также характерен **европоцентризм**, что значительно обедняет картину всемирной истории, так как не учитывает особенности существования и развития любых иных цивилизаций.

Надо сказать, что Маркс отнюдь не рассматривал свою теорию как всеобщую и обязательную схему. В письме к Н.К. Михайловскому (1877г.) он категорически отверг намерение превратить его *«исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются».*

Ряд стран он относил к так называемому **«азиатскому способу производства»**. Основа восточной структуры – полное поглощение личности коллективом и отсутствие личности как самоценной индивидуальной целостности. Следовательно, отдельный человек – *«раб того, в ком олицетворено единое начало общины»*. Отсутствие частной

собственности – «ключ к восточному небу». **Наиболее существенная характеристика восточного общества – «поголовное рабство» там.** Маркс ни разу не употреблял понятие «класс» по отношению к Востоку. На передний план выходит государство как верховный собственник и высший суверен, т.е. как высшая абсолютная власть над подданными. Оно стоит над обществом, подавляя его. Он высказал идею, что на основе этого способа производства образуется особая формация однако подробного анализа этого вопроса не провел. Между тем большая часть докапиталистических обществ развивалась именно в странах Востока, и для них не были типичны ни рабы, ни феодалы (по крайней мере, в западноевропейском понимании этих классов). Таким образом, формационный подход в его традиционном виде создает большие трудности для понимания многообразия, **многовариантности развития общества.**

Для постмарксистской историографии этого направления характерна **«многофакторность»** в развитии человеческой истории. Исследователи отказываются от поисков единого определяющего развитие фактора. На человеческую историю влияют и экономика, и географическая среда, и климат, и особенности культурного и религиозного развития.

Примером такого подхода стали взгляды французских историков, составлявших школу **«Анналов»** - **М.Блока**, (1886 – 1944); **Л.Февра** (1878 – 1956); **Ф.Броделя** (1902-1985). Не отрицая определяющей роли экономики, они исходили из того, что культура также является самостоятельным фактором, развивается по собственным законам, а не детерминируется экономикой и во многом определяет развитие общества. Они ввели в понятие **«менталитет»** (от франц. **mentalite**). В русском языке ему соответствует понятие «образ мыслей», «мироощущение». Он определяется совокупностью культурных, религиозных, нравственных ценностей, обычаев данного общества. Отсюда разница между американским,

японским, немецким капитализмом. Существует менталитет не только различных культур, но и различных слоёв общества - крестьянства, дворянства, ремесленников, рабочих и др. Тем самым история у представителей школы «Анналов» представляет собой своего рода «социальную психологию». В центр внимания ставится человек, что существенно расширяет экономический подход к историографии

В последнее время у нас в стране широкое распространение получила **модернизационная концепция**, что, видимо, объясняется сходством основных положений этой теории с положениями марксизма. Согласно этой теории, развитие общества определяется уровнем развития науки и техники. **Модернизация** - это всеобщее мировое явление при переходе стран от **традиционного** общества к **индустриальному**. В широком смысле слова - это **процесс обновления традиционного общества, становление иных экономических, политических и социокультурных структур**. В узком смысле слова под модернизацией понимают **процессы промышленной революции и индустриализации, приведшие к формированию индустриального общества, основанного на машинном производстве, фабричной организации труда, едином внутреннем рынке**.

Принято выделять несколько **«эшелонов»** модернизации. Первый «эшелон» - это «общества пионеры» - Западная Европа, США. Вторым эшелон - Россия, Турция, Япония; третий – страны Африки и Латинской Америки

В странах **«первого эшелона»** модернизация началась раньше (в Англии в XVII в., во Франции в XVIII в.) и была обусловлена естественным развитием общества, процесс носил длительный, постепенный характер, развивался органично, «снизу», от мануфактуры к фабрике. Источниками средств для индустриализации были: заморская торговля, работоторговля, эксплуатация заморских территорий. Буржуазные революции, уничтожившие феодальные отношения открыли путь свободному развитию капитализма.

Страны **«второго эшелона»** отставали, в своём развитии. Поэтому над ними реально нависла угроза превращения во второстепенные державы и даже утраты независимости. Вследствие этого, в осуществлении модернизации решающую роль играли не потребности развития экономики, а внешний фактор — военная угроза со стороны развитых стран. Его давление заставляло ускорять развитие, форсировать процессы модернизации, догонять ушедшие вперед страны. В этих условиях решающую роль в осуществлении модернизации играло государство. Преобразования проводились «сверху», чтобы компенсировать недостатки естественного развития «снизу». Широко заимствовались достижения развитых стран и внедрялись государством в приказном порядке (т.н. репродуцирующий путь развития). В этих странах мануфактурный период развития был значительно сокращён - индустриальный рывок начинался сразу с фабрик. Так как мир был уже поделён между ведущими державами, то внешние источники первоначального накопления (внешняя торговля, эксплуатация колоний) были ограничены, приходилось опираться на внутренние источники, что вело к усилению эксплуатации трудящихся. Такой путь получил название **«догоняющей модели модернизации»**.

«Догоняющая модель» имеет свои преимущества, позволяет резко сократить сроки осуществления модернизации. Но, в отличие от классического западного варианта, она лишена внутреннего механизма саморазвития, блокирует инициативу производителей, так как модернизация осуществляется непосредственно государством. Поэтому такая модель позитивна лишь на ранних этапах модернизации, впоследствии же неизбежен переход к западному варианту.

В странах **«третьего эшелона»** модернизация осуществлялась сверху колониальной администрацией, направление и уровень развития определялись страной – метрополией. Источниками средств являлся вывоз

капитала развитых стран, обеспечивавших инвестиции в промышленность. Экономика этих стран имели, как правило, аграрно-сырьевой характер, являясь составной частью, своего рода придатком экономики стран метрополий.

Модернизационная теория однозначно признает эталонными для модернизации других стран наиболее развитые — западные. Под модернизацией понимается процесс вытеснения традиции современностью или восходящее развитие от традиционного общества к современному. При этом традицией, как правило, признается то, что тормозит социальный прогресс, и что необходимо преодолеть и сломать. ***Развитие всех стран и народов рассматривается с универалистских позиций — оно должно происходить в одном направлении, иметь одни и те же стадии и закономерности.*** Признавалась наличие национальных особенностей модернизации, однако считалось, что они имеют второстепенное значение

Логическим завершением модернизационной концепции стала книга американского политолога **Френсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек»**, написанная в 1992 году. Фукуяма считает, что с распадом СССР и крушением социализма либеральные ценности стали ценностями всего человечества, либеральная идеология утвердилась в качестве единственной, наступил конец истории. *«Либеральная демократия может представлять собой конечный пункт идеологической эволюции человечества»*. Тем самым, Ф. Фукуяма не только похоронил коммунизм, но и поставил крест на общественной эволюции: о какой общественно-экономической эволюции может идти речь, если ничего лучше Западной демократии и глобального капитализма нет и быть не может? Это и есть «конец истории».

Таким образом, главный недостаток всемирно — исторической концепции состоит в разделении стран на развитые и отсталые.

Причем отсталые страны в своем развитии неизбежно должны повторить путь развитых стран не только в экономическом, но и в политическом развитии. Никакие различия в религии, культуре, обычаях во внимание не принимаются. Если же какие – либо страны не согласны с лидерством Запада, то надо использовать все средства, чтобы заставить их придерживаться западных ценностей.

2.

Вторая концепция, **культурно – историческая**, или **цивилизационная**, исходит из следующих положений:

- История человечества представляет собой не однонаправленный линейный процесс, а историю отдельных цивилизаций. История не есть развитие единого человечества, а развитие сосуществующих или сменяющих друг друга культур.

- Каждая цивилизация имеет завершающийся цикл развития: она рождается, достигает расцвета и гибнет. Впервые идея о локальных цивилизациях, переживающих сходные фазы в своем развитии, была выдвинута русским философом **Н.Я. Данилевским (1822-1885)** в его книге **«Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо – романскому»**. Идея о многообразии локальных цивилизации возникла именно в России не случайно. Для европейской историографии того периода был характерен **“европоцентризм”**. Изучалась главным образом история Европы, остальные страны рассматривались лишь постольку, постольку оказывали влияние на ход европейской истории. Россия же географически расположенная на территории как Европы, так и Азии, была хорошо знакома с культурами Китая, Индии, Ирана, стран Средней Азии, видела их своеобразие и самодостаточность.

Н.Я.Данилевский отверг единую нить в развитии человечества, мысль о

том, что история есть прогресс некоторой общей цивилизации. Такой цивилизации нет. Существуют отдельные цивилизации - **«культурно-исторические типы»**.

Труд Н.Я. Данилевского выделил тринадцать "культурно-исторических типов". Длительность «жизненного цикла» каждой культуры составляет 1500 лет. За это время каждый «культурно-исторический тип» проходит стадии: этнографическую, создания государства, творческую - и приходит к естественному концу.

Наивысшего развития культурно-историческая концепция достигла в трудах **О.Шпенглера** (1880 – 1936) и **А. Тойнби** (1889 -1975).

О.Шпенглер в своем главном труде **“Закат Европы”** решительно отвергает общепринятую условную периодизацию истории на «Древний мир — Средние века — Новое Время» (поскольку она никакого значения не имеет для неевропейских обществ). Шпенглер предлагает другой взгляд на мировую историю — как на ряд независимых друг от друга культур, проживающих, подобно живым организмам, периоды зарождения, становления и умирания.

Нивелирующее единство идеи всемирно-исторического процесса Шпенглер предлагает заменить иной картиной — циклической историей возникновения, расцвета и гибели многочисленных самобытных и неповторимых культур. К числу «великих культур», вполне реализовавших свои потенции, Шпенглер относит **китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную, византийско-арабскую, западную, культуру майя, а также «пробуждающуюся» русско-сибирскую**. Уникальность каждой культуры обеспечивается своеобразием её «души»: в основе античной культуры лежит «аполлоновская» душа, арабской — «магическая», западной — «фаустовская», и т.д.

Западноевропейская культура, как неповторимый и ограниченный во

времени феномен, зарождается в IX веке, переживает свой расцвет в XV – XVII веках и с XIX века, с наступлением периода цивилизации, начинает «закатываться»; конец западной цивилизации должен наступить с 2000 г.

Последовательно проводимый Шпенглером тезис об уникальности культур, их сменяемости (не преемственности) вел к признанию их **ценностной эквивалентности**: все они равны по своему историческому значению и должны сопоставляться вне всяких оценочных категорий. Сравнительный анализ культур, как считал Шпенглер, обнаруживает **единство их судьбы**: каждая культура проходит одну и ту же последовательность фаз развития, и основные черты каждой фазы тождественны во всех культурах; все культуры сходны по длительности существования (около 1000 лет) и темпам своего развития; исторические события, относящиеся к одной культуре, имеют соответствия во всех других.

В основном труде **А.Тойнби «Постижение истории»** критикуется концепция «единства цивилизации». Он пишет: *«Современная западная цивилизация распространила свою экономическую систему по всему миру. За экономической унификацией, которая зиждется на западном основании, последовала политическая унификация... зашедшая почти так же далеко...»*. Иными словами, такой взгляд на современный мир ограничивается только экономическими и политическими аспектами социальной жизни, но **никак не распространяется на культуру**. Исходя из этого, *«Западное общество провозглашается ... цивилизацией уникальной, обладающей единством и неделимостью, цивилизацией, которая после длительного периода борьбы достигла наконец цели – мирового господства»*. *«Жители Запада воспринимают туземцев как часть местной флоры и фауны, а не как подобных себе людей... Им отказывают даже в праве на суверенность земли, которую они занимают»*. *Этапы истории других цивилизаций, если они не вписываются в общую*

концепцию, просто игнорируются, опуская их как “полуварварские” или “разлагавшиеся” или относятся к Востоку, который фактически исключается из истории цивилизации. Таким образом, все цивилизации объединяются в одну, цивилизация оказывается выпрямленной в линию от неолита до всеобъемлющей современной западной цивилизации».

В книге А.Тойнби разработана детальная **концепция круговорота цивилизаций**. В нём исследуются пять живых цивилизаций (западная, православно-христианская, исламская, индуистская, дальневосточная) и тридцать две мёртвые. Каждая цивилизация имеет свой жизненный цикл, проходит в своем развитии фазы - возникновения, роста, надлома и распада. Причина генезиса цивилизации - ответ на вызов, поставленный перед обществом. В понятие «вызов» А.Тойнби включал резкое изменение природно-климатических условий, нападение иноземцев, разложение предшествующих цивилизаций.

Из работ последних лет следует выделить книги **Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций?»** (1993) и **«Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»** (1996). В этих работах автор обосновал идею многополярного мира, сложившегося после окончания холодной войны. Хантингтон определяет цивилизации как **большие конгломераты стран, обладающие какими-либо общими определяющими признаками (культура, язык, религия и т. д.)**. Как правило, основным определяющим признаком наиболее часто является **общность религии**.

Цивилизации, в отличие от стран, обычно существуют долгое время — как правило, более тысячелетия. Он выделяет следующие цивилизации: **Западная, Исламская, Индуистская, Синская, Японская, Латиноамериканская, Православная, Африканская, Буддистская**. Географическое соседство цивилизаций нередко приводит к их

противостоянию и даже конфликтам между ними. Каждая цивилизация видит себя самым важным центром мира и представляет историю человечества соответственно этому пониманию.

Западная цивилизация возникла в VIII—IX веках нашей эры. Она достигла своего зенита в начале XX века. Западная цивилизация оказала решающее влияние на все остальные цивилизации. Восприятие западного влияния (вестернизация) и технологический прогресс (модернизация) могут происходить раздельно или совпадать (частично или полностью).

Религиозный фанатизм часто является реакцией обывателя на модернизацию, вестернизацию или же на сочетание того и другого; В процессе глобальных перемен, международные организации, возникшие после Второй мировой войны (ООН и т. д.) должны будут постепенно изменяться в сторону более справедливого учёта интересов всех стран. Например, в Совете Безопасности ООН должна быть представлена каждая цивилизация. *«...Запад, — пишет Хантингтон, — напрасно уповает на то, что рано или поздно его демократические стандарты завоюют мир. Этого не произойдет. В XXI веке человечество ждет деградация западных ценностей и резкое возвышение азиатских цивилизаций. Столкновение между ними небезопасно. Вопрос о том, выживет ли в результате схватки двух противоположных миров человечество, остается открытым».*

Разновидностью цивилизационной концепции является евразийство. **Евразийство** - одно из направлений русской исторической мысли, делающее акцент на своеобразии России, вытекающем из ее расположения сразу на двух континентах - Европе и Азии, т.е. на самом крупном материке Земли - Евразии.

Евразийство было основано в 20-х гг. XX в. философом и богословом **Т.В.Флоровским**, лингвистом и культурологом **Н.С.Трубецким**, политологом

П.Н.Савицким, философом **Л.П.Карсавиным**, ученым **Г.В.Вернадским**. Ядро их теории - в объективном характере единства страны, возникшей на огромной территории, единства **суперэтнуса**. Россия наследница татаро – монгольской империи в той же мере, как и Киевской Руси. Россия - это великая евразийская держава, которая представляет собой не задворки европейской цивилизации, а особую, самостоятельную цивилизацию. Евразийство было направлено против однобокой ориентации России на Запад, явной недооценки ее самобытности и роли. Концепции евразийства придерживался **В.В.Кожин**. Концепцию евразийства в последнее время активно разрабатывает **В.Г.Дугин**.

Был близок к цивилизационному направлению и русский исследователь **Л.Н. Гумилёв**, называвший себя «последним евразийцем». Он ввёл понятие **«этнос»** как общность людей. Это не государство, не нация, не народ. Определение этноса - *«коллектив людей, противопоставляющий себя прочим коллективам»*. Нет ни одного признака для определения этноса (ни общности языка, ни обычаев, ни культуры) - только **сознание общности**. Этнос формируется на определенной территории в тесном взаимодействии с окружающей средой как неразрывная ее часть, и взаимодействует в ходе развития с биосферой (этим фактором Л.Н.Гумилев объясняет возникновение такого явления, как «патриотизм»). История человечества, по Л.Н. Гумилеву, - история развития и взаимодействия этносов.

Этнос возникает в результате **пассионарного толчка** - биологической мутации, приводящей к резкому увеличению числа **пассионариев** — людей активных, способных к «сверхнапряжению» ведущих завоевательные войны, осуществляющих колонизацию.

Этнос переживает **фазу подъема** - резкого увеличения численности, роста активности, расширения территории за счет соседей. Затем следует

акматическая фаза - фаза наивысшей активности. Меняется пассионарность. Появляется стремление не только к победе своего этнического коллектива, но и к утверждению себя как личности (отсюда распад империй, междоусобные войны). Следующая, **фаза надлома** - распад государств, рост числа **субпассионариев** (людей, живущих за счет государства), революции, гражданские войны. Затем следует **фаза инерционная** - период успокоения, когда преобладают люди законопослушные, работающие, с низким уровнем пассионарности.

Следующая фаза - **фаза обскурации** - для нее характерен рост паразитизма, коррупции, преступности. Главное - удовлетворение личных потребностей. В этот период этнос становится легкой добычей для соседей. И, наконец, **мемориальная фаза**. Разрозненные остатки этноса, утратившие государственность, сохраняют память о былом величии в фольклоре, легендах.

Достоинство цивилизационной концепции в том, что она провозглашает равенство и одинаковую ценность всех цивилизаций.

Следует заметить, что всемирно-историческая и цивилизационная концепция противоречат друг другу лишь на первый взгляд. Здесь мы имеем дело лишь с **различными объектами исследования**. Если человечество в целом развивается по восходящей линии от низшего к высшему, то этого нельзя сказать о каждой человеческой цивилизации. Нет ни одной цивилизации, которая существовала бы на протяжении всех стадий развития человечества - каждая цивилизация проходит свой цикл развития, на ее место приходит новая, впитавшая в себя достижения предшествующих культур, а все вместе они составляют линию развития единой человеческой цивилизации. **Применительно к современному миру, всё человечество переходит от традиционного общества к индустриальному, но каждая**

цивилизация осуществляет этот переход по-разному, в зависимости от особенностей своего развития.

2.

В прошлой лекции говорилось о идейно – политической функции исторической науки. В чем же **разница между научной концепцией и идеологией?** Каково их соотношение?

В советский период единственной официальной идеологией общества был марксизм. Соответственно единственной допустимой методологией была марксистская. В «Советской Исторической Энциклопедии» прямо говорилось: *«Последовательно научной методология истории становится с возникновением **материалистического понимания истории и выработкой соответствующего ему метода.** Поскольку, с точки зрения марксизма, закономерности исторического исследования по-своему воспроизводят закономерности самой истории, объективного процесса поступательного движения человечества, постольку теория исторического процесса и теория исторического познания взаимосвязаны, в определенной мере переходят друг в друга».* Методология истории - неразрывный составной элемент исторической науки. По отношению к последней она представляет собой итог, результат предшествующего развития науки, теоретически осмысленный и переработанный в логику современного научного исторического познания». **Тем самым уже в самом определении был заложен односторонний взгляд на характер исторического процесса.**

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. с изменением политического строя происходит отказ от **«моноидеологии»** - идеологии марксизма как единственно допустимого метода исторических исследований. В статье 13 Конституции РФ подчеркнуто, что **«ни одна идеология не может быть установлена в качестве государственной».** В условиях крушения

коммунизма это привело к так называемой **«методологической революции»**, когда все исследования, осуществленные в рамках марксистской парадигмы, априорно объявлялись консервативными и нелепыми. Такое положение в исторической науке явилось результатом отождествления понятий **«научная концепция»** и **«идеология»** сложившемся еще в первые годы Советской власти, когда история рассматривалась как «политика, обращенная в прошлое». Между тем, эти понятия несут в себе различное содержание. В «Википедии» дается следующее определение идеологии: *«Идеоло́гия (греч. ιδεολογία, от греч. ιδέα — прообраз, идея; и λογος — слово, разум, учение) - система концептуально оформленных взглядов и идей, выражающая интересы различных обществ, социальных классов и групп, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также либо санкционируются существующие в обществе формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновываются их преобразования (радикальные, революционные идеологии). Идеология — не наука (хотя может включать в себя научные знания): в отличие от науки идеология не только представляет собой знание о социально-политической жизни, но также включает в себя оценку (степень желательности или нежелательности с точки зрения субъекта идеологии) тенденций, процессов и различных сил этой социально-политической жизни».* **Идеология призвана заниматься обоснованием интересов и ценностей тех или иных социальных слоев, классов, этносов, конфессий. Каждая идеология стремится доказать правомерность своих взглядов, идей, ценностей и несостоятельность других.** В советский период марксизм был объявлен «научной идеологией», а остальные точки зрения – «буржуазными».

Концепция же, это система взглядов, определенный угол зрения на те, или иные явления, способ их трактовки, возникающий на базе научного исследования. Каждая концепция определяет свою методологию – совокупность методов исследования. Научная концепция не претендует на то, чтобы быть единственно правильной, учитывает взгляды и выводы представителей других направлений.

Разница между наукой и идеологией очень четко показана выдающимся русским социологом **А.А. Зиновьевым**: «Задача науки – познавать мир. Задача идеологии – не открытие новых истин о природе, обществе и человеке, а организация общественного сознания, приведение сознания людей к некоторому общему стандарту, управление людьми путем воздействия на их сознание... Понятие истины к идеологии не применимо, как оно не применимо и к религии». К сожалению, в исследованиях советского периода эта разница была сведена к нулю.

В начале 1990-х гг., на смену одной моноидеологии – марксистской, пришла другая – **либеральная**. Некритически заимствовались идеологические штампы из работ западных историков. Исторический путь развития Западной Европы и США рассматривался как единственно правильный путь развития мировой цивилизации. В 1983 году президент Рональд Рейган говорил об особой ответственности, лежащей на Америке. «Мы — особая страна. Америка обеспечивает свободу, безопасность и мир большей части человечества, чем любое государство в мировой истории. Таких, как мы, больше нет и никогда не было. Наша страна родилась из революционной идеи о том, что люди «наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами». Сперва мы были для мира примером возможностей, которые открывает свобода. Во время Второй мировой мы стали защитниками свободы, а после холодной войны — единственной в мире сверхдержавой. Мы не стремились к этому

положению. Оно досталось нам благодаря нашим идеалам, нашей мощи и мощи наших идеалов. Ни одна другая страна, ни одна международная организация, ни одно «сообщество наций» не способны на то, что мы делаем. Для триумфа свободы важно не только наше непосредственное участие в мировых делах. Не менее важна наша роль лидера. В течение изрядной части столетия свобода и безопасность миллионов людей по всему миру зависели от военной, экономической, политической и дипломатической мощи Америки.

Кроме того, на нас как на гражданах лежит еще одна обязанность — обязанность защищать наши идеалы и наши свободы, сохраняя нашу историю. Мы должны проследить за тем, чтобы наши дети знали, кто мы, что сделали и почему именно Америка должна защищать свободу. ... Они должны помнить об отваге молодых американцев, сражавшихся с нацистами в Арденнах и с японцами на Окинаве. Они должны понимать, почему Америка была права, когда завершила войну, сбросив атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, и гордиться благородством страны, создавшей доктрину Трумэна, план Маршалла, Берлинский воздушный мост и Организацию Североатлантического договора. ... Они должны не забывать о злобной и лживой империи, которой пришлось построить стену, чтобы ее граждане из нее не сбегали, — и о победе, которую одержал над ней свободный мир во главе с Америкой. ... Мы должны объяснить им, чего нам стоила победа над злом в 20-м веке и что потребуется для нее в 21-м. Мы должны убедить их в том, что отважные мужчины и женщины из наших вооруженных сил защищают нашу свободу — и свободу миллионов других людей.

Наши дети должны знать, что они — граждане исключительной страны, самой могущественной, доброй и благородной страны в истории человечества. Они должны знать, что они — наследники великого

прошлого и великого долга. Простые американцы много раз совершали подвиги во имя свободы. Сейчас этот долг лег на наши плечи».

Многие историки восприняли новые идеологические штампы, как руководство к действию, стали переписывать историю с либеральных позиций. Отличие этой литературы от литературы советского периода заключалось лишь в полярной смене оценок, в целенаправленном поиске негатива. Главный недостаток этой идеологии, в **однолинейности, однонаправленности**, в том, что исторический путь западной цивилизации рассматривается как магистральный путь развития человечества, а любые отклонения от этого пути – как отказ от «общечеловеческих ценностей», под которыми подразумевались либеральные ценности западной цивилизации. Тем самым автоматически проводится разделение на «передовые» и «отсталые» народы, которые необходимо приобщить к ценностям западной цивилизации. Критикуя эту концепцию, еще в начале XX века представитель евразийского направления историк **Н.С.Трубецкой** писал: *«Затаенной мечтой каждого европейца является обезличение всех народов Земного шара, разрушение всех своеобразных обликов культур, кроме одной европейской ... которая желает прослыть общечеловеческой, а все прочие культуры превратить в культуры второго сорта».*

Как реакция на такую постановку вопроса получила распространение концепция **«многоконцептуального изучения истории»**. Эта концепция стала складываться в Германии в конце XIX века, но окончательно сложилась уже в XX веке (см.: Разд. 2). Суть ее формулируется следующим образом: *«нет объективной, «правдивой» интерпретации истории; осмысление исторических фактов субъективно. На осмысление (интерпретацию) влияют: ментальность эпох, ментальность людей разных стран, политические пристрастия. Проведение одной одноконцептуальной точки зрения исключается. Если же употребляются терминологические*

клише (тоталитарная система, формация, модернизация, пассионарность, способ производства), то дается пояснение, называется историческая школа, методологическое направление».

Теория «многоконцептуальности» возникла как реакция на новые идеологические штампы, навязываемые историкам. Смысл ее в равноуважительном отношении к различным историческим концепциям. «Различие между концепциями состоит в предмете изучения и в системе взглядов на исторический факт. Каждая схема-теория из множества исторических фактов выбирает только те, которые вписываются в ее логику. Теория — логическая схема, поясняющая исторические факты. Сами по себе исторические факты как “фрагменты действительности” ничего не объясняют. Только историк дает факту толкование, которое зависит от его идейно-теоретических взглядов.

Что отличает одну теорию исторического процесса от другой? Различие между ними состоит в предмете изучения и системе взглядов на исторический процесс. Каждая схема-теория из множества исторических фактов выбирает только те, которые вписываются в ее логику. Исходя из предмета исторического исследования, каждая теория выделяет свою периодизацию, определяет свой понятийный аппарат, создает свою историографию. Различные теории выявляют только свои закономерности или альтернативы — варианты исторического процесса и предлагают свое видение прошлого, делают свои прогнозы на будущее.

Истинными могут быть только факты истории, толкование этих фактов всегда субъективно. Тенденциозно подобранные и выстроенные в заранее заданную логически-смысловую схему факты (без объяснения и выводов) не могут претендовать на объективную историю, а всего лишь являются собой пример скрытого подбора фактов определенной теории. Различные теории изучения, объясняющие реальные исторические факты,

не имеют преимущества друг перед другом. Все они “правдивы, объективны, верны” и отражают различие мировоззрений (Мировоззрение человека — совокупность сознания и психолого-биологических факторов), систем взглядов на историю и современное общество. Критика одной теории с позиции другой некорректна, так как подменяет мировоззрение, предмет изучения. Попытки создать общую (единственную), универсальную теорию, то есть объединить разные теории – мировоззрения (предметы изучения), антинаучны, так как приводят к нарушению причинно-следственных связей, к противоречивым выводам».

В данном случае мы имеем дело с классическим **смещением понятий**, отождествлением понятий «научная концепция» и «идеология». Но **при таком понимании вопроса вообще не может идти речь об истории, как о науке**. Безусловно, различные историки по-разному интерпретируют исторические события, исходя из своих взглядов, политических убеждений, дают различные толкования событий, по-разному их оценивают. Не следует игнорировать тот факт, что историческая наука была и остаётся ареной острейшей идеологической борьбы. Историки стремятся оправдать политику своих государств, зачастую тенденциозно излагая факты. Историки различных направлений выражают интересы того или иного класса, социального слоя, зачастую не совпадающие с взглядами других слоёв общества. Различные историки работают в рамках определённой системы ценностей, исторической парадигмы, причём эти системы различны у разных народов и меняются по истечении времени, зачастую, в различные эпохи прямо противоречат друг другу. Не случайна фраза о том, что «каждое поколение пишет свою историю». Однако отсюда отнюдь не следует, что попытки создать общую (единую) универсальную историю антинаучны. Безусловно, социальный заказ историкам со стороны

общества и власти присутствует, важно только, чтобы он стимулировал появление исторических работ, связанных с определенной, интересующей общество, тематикой, но **не предопределял выводы исследователя, труд которого в таком случае из исторического превращается в идеологический**. Борьба различных теоретических направлений – общее явление, характерное для любой науки (в физике, например, волновая и корпускулярная теории света). Именно в борьбе мнений рождается истина. Старые положения и выводы устаревают, на их основе создаются новые. Нет, и не может быть отдельной исторической науки для коммунистов, для либералов, для патриотов. Историческая наука едина. В ходе развития исторической науки, историки различных направлений на основе анализа фактов корректируют свои взгляды, учитывают аргументы историков противоположных направлений и, в конечном итоге, их позиции сближаются, хотя борьба мнений будет существовать всегда, без чего невозможно развитие исторической науки. Каждый историк, вне зависимости от политических взглядов, вносит свой вклад в развитие исторической науки в целом. Следует полностью согласиться с мнением **Л.Н.Гумилева** о том, что **«в науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычны они не были»**. Поэтому все разговоры о плюрализме оценок, относительности исторического знания и прочем можно смело отставить. Если у вас нет концепции истории собственной страны, значит, вашим детям вложат в голову чужие взгляды на историю вашей страны. И они вырастут в полном убеждении, что Россия – это ошибка европейской цивилизации, а наши правители были один другого кровожадней и глупее.

На наш взгляд, с позиции одной методологической концепции трудно объяснить особенности развития той или иной страны, как и всемирной

истории в целом. Вследствие этого ряд исследователей придерживается **многофакторного** подхода. Суть его состоит в том, что исторический процесс объявляется результатом параллельного и равнозначного воздействия многих факторов: экономического, политического, идейного, психологического, биологического и т.п., из которых ни один не является определяющим, хотя в зависимости от исторических условий один из них может выйти временно на передний план, потеснив остальные.

Этот подход к истории всегда пользовался и сейчас пользуется наибольшей популярностью в западной общественной науке. Американский ученый **Элсуорт Хантингтон** (1876 — 1947) в монографии **«Главные движущие силы цивилизации»** (1945) не столько опровергал однофакторные подходы, сколько разрабатывал многофакторный. Рассматривая историю как процесс поступательного развития, он искал факторы, определяющие ее прогресс. Э. Хантингтон насчитывал три таких фактора. Один из них — **генетическая наследственность**. Она понимается им очень широко. При анализе этого фактора огромное значение придается биологическому отбору. Другой фактор — **физическая среда, включая ландшафт, растительный и животный мир, климат, погоду, сезонные изменения, питание, плотность населения и др.** Третий фактор — **культурное наследие**. Все эти факторы взаимодействуют друг с другом. Если их сочетание благоприятно, цивилизация испытывает быстрый прогресс, если неблагоприятно — имеет место регресс. Знание комбинированного влияния этих факторов — необходимая предпосылка полного понимания истории.

В настоящее время многофакторный подход завоевывает все большее число сторонников среди российских историков и социологов. Так, например, в совместном труде **Р.В. Манекина, Я.Г. Шемякина, А.В. Коротаяева, И.Н. Ионова и М.В. Дмитриева «Альтернативность**

истории» (1992) говорится: «любая попытка выделить из множества факторов исторического развития один в качестве определяющего объявляется редукционизмом, закрывающим «путь к познанию общества как целостности, во всей его сложности и противоречивости, во всем богатстве составляющих его элементов и связей».

Эту же точку зрения излагает член-корреспондент РАН **А. Н. Сахаров** в предисловии к книге **«История России. С древнейших времен до конца XVII века»** (1996), — первой из трехтомной серии, предназначенной служить учебным пособием для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов: *«Характерной особенностью настоящей «Истории России» является также освобождение ее от какой-то одной навязчивой идеи, которая якобы доминировала в истории страны. В прошлые века это была идея автократической власти, якобы оплодотворявшая страну и народ, или рассуждения о великой роли православия в истории России. В XX в. таковой стала мысль о примате материального, экономического производства и классовой борьбы в мировой истории, в том числе и истории нашего Отечества. Не отрицая значения ни того, ни другого, ни третьего, создатели трехтомника полагают, что на историю страны воздействует гораздо более богатая и разнообразная палитра факторов, нежели скудный набор из двух-трех схематических доминант. Причем эти факторы имеют различное значение в разные периоды истории страны. Наряду с уже отмеченными рассмотрено влияние географического фактора на жизнь страны, ее полиэтничность, региональные особенности, внешнеполитические обстоятельства, колониционные процессы, личностный фактор, влияние духовных начал на эволюцию общества и ряд других специфических обстоятельств, воздействовавших в тот или иной период особенно активно на исторический путь страны».*

Наиболее плодотворным нам представляется **сочетание модернизационного и цивилизационного подходов**. Процессы модернизации, ведущие к созданию индустриального общества одинаковы во всех государствах. Но эти единые процессы протекают по – разному, в зависимости от особенностей той или иной цивилизации. Цивилизационные особенности определяют скорость модернизации и формы в которых она осуществляется.

ТЕМА 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ.

1. Понятие исторической необходимости.
2. Проблема законов истории. Историческая закономерность и исторический закон.
3. Альтернативность в истории. Категории «необходимости» и «случайности».

1.

«Мировую историю можно воспринимать как хаотическое скопление случайных событий — как беспорядочное нагромождение, как водоворот пучины. Он все усиливается, одно завихрение переходит в другое, одно бедствие сменяется другим; мелькают на мгновения просветы счастья, острова, которые поток временно пощадил, но вскоре и они скрываются под водой». Это определение истории принадлежит **Максу Веберу**, выдающемуся философу и социологу. Однако ***такое определение исключает возможность познания истории.*** Действительно, научное понимание истории несовместимо с оценкой ее как хаоса. Научное понимание находит в истории порядок и смысл; идея единства — одно из самых общих и фундаментальных тому свидетельств. История в целом — сфера господства детерминизма, причинно-следственных связей неисчерпаемо различной глубины и длительности действия. Фундаментальной, хотя и не единственной, стороной исторического действия любого уровня и масштаба является его ***необходимость***, складывающаяся из ***целеполагающей деятельности человека и той, всегда конкретной, исторической ситуации, в которой эта деятельность проходит, и игнорировать которую или исключить не может никто.***

Существуют два варианта понимания исторической необходимости: ***теологический и светский.*** Обратимся к ***теологическому*** ее варианту. **Ж. Боссюэ** (1627—1704) писал: *«...обширная цепь частных причин, которые*

приводят к расцвету и упадку империй, зависит от решения Божественного Провидения. Высоко в небе Бог управляет судьбами всех царств. Каждое человеческое сердце у него в руках. Иногда он сдерживает страсти, иногда он дает им волю, возбуждая человека. Так Бог приводит в исполнение свой грозный приговор в соответствии с вечными законами. Это Он готовит финал, приводя в действие самые далекие причины, это Он наносит страшные удары, эхо которых слышно повсюду. Итак, Бог правит всеми народами» **Провиденциальная детерминистическая концепция истории** оставляет неразрешенной одну проблему. Согласно религиозной доктрине человек имеет свободу, в частности, в выборе поведения, праведного или грешного.

Это ничто иное, как признание свободы воли в земной жизни человека. Но при этом возникает проблема: **как примирить божественное всемогущество с фактом человеческой свободы**. Догматика и язык веры не признают случайности.

Природа исторической необходимости — в **светском ее варианте** иная. В философско-исторической мысли понятие **«необходимость»** стало отождествляться с категорией **«закономерность»**; в этом — традиция развития этой мысли от Нового времени до современности. У начала данной традиции стоит рационализм XVII в. с его попыткой **переноса представлений о мире физических явлений на понимание истории**. Разновидностью этих взглядов было просветительское **понимание законов истории как законов природы**. Просветители рассматривали историю как простое продолжение природы, крайним вариантом этих представлений была концепция **географического детерминизма Ш. Монтескье (1689—1755)**. Философ был убежден в том, что географическая среда, ландшафт, климат являются факторами, определяющими развитие истории.

Идея законов истории содержится в философии истории **Г. Гегеля (1770**

– 1831). «Всемирная история, — писал он, — есть **прогресс в сознании свободы, прогресс, который мы должны познать в его необходимости**». Все совершающееся в истории происходит, по мнению Гегеля, в силу необходимости и уже существует в себе до начала развития как некое воплощение объективного духа. Очевидно, что необходимость выступает в данном случае в качестве понятия, весьма близкого по своему смыслу категории «закономерность» или тождественного ей.

Марксистский вариант методологии истории представлен идеей закономерного развития истории с выделением **общей исторических законов и законов, действующих в пределах определенных исторических эпох**. К **первым** относятся закон об определяющем значении общественного бытия по сравнению с общественным сознанием, закон о соответствии производственных отношений характеру производительных сил; ко **вторым** — закон классовой борьбы, закон первоначального накопления и т.д. О характере реализации законов К. Маркс писал: «...общие законы осуществляются лишь весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний».

Философия истории **позитивизма** предложила свое, хотя и не очень однозначное, представление о **законах истории как законах природы, физиологических, психологических и иных вариантах исторической закономерности**. Один из самых известных представителей позитивистской историографии Г.Т. Бокль (1821 — 1862), обосновывая необходимость изучения естественных причин явлений, отвергал правомерность приписывания их действию сверхъестественных причин. Что же такое причины естественные, если в истории нет места сверхъестественному вмешательству? Действия людей, по мнению Г.Т. Бокля, управляются «**неизменными законами**», которые он называл физическими, т.е. законами природы. При

этом философ подчеркивал, что *«...из двух разрядов законов, управляющих прогрессом человечества, умственный разряд гораздо важнее физического»*. Поясним: «умственный разряд» законов означает признание первичности духовного начала в истории. Тем не менее, глубокий рациональный смысл признания законов состоит в ***отрицании сверхъестественного вмешательства в историю и предопределенности ее развития***. В то же самое время Г.Т. Бокль ***отвергал фактор свободы воли***: *«человек совершает те или иные действия исходя из побуждений, но побуждения с неизбежностью обусловлены предшествующими обстоятельствами»*. Далее ученый делает вывод не с точки зрения историка, а с точки зрения представителя естественных наук: ***«...действия людей, завися только от предшествующих причин, должны иметь известный отпечаток однообразия, т.е. должны при совершенно одинаковых условиях иметь совершенно одинаковый исход»***.

Однако совершенно одинаковых условий в истории не бывает, они всегда конкретны, то – есть в известной мере, различны. Даже если те или иные условия одинаковы, скажем, географическая среда, реальность истории будет разной (древние Афины и Спарта и т.д.). В данном же варианте мышления историческая необходимость и закономерность, по существу, тождественны: все в истории определяется действием законов.

Полной противоположностью идее законов истории было и остается их отрицание. Представитель аналитической философии истории **К. Поппер** (1902—1989) разделял точку зрения, согласно которой историка интересуют отдельные события, а не какие-то универсальные исторические законы. По его мнению, *«не может быть никаких исторических законов. Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельного события и его причинного объяснения»*. К.Поппер допускал законы лишь в качестве ***элементов***

исторического объяснения, но был категорически против объективных законов исторического процесса. Он признавал причинно-следственные связи явлений, но не доводил их до уровня закономерного характера.

Независимо от позиции сторонников и противников представления о законах истории открытыми остаются вопросы: *«Существуют ли законы истории?»*, *«О каких открытиях в этой области можно говорить?»*, *«Чем отличаются законы истории от законов природы как по механизму их действия, так и по способам их познания?»*, *«Каково соотношение причинно-следственных связей с тем уровнем обобщения, который соответствует понятию закономерности в естественно-научном смысле и применительно к историческому познанию?»*

Начнем с последнего. **Любое историческое событие детерминировано**, то - есть вызвано действием какой-то причины или их совокупностью. Событий, не обусловленных определенными причинами, не существует. *«В действии, — писал Г.В.Ф. Гегель, — нет ничего, чего нет в причине, и причина есть причина лишь в действии»*. История, по мнению философа, — это *«шествие субстанции через причинность»*. Объяснить явление — значит, в любом случае раскрыть его причины. Разумеется, при анализе событий историк сталкивается с многообразием причин, которое характеризуется их различием по степени значимости, по масштабам, диапазону и глубине действия в каждом конкретном случае.

Лишь одно свойство объединяет это многообразие — **конкретность причины в любой исторической ситуации**: причин вообще, вне конкретной обстановки не бывает. Так, нужда, бедственное материальное или иное положение людских масс породили волну крестьянских восстаний, прокатившихся по Европе и России: Жакерию 1358 г., восстание Уота Тайлера 1381 г., Крестьянскую войну в Германии 1524 — 1526 гг., восстание Роберта Кета 1549 г. в Восточной Англии, восстание Ивана Болотникова 1606—1607 гг.,

крестьянские войны под предводительством Степана Разина 1670 — 1671 гг. и Емельяна Пугачева 1773— 1775 гг. в России и т.д. **Сходство, близость побудительных мотивов действий крестьян в каждом случае историку понятны, как ясно и то, что суть мотивации всегда проявляется в столь конкретной обстановке, что ни о каком тождестве этих однопорядковых явлений говорить нельзя.** Отсюда понятен различный ход этих движений и столь разные результаты — от уничтожения остатков крепостничества в Англии (восстание Уота Тайлера) до реставрации крепостнических порядков в восточных землях Германии (после Крестьянской войны).

Такова природа причинно-следственных связей в истории: они являются **единством конкретного, самобытного, индивидуального и повторяющегося, сходного, общего.** Это объясняется мотивацией человеческой деятельности, одним из фундаментальных источников формирования которой является окружающая индивида среда. Индивидуальные или коллективные человеческие интересы, цели, желания, страсти составляют мотивы поведения индивидов и масс, т.е. становятся причинами этого поведения. Отсюда следует, что **причины, а значит, и результаты действий, т.е. события, ими порожденные, всегда и неизбежно конкретны, своеобразны, индивидуальны.** В таком виде перед мысленным взором историка предстает любое событие.

События, как и их причины, различаются **масштабом действия.** Так, причины поражения Наполеона при Ватерлоо — один уровень, факторы, приведшие к объединению Германии, — другой уровень, причины падения Западной Римской империи — третий уровень, причины разрушения средневековых порядков — четвертый уровень и т.д. Вместе с тем эти причины объединяет нечто общее: они во всех случаях **конкретны,** действовали в строго определенных условиях места и времени, вне которых лишены своего значения и смысла. Причины поражения Наполеона при Ватерлоо зримы,

вполне проявляются в конкретной ситуации события — численном превосходстве союзников, своевременном подходе прусских войск Г.Л. Блюхера, даже насморк Наполеона играет роль.

Причины же, которые привели в действие механизм объединения Германии, недоступны во многом простому эмпирическому наблюдению, не лежат на поверхности событий и требуют **понимания причин слабости государства в Германии на протяжении всей средневековой истории и возникновения тенденций к ее усилению и единству в условиях нового времени.** Уровень мышления в данном случае предполагает **обобщения, абстракции**, связанные не только с пониманием данного события, но и в значительной степени истории в целом. Подобно этому объяснение крушения средневековых порядков требует понимания того, что такое феодализм, рента, частная собственность, правовое государство и т.д. В таких случаях мышление историка **отходит от конкретной действительности, но не порывает с ней, а вырабатывает на ее основе обобщения, абстракции, приводящие к пониманию скрытой от поверхностного наблюдения сути явлений.**

2.

Высшим, предельным уровнем такого обобщения являются **законы.** О каких же научных открытиях, абстракциях этого уровня, сделанных не только историками, можно говорить?

Прежде всего, к ним относится **закон стоимости** шотландского экономиста и философа А. **Смита** (1723—1790). Ученый установил, что источником стоимости является всякий труд, независимо от его производственного характера. При этом А. Смит высказывал мысль о том, что капиталистическая прибыль и земельная рента представляют собой вычет из продукта, созданного трудом рабочих. Тем самым он приблизился к пониманию источника прибавочной стоимости, который был позже определен К. Марксом. Можно возразить: но ведь это законы экономические, а не

исторические. Действительно, экономические отношения — это вполне определенный сектор, класс исторической реальности, а вовсе не реальность как таковая во всем ее объеме. Однако экономика — это вид человеческой деятельности, она не существует изолированно от других сфер человеческого поведения или сферы духа — политики, психологии, веры в Бога или безверия, культуры и т.д. В конечном счете, нет исторических законов, которые бы не были вместе с тем демографическими, экономическими, психологическими и т.д. Их единство заключается в том, что они являются законами определенных исторических ситуаций; конкретные исторические факторы — экономика, духовные явления, демография и др. — никогда не действуют обособленно и не определяют сами по себе закономерности исторического развития.

К числу научных открытий на уровне законов истории относится **закон классовой борьбы** в двух вариантах: первичном, авторами которого были французские либеральные историки периода Реставрации **О.Тьерри**, **Ф. Гизо** (1787—1874), **О. Минье** (1796 — 1884), и марксистском. Между ними существуют различия терминологического характера (в первом случае борьба классов рассматривалась как борьба рас, а в другом — как борьба классов) и различия, по сути, касавшиеся происхождения классов, и т.д.

Формы социального протеста (по марксистской терминологии — классовая борьба) сопровождают развитие истории от древности до современности. Будучи насильственными (восстания, революции и т.д.) или мирными (забастовки, акции гражданского неповиновения и др.), они имеют одну общую объективную основу, проявляющуюся, однако, в каждое время в своей особой конкретной исторической форме и сути (имущественное, правовое, кастовое и иное неравенство).

Крупным научным достижением, далее, является открытие американским историком и этнографом **Л.Г. Морганом** (1818 — 1881) законов **эволюции форм брака и семьи от групповых к индивидуальным,**

представления о роде как универсальной исторической основе первобытного общества, о развитии собственности от коллективных форм к частной. Последующее развитие научного познания в целом подтвердило основные выводы и обобщения Л. Г. Моргана.

К научным открытиям относятся также *законы диалектики*, открытые Г. Гегелем, — *закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания.* Согласно философу, Новое время можно рассматривать как отрицание отрицания Античности. Такое обобщение имеет глубокий исторический смысл и учитывает логику развития исторического процесса, выражающуюся во взаимосвязи и взаимоотношении трех исторических эпох — Античности, Средних веков и Нового времени. Конечно, этот закон раскрывает суть исторического развития только в сочетании с менее широкими обобщениями, отражающими уровень понимания и объяснения каждой из эпох в отдельности.

Принципиально важное значение имеет вопрос о *соотношении законов истории и законов природы.* Сходство между ними состоит в том, что в обоих случаях речь идет о *законах объективной реальности.* Далее, законы истории, как и законы природы, могут формироваться (выводиться, открываться) лишь как эмпирические обобщения, обобщения на основе фактов, следовательно, они подтверждаются или опровергаются фактами. Однако и в реальности, и в способах познания законы истории имеют фундаментальные отличия от законов природы. Прежде всего, *законы истории, как и все, что ее составляет, — это продукт человеческой деятельности.* Законов, которые бы находились «вне» людей, «над» ними, в истории не существует. Законы природы проявляются вне сферы сознания, воли и деятельности людей. Люди творят историю, исходя из тех условий, которые каждое поколение получает в качестве продукта деятельности предшествующих поколений.

«Выпрыгнуть» из этих условий, как исходного пункта деятельности, встать над ними или пренебречь ими они не могут. ***Эта обусловленность человеческой деятельности предшествующим ходом исторического развития и есть одно из проявлений реализации исторической необходимости, выражение закономерного характера исторического развития.***

Однако человеческая деятельность всегда конкретна и предметна. В этой ситуации законы истории действуют не как некое общее правило, в одинаковых степени и форме проявляющееся во всех конкретных случаях, а в качестве некой тенденции, т.е. в разной мере в отношении различных конкретных исторических обстоятельств и условий. ***В мире природных явлений одна и та же причина имеет в одинаковых условиях одни и те же последствия, в мире же общественных явлений этого не бывает***

Одной из закономерностей перехода от Средних веков к Новому времени было формирование абсолютизма. В странах Западной Европы абсолютизм был общим явлением, однако в каждой из них он имел свои особенности, не только внешние, но и затрагивавшие и его сущность. Становление феодальных отношений в широком смысле слова, т. е. формирование нового общества в целом, было общей закономерностью перехода от Античности к Средневековью, которая особенно рельефно проявилась в странах Западной Европы. Но эта закономерность по-разному проявилась в разных странах (различия в темпах, интенсивности развития, уровне зрелости). Во всем этом нет и намека на сходство с естественно-научной закономерностью, как некоего равновеликого и равнозначного соотношения причин и следствий, простой суммы числовых величин физических тел и сил, что имеет место, например, в законах классической механики, открытых И. Ньютоном и другими учеными-естественниками.

Особенности действия законов общественной исторической реальности определяют особенности их познания.

Во-первых, они не могут быть познаны и сформулированы в качестве абстракций, обобщений **вне времени и пространства**. Они всегда являются обобщениями по поводу конкретных исторических условий и ситуаций.

Во-вторых, эти законы могут быть открыты и сформулированы лишь в условиях более **богатого конкретного содержания**. Так, закон стоимости действовал уже в эпоху Античности, хотя открытие его **А. Смитом** стало возможным на том уровне развития общества и производства, когда равенство рабочих сил и видов трудовой деятельности стало фактом. Равным образом, закон классовой борьбы в марксистском варианте был открыт, когда акты социального протеста приобрели наиболее ясную и четко различимую форму, связанную с возникновением производства с присущим ему противоречием между капиталом и наемным трудом.

Следовательно, сама возможность открытия закона истории зависит от степени и уровня развития общества, а не только от развития научного познания; законы природы существовали задолго до их открытия, но само это открытие зависимо только от уровня развития науки.

Следует подчеркнуть, что и **в самой объективной исторической реальности действие законов проявляется вполне, только когда эта реальность достигает в своем развитии зрелых, сложившихся ступеней и форм**. Французский абсолютизм был самой крайней, неограниченной из всех известных разновидностей этого типа власти, что было обусловлено мощью французского дворянства, в Средние века — поляризацией в имущественном, социальном, сословном и других отношениях. Ренессанс, будучи общей и закономерной чертой развития многих стран, раньше всего проявился в Италии и достиг здесь самых зрелых, классических форм. Он был следствием, прежде всего раннего, быстрого появления и развития в этой стране ростков тех новых

общественных, экономических отношений, которые утвердились в мире с переходом к Новому времени, хотя в самой Италии к концу XVI в. они были практически уничтожены.

Таким образом, социальный детерминизм, действие причинно-следственных связей самого разного уровня — от элементарных до фундаментальных, отражающих глубинные, закономерные свойства исторических явлений, — пронизывает весь исторический процесс.

Однако детерминизм не исчерпывает сути этого процесса по той простой причине, что поступки и поведение людей детерминированы не исчерпывающим образом: ***в рамках необходимости существует выбор поведения, свобода.*** Жизнь, история постоянно ставит человека перед выбором варианта поведения, что в равной мере относится как к личной, частной жизни, так и к общественным явлениям и процессам. Так, на военном совете в Филях М. И. Кутузов сделал свой выбор, взяв на себя ответственность за исход войны с Наполеоном.

Не существует абстрактной необходимости, как и свободы: в рамках конкретной ситуации индивид или общество свободны в выборе столь же конкретного варианта поведения или действий. Создается впечатление: сначала необходимость, а потом свобода выбора. Это было бы верным, если бы необходимость представляла собой некий надличный, а по отношению к объективной действительности — надысторический фактор. Но это не так, историческая необходимость в любом случае реализует себя через деятельность людей. В начале любой деятельности лежат человеческий интерес, выбор решения, воля и действие.

3.

Человеческий фактор с неизбежностью порождает различие интересов, но также и их сходство в определенных исторических ситуациях. Сходство становится источником формирования вариантов поведения людей при

решении тех или иных общественных проблем. Для обозначения этих вариантов историки пользуются понятием **альтернатива**. Понятие альтернативности и исторической необходимости внутренне взаимосвязаны и отражают природу исторического действия по отношению к самым разным его уровням и масштабам, в том числе и по отношению к развитию истории в целом. В чем же заключается упомянутая взаимосвязь?

Реализация исторической необходимости, в том числе на уровне закона исторического развития, никогда не бывает изначально кем - то или чем-то заданной и однозначной. Фактор **свободы воли** приводит к тому, что в ходе реализации исторической необходимости формируется, как правило, **несколько альтернативных вариантов** решения назревшей проблемы. Происходит столкновение альтернатив — мирного или насильственного решения проблемы. Результат столкновения и есть окончательный продукт реализации исторической необходимости, название которого — история. **В ходе борьбы альтернатив история выбирает свой путь, тот ее ход, который в качестве однозначного (инвариантного) процесса развития и должен изучать историк. Заявление историка о том, что история пошла не так, выглядит столь же непрофессионально, как если бы, предположим, биолог стал жаловаться на примитивизм, несовершенство амебы. По отношению к реализованному варианту развития событий задача историка двойка: показать, как произошли эти события, и объяснить, почему они произошли именно так, а не иначе.** Объяснение будет убедительным, если историк изложит суть и тех вариантов (варианта), которые оказались нереализованными. Это помогает понять, что избранный ходом событий путь в любом случае не был predetermined, запрограммирован, а был выбран в ходе развития события в конкретной ситуации.

Приведем примеры. Октябрьская революция 1917 г. в России. После свержения самодержавия в ходе Февральской революции 1917 г.

определились основные альтернативные варианты развития событий, представленные: 1) Временным комитетом Думы; 2) Временным правительством; 3) Учредительным собранием; 4) Корниловским мятежом; 5) большевиками. По отношению к свергнутой самодержавной власти они были в равной мере нелегитимными, каждый из них представлял свой особый путь развития России. Столкновение этих вариантов привело к победе большевистской альтернативы, отношение к которой было, есть и еще очень долго будет самым разным, что связано с различием интересов и позиций людей. Однако ***это проблема выбора отношения к прошлому, а не выбора самого прошлого: прошлое выбрать невозможно, оно одно у всех, прошлое безальтернативно — так пошла история.***

Понятие «альтернативность» относится к реально совершающейся истории. Всегда ли у людей есть выбор? Многообразие конкретных исторических ситуаций не дает однозначного ответа на этот вопрос, хотя обреченность на безальтернативность является скорее исключением из правила, чем правилом. Возможности выбора меняются в зависимости от конкретной исторической ситуации.

Принцип альтернативности, допускает возможность ***многовариантного исторического развития.*** Руководствуясь им, исследователь создает модели альтернативного развития путем сопоставления с аналогичными явлениями мировой истории, определяет степень вероятности осуществления того или иного события. ***Признание исторической альтернативности позволяет увидеть неиспользованные возможности и извлечь уроки на будущее.*** При этом не следует рассматривать данную проблему примитивно (хорошо было если бы реализовалась иная альтернатива). Необходимо понять, почему события развивались так, а не иначе.

Побуждения, мотивы, интересы, потребности людей становятся причинами их поведения, деятельности; действие причинно-следственных связей создает **необходимость**. Но понятие необходимости не исчерпывает всей сути деятельности людей, в ней с неизбежностью присутствует то, что относится к категории **случайность**. Что такое случайность и каково ее отношение к необходимости? В развитии философско-исторической мысли соотношение необходимости и случайности понималось по-разному. В просветительском понимании истории наряду с признаками ее закономерного характера огромная роль отводилась случайности. Широко известный пример — оценка просветителями эпохи Средневековья. По мнению Вольтера, Средние века — случайность, нелепая ошибка истории. А ведь речь идет о более, чем тысячелетнем периоде исторического развития! Позитивисты, напротив, практически отвергали случайность, опираясь на изложенное понимание законов истории. **Г. Гегель** органически увязывал необходимость со случайностью.

Более определенно эта идея выражена **Ф.Энгельсом**: ***«История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие... в конечном итоге получается нечто такое, чего никто не хотел»***. В это представление, однако, необходимо внести одну поправку: столкновение волей рождает событие, следовательно, это столкновение заключено в природе, механизме действия законов. Средняя равнодействующая — всего лишь один из возможных и реальных, если речь идет о свершившейся истории, результатов. Другой исход столкновения волей выражен в победе какой-либо одной из борющихся сил, сторон. Это — тоже история.

В советской историографии высказывалась следующая точка зрения: «...из того, что мы именуем случайностями, и складывается конкретная закономерность, вытекающая из всей суммы тенденций развития, бесчисленных, а потому никогда не устанавливаемых наукой полностью "случайных" воль, поступков, событий, действий».

Каков наиболее рациональный вариант решения данной проблемы? Прежде всего, следует признать, что **как необходимость, так и случайность являются столь же реальными объективными свойствами истории, как и сама история в целом. Случайность — состояние истории, а не продукт мышления, которое лишь по ошибке выводит ее за рамки истории.** Другой и столь же очевидной ошибкой мышления является отождествление категорий «случайность» и «необходимость», что выражается в оценке закономерности в качестве простой арифметической суммы случайностей. При таком подходе один из терминов оказывается лишним, что свидетельствует об отрицании разницы между необходимостью любого уровня и случайностью. Но она существует, хотя и не может быть сформулирована однозначно.

Прежде всего, она заключается не в том, что в основе необходимости действуют причинно-следственные связи, а в том, что случайность этого лишена — в реальной действительности все происходящее чем-то обусловлено, детерминировано. Множество переплетающихся причинно-следственных связей дает результат — событие, что имеет равную значимость для событий любого масштаба по их пространственно-временному измерению. Очевидно и другое: причины любого события бывают **важными, не очень важными и несущественными.** После одного из проигранных сражений Наполеону принесли список перечня причин поражения французской армии, состоящий из 18 пунктов. Прочтя первый пункт: «Не было снарядов», Наполеон не стал знакомиться с перечнем дальше. В таких ситуациях мышление историка делает вполне обоснованный вывод: случайность — это то, что не оказало

сколько-нибудь заметного влияния на ход событий, чем можно пренебречь, добиваясь понимания и объяснения изучаемого. В этом смысле необходимость и случайность являются противоположностями. Можно сказать: **необходимость — это то, что произошло и в данной ситуации не могло не произойти, случайность — это то, что имело место, но чего в данной ситуации могло и не быть.** Однако вывод, что все малозначащее — случайность, не имеющая никакого значения в ходе реализации необходимости, ошибочен.

Арест Людовика XVI во время попытки его бегства из Франции был чистой случайностью: по изображению на монете его узнал Друз — человек, не принадлежавший к страже короля. Конечно, на эшафот Людовика XVI привела революция, однако помогла в этом случайность.

В начале своей военной карьеры Наполеон в наказание за проступок был посажен в карцер, в котором валялся учебник по древнеримскому праву. Впоследствии, при составлении свода законов, именуемого кодексом Наполеона, он удивлял юристов точным знанием параграфов древнеримского права — помогла случайность.

Случайность причастна к реализации исторической необходимости или даже имеет принципиальное значение в ходе ее реализации, но этого никогда не происходит, так сказать, с железной, неуклонной необходимостью явлений природной среды. Вторжение природных явлений в деятельность человека также может быть отнесено — смотря по обстоятельствам — к категории случайности, однако и этот факт не отрицает разницы в реализации необходимости истории и в природе. В области общественных явлений реализация необходимости может зависеть от немногого, висеть на волоске, достаточно вспомнить предупреждение В.И. Ленина относительно даты выступления против Временного правительства: 24-го — рано, 26-го — поздно.

Наконец, к случайности можно относиться, как к тому, что в конкретной ситуации внезапно вторгается в данный ход событий и что с точки зрения участников этих событий является неожиданным, что невозможно предвидеть или предусмотреть. Случайность в этом смысле — это вмешательство одних причинно-следственных связей в другие. Без такого пересечения истории не бывает.

Тема 4. Понятие и типы исторической динамики. Идея цикличности.

1. Прогресс и регресс. Идея прогресса, ее теоретические интерпретации.
2. Негативные последствия прогресса.
3. Критерии общественного прогресса
4. Идея цикличности исторического развития
5. Прогресс и нравственность.

1.

Общество никогда не находится в состоянии покоя, все его элементы постоянно преобразуются и перемещаются, поэтому, и изучать общество надо в постоянном изменении, то – есть как процесс, как последовательное изменение состояний какого-либо объекта. Процессы, имеющие направленный и необратимый характер, представляют собой процессы развития. Все изменения в обществе имеют глубинную направленность, все общественные события подчиняются внутренней закономерности, выстраивающей их в необратимый ряд причин и следствий, т.е. общество развивается.

Общественное развитие **многомерно**. На каждом этапе возможна реализация множества путей развития, иногда возвращающих общество вспять или уводящих в сторону от основного русла. Возможно ли в изменениях исторической реальности выявить сквозной вектор изменения? Возможна ли общая линия развития человеческой истории. Какова динамика исторического развития? Существуют три восприятия:

- 1) теория цикличности
- 2) теория прогресса
- 3) теория упадка или регресса.

Прогресс и регресс - (лат. progressus — движение вперед и regressus — возвращение) — наиболее общие, противоположные по своим

характеристикам, разнонаправленные и вместе с тем неотделимые друг от друга, диалектически взаимосвязанные тенденции развития.

Прогресс — тип (направление) развития сложных систем, для которого характерен переход от низшего к высшему, от простого к сложному, от менее совершенного к более совершенному

Регресс - движение вспять, назад, от более высоких и совершенных форм к низшим и менее совершенным.

Направление развития, для которого характерен переход от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному, называется в науке прогрессом. Понятию прогресса противоположно понятие ***регресса***. Для регресса характерны движение от высшего к низшему, процессы деградации, возврат к изжившим себя формам и структурам. По какому пути идет общество: по пути прогресса или регресса? От того, каким будет ответ на этот вопрос, зависит представление людей о будущем: несет ли оно лучшую жизнь или не сулит ничего хорошего? Древнегреческий поэт **Гесиод** (VIII – VII вв. до н.э.) писал о пяти стадиях в жизни человечества. Первой стадией был "золотой век", когда люди жили легко и беспечно, второй – "серебряный век", когда началось падение морали и благочестия. Так, опускаясь все ниже, люди оказались в "железном веке", когда повсюду царят зло, насилие, попирается справедливость.

С достижениями науки, ремесел, искусств, оживлением общественной жизни в эпоху Возрождения связано развитие идеи ***исторического прогресса***.

Одним из первых теорию общественного прогресса выдвинул французский философ **Анн Робер Тюрго** (1727-1781). Его современник французский философ-просветитель **Жак Антуан Кондорсе** (1743-1794) писал, что история представляет картину непрерывных изменений, картину прогресса человеческого разума. Наблюдение этой исторической картины показывает в видоизменениях человеческого рода, в непрерывном его обновлении, в

бесконечности веков путь, по которому он следовал, шаги, которые он сделал, стремясь к истине или счастью. Наблюдения над тем, чем человек был, и над тем, чем он стал в настоящее время, помогут нам, писал Кондорсе, найти средства обеспечить и ускорить новые успехи, на которые его природа позволяет ему надеяться. Кондорсе видит исторический процесс как путь социального прогресса, в центре которого – восходящее развитие человеческого разума.

Кондорсе (как и другие французские просветители) считал критерием прогресса **развитие разума**. Социалисты-утописты выдвигали **нравственный критерий прогресса**. Сен-Симон (1760 – 1825) считал, например, что общество должно принять такую форму организации, которая бы привела к осуществлению нравственного принципа: все люди должны относиться друг к другу, как братья. Современник социалистов-утопистов немецкий философ **Фридрих Вильгельм Шеллинг** (1775-1854) писал, что решение вопроса об историческом прогрессе осложнено тем, что сторонники и противники веры в совершенствование человечества полностью запутались в спорах о **критериях прогресса**. Одни рассуждают о прогрессе человечества в области морали, другие – о прогрессе науки и техники, который, как писал Шеллинг, с исторической точки зрения является скорее регрессом, и предлагал свое решение проблемы: критерием в установлении исторического прогресса человеческого рода может служить только постепенное приближение к правовому устройству. Еще одна точка зрения на общественный прогресс принадлежит **Г. Гегелю**. Критерий прогресса он усматривал в **сознании свободы**. По мере роста сознания свободы происходит поступательное развитие общества. Таким образом, Гегель считал прогресс не только принципом разума, но и принципом мировых событий.

Эту веру в прогресс воспринял и **К. Маркс**, считавший, что человечество идет ко все большему овладению природой, развитию производства и самого

человека. XIX и XX вв. ознаменовались бурными событиями, которые дали новую "информацию к размышлению" о прогрессе и регрессе в жизни общества.

2

Теория *упадка или регресса* стала популярной в XX веке. Но начало этой теории – эпоха Просвещения. **Жан Жак Руссо** считал, что то, что называется прогрессом, можно найти только на самой ранней стадии; впоследствии, когда появляется собственность, угнетение, начинается упадок.

В конце 19 века история во многих концепциях принимает характер упадка (**Фридрих Ницше**). События первой второй мировых войн многих историков настроили крайне пессимистично. Делались акценты на кризисные явления. (**Шпенглер «Закат Европы»**), Историки Франкфуртской школы сравнивали историю с полетом мотылька – летит на свет, сгорает в огне. Прогрессивные явления полностью не отрицаются, всплески возможны, но прогресс нельзя рассматривать как линейную категорию. Более того, исторические явления, как правило, противоречивы. Эта сложность предполагает определенную плату за прогресс (что-то новое несет в себе и разрушение, и созидание).

Вспомним факты из истории XIX—XX вв.: за революциями нередко следовали контрреволюции, за реформами — контрреформы, за коренными переменами в политическом устройстве — реставрация старых порядков. Если бы мы попытались изобразить прогресс человечества графически, то у нас получилась бы не восходящая прямая, а изломанная линия, отражающая подъемы и спады, приливы и отливы в борьбе общественных сил, ускоренное движение вперед и гигантские скачки назад. В истории разных стран бывали периоды, когда торжествовала реакция, когда гонениям подвергались прогрессивные силы общества, когда разум подавлялся силами мракобесия. Известно, какие бедствия принес Европе

фашизм: гибель миллионов, порабощение многих народов, разрушение центров культуры, костры из книг величайших мыслителей и художников, насаждение человеконенавистнической морали, культ грубой силы.

Но дело не только в таких изломах истории. Общество представляет собой сложный организм, в котором функционируют разные «органы» (предприятия, объединения людей, государственные учреждения и др.); одновременно происходят различные процессы (экономические, политические, духовные и т. п.); разворачивается разнообразная деятельность людей. ***Эти части одного общественного организма, эти процессы, различные виды деятельности находятся во взаимной связи и вместе с тем могут не совпадать в своем развитии.*** Более того, отдельные процессы, изменения, происходящие в разных областях жизни общества, могут быть разнонаправленными, т. е. ***прогресс в одной области может сопровождаться регрессом в другой.***

Так, на протяжении истории четко прослеживается прогресс техники: от каменных орудий к железным, от ручных орудий к машинам, от использования мускульной силы человека и животных к паровым двигателям, электрическим генераторам, атомным электростанциям, от перевозки на вьючных животных к автомобилям, скоростным поездам, самолетам, космическим кораблям, от деревянных счетов с костяшками к мощным компьютерам.

Но прогресс техники, развитие индустрии, химизация и другие изменения в области производства привели к разрушению природы, к непоправимому ущербу для окружающей человека среды, к подрыву естественных основ существования общества. Таким образом, прогресс в одной области сопровождался регрессом в другой. ***Процесс исторического развития общества противоречив: в нем можно обнаружить как прогрессивные изменения, так и регрессивные.***

Прогресс науки и техники имел неоднозначные последствия. Открытия в области ядерной физики дали возможность не только получить новый источник

энергии, но и создать мощное атомное оружие. Использование компьютерной техники не только необычайно расширило возможности творческого труда, но и вызвало новые болезни, связанные с длительной, непрерывной работой у дисплея: ухудшение зрения, психические отклонения, связанные с дополнительными психическими нагрузками.

Рост крупных городов, усложнение производства, ускорение ритма жизни — все это увеличило нагрузки на человеческий организм, породило стрессы и, как следствие, патологии нервной системы, сосудистых заболеваний. Наряду с величайшими достижениями человеческого духа в мире наблюдается размывание культурных и духовных ценностей, распространяются наркомания, алкоголизм, преступность.

Человечеству приходится платить за прогресс высокую цену. Удобства городской жизни оплачиваются «болезнями урбанизации»: транспортным утомлением, загрязненным воздухом, уличным шумом и их последствиями — стрессом, болезнями органов дыхания и т. д.; удобство передвижения в автомобиле — перегруженностью городских магистралей, транспортными пробками.

3.

Как же оценить эти противоречивые процессы? Являются ли положительные изменения, которые оплачиваются столь высокой ценой, прогрессивными? Можно ли при такой неоднозначности перемен говорить об общественном прогрессе в целом? Для этого нужно установить, **что является общим критерием прогресса, какие изменения в обществе следует оценивать как прогрессивные, а какие нет.**

Вопрос о критерии прогресса занимал великие умы Нового времени, но решения не нашел. Недостатком всех попыток решить эту задачу было то, что во всех случаях **в качестве критерия рассматривалась лишь одна линия (или**

одна сторона, или одна сфера) общественного развития. И разум, и мораль, и наука, и техника, и правовой порядок, и сознание свободы — все это показатели очень важные, но не универсальные, не охватывающие жизнь человека и общества в целом.

В наше время философы также придерживаются разных взглядов на критерий общественного прогресса. Рассмотрим некоторые из них.

Одна из точек зрения состоит в том, что высшим и всеобщим объективным критерием общественного прогресса является **развитие производительных сил, включая развитие самого человека.** Она аргументируется тем, что направленность исторического процесса обусловлена ростом и совершенствованием производительных сил общества, включающих средства труда, степень овладения человеком силами природы, возможности их использования в качестве основы жизнедеятельности человека. В общественном производстве лежат истоки всей жизнедеятельности людей. Согласно этому критерию, те общественные отношения признаются прогрессивными, которые соответствуют уровню производительных сил и открывают наибольший простор для их развития, роста производительности труда, развития человека. Человек рассматривается как главное в производительных силах, поэтому их развитие понимается с этой точки зрения и как развитие богатства человеческой природы.

Эта позиция подвергается критике с **другой точки зрения. Так же как нельзя найти всеобщий критерий прогресса только в общественном сознании (в развитии разума, морали, сознании свободы), так нельзя найти его в сфере материального производства (техники, экономических отношений). История дала примеры стран, где высокий уровень материального производства сочетался с деградацией духовной культуры.** Чтобы преодолеть односторонность критериев, отражающих состояние лишь одной сферы жизни общества, необходимо найти понятие,

которое характеризовало бы сущность жизни и деятельности человека. В этом качестве философами предлагается понятие **свободы**.

Свобода, как вы уже знаете, характеризуется не только знанием, отсутствие которого делает человека субъективно несвободным, но и наличием условий для ее реализации. Необходимо также решение, принимаемое на основе свободного выбора. Наконец, требуются еще и средства, а также действия, направленные на реализацию принятого решения. Напомним также, что свобода одного человека не должна достигаться путем ущемления свободы другого человека. Такое ограничение свободы носит социально-нравственный характер.

Свобода выступает как необходимое условие самореализации личности. Оно возникает тогда, когда человек имеет знания о своих способностях, о возможностях, которые дает ему общество, о способах деятельности, в которой он может реализовать себя. Чем шире возможности, создаваемые обществом, тем свободнее человек, тем больше вариантов деятельности, в которой раскроются его силы. Но в процессе многогранной деятельности происходит и многостороннее развитие самого человека, растет духовное богатство личности.

Итак, согласно этой точке зрения, **критерием социального прогресса является мера свободы, которую общество в состоянии предоставить индивиду, степень гарантированной обществом индивидуальной свободы. Свободное развитие человека в свободном обществе означает также раскрытие его подлинно человеческих качеств — интеллектуальных, творческих, нравственных. Это утверждение подводит нас к рассмотрению еще одной точки зрения на социальный прогресс.**

Как мы видели, нельзя ограничиться характеристикой человека как деятельного существа. Он также существо разумное и общественное. Только с учетом этого мы можем говорить о человеческом в человеке, **о человечности**.

Но развитие человеческих качеств зависит от условий жизни людей. Чем полнее удовлетворяются разнообразные потребности человека в пище, одежде, жилье, транспортных услугах, в духовной области, тем более нравственными становятся отношения между людьми, тем доступнее для человека делаются самые разнообразные виды экономической и политической, духовной и материальной деятельности. Чем благоприятнее условия для развития физических, интеллектуальных, психических сил человека, его моральных качеств, тем шире простор для развития индивидуальных, присущих каждому отдельному человеку свойств. ***Чем человечнее условия жизни, тем больше возможностей для развития в человеке человеческого: разума, нравственности, творческих сил.***

Человечность, признание человека высшей ценностью выражается словом «гуманизм». Таким образом, можно сделать вывод об универсальном критерии социального прогресса: прогрессивно то, что способствует возвышению гуманизма.

4.

Неоднозначность трактовки понятия «общественный прогресс» вызвала появление теории «цикличности» исторического развития. Истоки теории ***цикличности*** восходят еще к Древней Греции. Движение в Греции воспринималось как смена циклов, смена государственных устройств. Во многом это было связано с тем, что ***в Древней Греции не было линейного представления о времени.*** Древние греки не воспринимало время как нечто уходящее. **Фукидид** полагал, что при сохранении неизменной человеческой природы событие может повториться. У греков было простое восприятие периодов в истории. Ориентиром служит формулировка «в то лето», «на следующий год после битвы», «на следующий день после» и т.п.

Впервые идею **цикличности развития человеческого общества** сформулировали древние философы **Платон** и **Аристотель**. Они рассматривали историю как циклический круговорот, повторяющий одни и те же стадии. Точно такой же подход существовал в рамках римской историографии (**Тит Ливий**, **Тацит**). Вопреки получившему широкое распространение утверждению о циклической основе античного историзма, не все современные исследователи согласны с ней: так российский историк **Ю. И. Семёнов** опровергает это мнение, утверждая, что «идея циклизма в античной мысли присутствовала. Но она, как правило, относилась к миру в целом, к космосу. К истории она почти не применялась, хотя основания для этого были: на глазах историков возникали, расцветали и гибли державы». По его мнению идея круговорота истории возникает лишь в период поздней античности у **Полибия** в его схеме эволюции форм государственного устройства. В шестой книге его **«Всеобщей истории»** рисуется картина циклического повторения форм государственного устройства: изначальная царская власть уступает место тирании, та в свою очередь сменяется аристократией. Последняя вырождается в олигархию, которая рушится в результате выступления народа, учреждающего демократию. Демократия вырождается в охлократию, которая делает неизбежным установление единоличной власти. А затем все идет по новому кругу.

В средние века вопрос цикличности как таковой вообще не поднимался.

Вновь разговор о возможности циклов в истории поднимается в новое время (**Макиавелли**(1469 – 1528): монархия – аристократия – олигархия – демократия – анархия – монархия; **Ж.- Б. Вико** (1668 -1744): идея спирали).

В конце 19 века возникла концепция **Теодора Моммзена**: те отношения, которые возникли в античное время, повторяются в последующем (капиталистические). Существует цикл неизменных человеческих отношений, которые на временном отрезке повторяются.

В XX в. появились социологические теории, которые отказались от оптимистического взгляда на развитие общества, характерного для идей прогресса. Вместо них предлагаются теории **циклического круговорота**, пессимистические идеи "конца истории", глобальных экологических, энергетических и ядерных катастроф. Одну из точек зрения по вопросу о прогрессе выдвинул философ и социолог **Карл Поппер** (1902 – 1994), который писал: *"Если мы думаем, что история прогрессирует или что мы вынуждены прогрессировать, то мы совершаем такую же ошибку, как и те, кто верит, что история имеет смысл, который может быть в ней открыт, а не придан ей. Ведь прогрессировать – значит двигаться к некой цели, которая существует для нас как для человеческих существ. Для истории это невозможно. Прогрессировать можем только мы, человеческие индивидуумы, и мы можем делать это, защищая и усиливая те демократические институты, от которых зависит свобода, а вместе с тем и прогресс. Мы достигнем в этом больших успехов, если глубже осознаем тот факт, что прогресс зависит от нас, от нашей бдительности, от наших усилий, от ясности нашей концепции относительно наших целей и реалистического выбора таких целей"*.

Идею цикличности активно разрабатывали сторонники **цивилизационного направления О.Шпенглер, А. Тойнби** и др. (См. выше)

Мы видим, что общественный прогресс в созданных в XVIII—XIX вв. трудах Ж. Кондорсе, Г. Гегеля, К. Маркса и других философов понимался как закономерное движение по единому для всего человечества магистральному пути. Напротив, в концепции локальных цивилизаций прогресс представляется идущим в разных цивилизациях различными путями.

Если мысленно окинуть взглядом ход мировой истории, то в развитии разных стран и народов можно заметить немало общего. Первобытное общество везде сменилось обществом, управляемым государством. На смену

феодалной раздробленности пришли централизованные монархии. Во многих странах произошли буржуазные революции. Колониальные империи рухнули, и на их месте возникли десятки независимых государств. Вы сами могли бы продолжить перечисление сходных событий и процессов, происходивших в различных странах, на разных континентах. В этом сходстве проявляется единство исторического процесса, определенная тождественность сменяющих друг друга порядков, общность судеб различных стран и народов.

Вместе с тем конкретные пути развития отдельных стран и народов многообразны. Нет народов, стран, государств с одинаковой историей. Многообразие конкретно-исторических процессов вызвано и различием природных условий, и спецификой хозяйства, и своеобразием духовной культуры, и особенностями образа жизни, и множеством других факторов.

Значит ли это, что каждой стране предопределен свой собственный вариант развития и он является единственно возможным? Исторический опыт свидетельствует о том, что в определенных условиях возможны различные варианты решения назревших проблем, возможен выбор способов, форм, путей дальнейшего развития, т. е. историческая альтернатива. Альтернативные варианты нередко предлагают те или иные группы общества, различные политические силы.

Вспомним, что при подготовке Крестьянской реформы, проведенной в России в 1861 г., разные общественные силы предлагали неодинаковые формы осуществления перемен в жизни страны. Одни отстаивали революционный путь, другие — реформистский. Но и среди последних не было единства. Предлагалось несколько вариантов реформ.

В каждом случае выбор был сделан. Такой выбор совершается государственными деятелями, властвующими элитами, народными массами в

зависимости от соотношения сил и влияния каждого из субъектов истории.

Любая страна, любой народ в определенные моменты истории оказываются перед судьбоносным выбором, и его история осуществляется в процессе реализации этого выбора.

Многовариантность путей и форм общественного развития небеспредельна. Она включена в рамки определенных тенденций исторического развития.

Так, например, мы видели, что ликвидация изжившего себя крепостного права была возможна и в форме революции, и в форме осуществляемых государством реформ. А назревшая потребность в ускорении экономического роста в разных странах осуществлялась либо путем привлечения новых и новых природных ресурсов, т. е. экстенсивным путем, либо путем внедрения новой техники и технологии, повышения квалификации работников, на основе роста производительности труда, т. е. интенсивным путем. В разных странах или одной и той же стране могут быть использованы различные варианты реализации однотипных изменений.

Таким образом, ***исторический процесс, в котором проявляются общие тенденции — единство многообразного общественного развития, создает возможность выбора, от которого зависит своеобразие путей и форм дальнейшего движения данной страны.***

5.

Для понимания сущности нравственной жизни человека важно знать, изменяется ли ***нравственность*** в ходе исторического развития общества или остается практически неизменной. Уже в древнем мире возникли представления о развитии нравственности. У **Протагора, Демокрита, Платона, Лукреция Кара** встречаются мысли о том, что человечество к современному им состоянию пришло от дикости. **Платон** в сочинении «**Государство**» писал, что люди первоначально жили во вражде друг с другом (враждовали между собой

даже боги!), творили несправедливость, но, отведав всего этого, с избытком, они нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливости, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор. Иначе говоря, с образованием государства установился определенный порядок, уменьшилась вражда, бесчинства.

Близкие мысли проводятся и **Лукрецием Каром** в его поэме «**О природе вещей**». Он отмечал, что люди первоначально не только не могли пользоваться огнем, но общего блага они не блюли.

Наибольшее развитие и признание идеи социального и нравственного прогресса получили в эпоху Просвещения. Известный экономист **А. Тюрго** (1727 – 1781) в своей знаменитой речи «**Последовательные успехи человеческого разума**» утверждал, что в обществе наблюдается непрерывность развития человеческого разума, смягчаются нравы. Другой просветитель — **Кондорсе** (1743-1894) провозглашал, что в человеческом разуме заложена способность к бесконечному совершенствованию, и призывал построить общество, в котором истина, счастье и добродетель будут связаны единой цепью. Он же проникновенно провозглашал: «*Никогда развитие не пойдет вспять!*»

Оптимистический взгляд на духовное, нравственное развитие общества разделяли также многие представители утопического социализма (**Оуэн, Сен-Симон, Фурье** и др.), революционные демократы, марксисты.

С конца XIX века идея прогресса стала терять свое влияние в определенной части общества (здесь свою роль сыграли работы **Шопенгауэра, Ницше, Шпенглера** и др.), тем не менее до сих пор она, может быть более осторожно и осмотрительно, но все-таки признается значительной частью населения. Вера в прогресс все еще свойственна многим людям.

Какие же аргументы обычно приводятся в пользу данного взгляда на историю нравов? Прежде всего отмечается очевидность прогресса в науке,

технике, технологии и в ряде других видов человеческой деятельности. Мораль же, как регулятивный фактор, не может стоять в стороне, также должна совершенствоваться, обогащаться. Другое дело, что **нравственный прогресс имеет свою специфику. Эта специфика выражается, прежде всего, в том, что нравственный прогресс идет не синхронно с прогрессом науки и техники.** Изобретение паровоза или компьютера еще не означает революции в нравах, в проявлении добродетели. Сам нравственный прогресс — не есть прямолинейное восхождение, а представляет собой довольно сложное, противоречивое движение с попятными отступлениями, с уходом в сторону и т. д. Наконец, нельзя не отметить, что различные уровни, компоненты морали прогрессируют не в равной мере. **В морали имеются довольно устойчивый, хотя и тонкий, пласт вечных постулатов, аксиом, которые изменяются в незначительной степени.**

Меняется, главным образом, сфера их применения. Так норма «**не убий**» первоначально распространялась только на членов рода, а ныне она приобрела универсальный, общечеловеческий характер. Меняются формы их реализации. Принципиально новые постулаты появляются крайне редко. Другое дело — нравы. В этом слое моральной жизни прогресс более очевиден. От века к веку происходит **гуманизация**, облагораживание нравов, непосредственных отношений между людьми, обогащается нравственная культура. С появлением государства, с развитием духовной культуры иным становится общение между людьми. Я могу к какому-то человеку питать злобные чувства. Но я не бросаюсь на него, как это было на ранних этапах человеческой истории, с кулаками, не грызу его зубами, а наоборот, обращаюсь с ним, может быть, подчеркнуто учтиво. Точно также, и в отношениях между народами взаимная неприязнь, недоверие не всегда доходит до войны. Да и сама война, особенно после кровавых событий XX века, считается в принципе недопустимой, аморальной.

Тем не менее войны, главным образом локальные, еще не исчезли с лица земли. Это говорит лишь о том, что не всегда люди руководствуются нравственными принципами в своих деяниях.

Облагораживание нравов имеет и многие другие проявления. *«Если человек замыслит несправедливость, например стать тираном, а его схватят и, схвативши, растянут на дыбе, оскопят, выжгут глаза, истерзают всевозможными, самыми разнообразными и самыми мучительными пытками да еще заставят смотреть, как пытаются его детей и жену, а в конце концов распнут или сожгут на медленном огне»* — читаем мы в сочинении **Платона** «Горгий». Подобные же истязания практиковались и в средние века. В России вплоть до отмены крепостного права в 1861 году лиц неблагородного происхождения подвергали публичным наказаниям. Даже женщин.

Впрочем, и правосознание широких масс деликатностью не отличалось. Встречались вплоть до конца XX века случаи самосуда, расправы толпы над подозреваемым. Так, в 70-е годы прошлого века российские газеты писали о том, что толпа народа чуть не до смерти избивала женщину, заподозренную в наведении болезни на мальчика при помощи заколдованного яблока.

В конце XX века наказания стали мягче, человечнее, начинает учитываться, что и преступник является личностью и имеет право на то, чтобы уважали его достоинство. Во многих странах отменена смертная казнь. Значительно улучшились условия жизни заключенных. Позитивное изменение нравов проявляется и в сегодняшнем уважении прав женщин, в определенной перестройке семейно-брачных отношений.

Нравственный прогресс проявляется в повышении нравственного уровня, расширении нравственного кругозора отдельной личности. Права и обязанности каждого индивида стали более уважаемыми. Уже с эпохи Реформации (XV век) стали утверждаться идеи веротерпимости, возможности

индивида иметь свои собственные убеждения, свои суждения по тем или иным событиям общественной жизни. Постепенно повышается средний уровень общеобязательных и реализуемых нравственных требований, возрастает мера добра в обществе.

Исторический процесс вырабатывает реальные условия, при которых добро может стать действительно общим достоянием. В ходе общественного развития возрастает свобода и ответственность каждой человеческой личности. Еще Гегель отмечал, что на Древнем Востоке личностью в государстве был только один человек — монарх, деспот, в Древней Греции личностью стал более широкий слой — аристократия, позже — в условиях демократии — личностью может стать каждый.

О нравственном прогрессе может свидетельствовать и расширение сферы действия морали, повышение ее роли в жизни общества и личности. Ныне многие политические деятели апеллируют к совести людей, к авторитету общественного мнения.

Таким образом, сторонники признания существования нравственного прогресса в истории имеют свои достаточно серьезные аргументы.

Однако нравственная жизнь настолько пестра и многообразна, что и **у противников признания нравственного прогресса также имеется немало своих доводов**. Здесь нельзя не отметить, что признание не прогресса, а наоборот, регресса появилось, хотя это и может показаться странным, около трех тысяч лет назад, когда вроде бы еще не было достаточного исторического материала, опыта наблюдения за нравственной жизнью человека. Уже упоминавшийся древнегреческий мыслитель **Гесиод** в поэме «**Труды и дни**» писал, что «общество регрессирует от золотого века, когда люди отличались добродетелями — через век серебряный, медный, героический — к веку железному, когда люди погрязли в пороках. Уж лучше бы мне не родиться вовсе, чем видеть всю несправедливость, жестокость, которые

меня окружают». Здесь стоит отметить, что и Гесиод не был оригинальным, ибо мифы об утраченном рае, об ушедшем золотом веке были достаточно распространены среди народов Древнего Востока. Это нашло свое отражение и в Ветхом Завете, который утверждает, что созданные Богом первочеловеки Адам и Ева первоначально были безгрешны, не знали смерти. И только после грехопадения (нарушения запрета Бога) их природа испортилась. Неслучайно и среди современных религиозных мыслителей немало тех, кто отрицает идею нравственного прогресса.

В конце XX — начале XXI вв. вера в социальный, нравственный прогресс заметно пошатнулась. Это нашло свое выражение в творчестве **Ф. Ницше, О. Шпенглера**, а ныне — в неоконсерватизме, в новой философии и в других направлениях общественной мысли.

В чем же проявляется духовный кризис человечества? Вот мнение на этот счет видного немецкого философа **К. Ясперса** (1883 – 1969): *«То, что в течение тысячелетий составляло мир человека, в настоящее время как будто потерпело крушение».*

Сущность кризиса, по его мнению, заключается в недостатке доверия. *«Сегодня, - писал он в работе «**Духовная ситуация времени**», - невозможно доверять ни вещи, ни должности, ни профессии, ни лицу. Научно-технический прогресс породил нивелирование. Всеобщим сегодня становится поверхностное, ничтожное и безразличное, — замечает немецкий философ. - Повсюду одна и та же одежда, манеры, танцы, мода. Происходят необратимая утрата субстанциональности, сущности человека».*

По мнению известного теолога **Ю. Бохенского**, вера в прогресс является одним из самых вредных заблуждений, унаследованных от XX века. Она, утверждает он, во многом опирается на теорию эволюции Дарвина. Но перенос биологических понятий на человеческую историю неправомерен.

В сфере морали, считает теолог, на смену прогрессу, возможному в какой-то промежуток времени, рано или поздно приходит регресс. По мнению Бохенского, положение женщины в Египте XV-XV до н. э. было лучше, чем в современной Швейцарии. Кроме того, в XX веке были совершены чудовищные преступления — массовые убийства в немецких лагерях; это был настоящий геноцид, с которым давно не сталкивались, по крайней мере в Европе. Словом, заключает теолог, утверждение о постоянном прогрессе противоречит фактам.

Третья точка зрения - **ни прогресса, ни регресса**. Учению о нравственном прогрессе противостоит и тот взгляд, согласно которому **нравственный уровень человечества на протяжении тысячелетий остается примерно одним и тем же**. Обогащение нравственной культуры возможно у отдельного человека, у какого-то народа в определенные промежутки времени. Но человек умирает и его духовное богатство не воспринимается механически другим, а в истории народов периоды процветания сменяются временами упадка — и все возвращается на круги своя.

Идея **стабильности нравственного уровня человечества** также возникает еще в древнем мире. «*Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: Смотрите, вот это новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас*», — говорил Экклезиаст. Люди со времен Авраама остались теми же самыми. Отрицал фактически нравственный прогресс и известный русский философ **Н. О. Лосский**, считавший, что мир состоит из субстанциональных деятелей, из личностей (актуальных или потенциальных), которые, конечно, могут развиваться, но передавать нравственный опыт, знание, чувства друг другу не могут **ибо личность не может механически усвоить другое творчество, а должна все пройти самостоятельно**. Именно этим, по Лосскому, объясняется присутствие в современном обществе грубости, дикости. **Вл. Соловьев** считал, что все нравственные чувства и сердечные

движения, доступные нам, были также доступны и Гомеровым героям. И Одиссей, очевидно, нисколько не уступал самому психически развитому человеку наших дней.

Действительно, при признании нравственного прогресса очень сложно определить к выдающимся мудрецам древности, писавшим бессмертные философские трактаты, религиозные книги, поучительные истории. Что же в моральном отношении они оказываются ниже наших современников?

Между тем именно наши современники нравственно обогащаются при чтении этих выдающихся творений. В этом плане уместно привести слова современного французского политолога **Р. Дебре**, который в статье «Развенчание мифа» отмечал что: *«Понятие прогресса не имеет никакого смысла в символическом, духовном, эмоциональном и психологическом аспектах. Нетрудно доказать, что оно бессмысленно и в сфере политики. В общественном механизме наблюдается принцип постоянства, который уравнивает так называемые прогрессивные и регрессивные факторы».* Существуют неизменные основы — основы биологические — повседневного поведения не только животных, но и человека. Так, например, американский исследователь **Э. О. Уилсон** в 1975 году выпустил книгу **«Социобиология: новый синтез»**, в которой утверждает, что поведение человека определяется не столько средой, сколько наследственными факторами. ***Но биологическое развитие идет во много раз медленнее темпов развития истории. Поэтому и нравственность можно считать практически неизменной.***

Чем объясняется сосуществование взаимоисключающих точек зрения на нравственное развитие человечества? Видимо, не только личными пристрастиями того или иного мыслителя, а сложностью, многомерностью, противоречивостью нравственной жизни. Нравственный уровень различных людей неодинаков и в данную эпоху, и тем более, на разных ступенях истории. Амплитуда колебания достаточно велика: от святости и до дикости, цинизма, от

удивительной утонченности и нравственной культуры до столь же удивительного примитива. Загнать все это многообразие в одну схему очень и очень трудно.

Само нравственное поведение индивида не однолинейно: благородные поступки сочетаются с действиями, обусловленными практической целесообразностью и т. д. Довольно сложно предвидеть будущее состояние общества, особенно если учесть мощное влияние научно-технического прогресса.

Не упрощая данной проблемы, не отрицая всей пестроты, драматичности нравственных исканий человечества, все-таки следует признать, что человеку очень хочется верить в то, что будущие поколения будут светлее, возвышеннее, благороднее предшествующих, что впереди нас всех ждет светлое будущее, что последующие века будут веками торжества Добра и Справедливости, а наши дети будут лучше нас. Без этой веры жить очень трудно. Во всяком случае, нетрудно представить себе состояние умов, если они придут к выводу, что все лучшее позади и новым поколениям уже не на что надеяться.

РАЗДЕЛ II. Основные методологические проблемы и принципы: гносеология.

Тема 5. Проблема движущих сил в истории..

1. Концепции идеальных движущих факторов в истории.
2. Материальные движущие факторы в истории
  - А). Экономический детерминизм.
  - Б) Географический детерминизм.
  - В) Демографический детерминизм.
  - Г). Психологический детерминизм
  - Д) Технологический детерминизм.
3. Концепции определяющей роли социально – духовного фактора.
4. Различные волюнтаристские концепции.

*Проблема **движущих сил в истории*** является самой фундаментальной теоретической проблемой. В чем причины исторических событий? Что определяет ход истории? Важнейшим методологическим принципом исторического исследования, как и любого другого научного исследования, является принцип детерминизма. **Детерминизм** (от лат. **determino** — определяю), философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Центральным ядром детерминизма служит положение о существовании причинности, то - есть такой связи явлений, в которой одно явление (**причина**) при вполне определенных условиях с необходимостью производит другое явление (**следствие**).

Рассмотрим различные виды детерминизма в интерпретации проблемы движущих сил истории.

1.

Концепция идеальных движущих сил. В их рамках история рассматривается как результат действия сверхъестественных сил, как их каприз или упорядоченный замысел. Например, в христианской церковной историографии сутью и смыслом исторического процесса считается движение человечества к спасению, приближение к богу, духовный прогресс, а движущей силой истории – божественная воля, направляющая мир к конечной цели, божий промысел, провидение (лат. *providentia*, отсюда и название данного историко-философского подхода – **провиденциализм**).

Разновидностью этих представлений является вера в Бога как творца всего сущего. Она присуща историческому мышлению **Геродота** (490 или 480 — ок. 425 г. до н.э.). С возникновением мировых религий (христианства, мусульманства и т.д.) идеальное становится (в рамках этих вероисповеданий) синонимом божественной воли как некой универсальной первопричины всего сущего. В Евангелии от Иоанна сказано: «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*». Влияние этих идеалистических представлений на историческое мышление Средневековья огромно. Данное мышление по своему существу **теоцентрично**: фактор, определяющий развитие истории, — божественное провидение. Бог вечен, неизменен, ни от чего не зависит, все в мире — продукт его творения.

Концепцию всемирно-исторического развития на базе религиозного христианского мировоззрения создал **Августин** епископ Гиппонский (354—430 гг.). О ее значении свидетельствует тот факт, что она лежит в основе хроник и исторических сочинений многих авторов Средневековья. Всемирная история представлялась Августину как реализация заранее predetermined божественного плана, направленного на совершенствование «государства божьего». Бог, по понятиям Августина, — не какая-то отвлеченная,

абстрактная сущность, а творец - промыслитель, который своей волей определяет развитие человечества

К религиозным концепциям примыкают **объективно-идеалистические философские концепции**. Их приверженцы отводят главную роль в историческом процессе объективным надчеловеческим силам – Абсолютному Духу (**Г.В.Ф. Гегель**), Мировой Воле (**А.Шопенгауэр**) и т.

Родоначальником концепции идеализма в философии Древней Греции считается **Платон** (427 – 347 гг. до н.э.). До него преобладал стихийный материализм. Учение Платона — система объективного идеализма. По мнению философа, дух, мышление, идеи существуют независимо от человека и первичны по отношению к бытию.

Платон критикует тех, кто «признает тела и бытие за одно и то же» и утверждает, что настоящее бытие — «это некие умопостигаемые и бестелесные идеи», или «сущности». Давая идеалистическую трактовку бытия, философ выражает и свое, связанное с этим представление, понимание характера, природы мышления: чтобы объяснить какое-то явление, следует найти его идею как некоторую сущность, недоступную чувственному восприятию. Возникает вопрос: «Сколько таких идей должно быть, чтобы объяснить все многообразие бытия?» Очевидно, столько же, сколько существует явлений, процессов, состояний, свойств и т.д. У Платона здесь нет ясности, что само по себе уже говорит об уязвимости его позиции.

Значение Платона не в том, что он дал ключ к пониманию истории в целом или конкретных ее событий, а в том, что он в общей философской форме выразил существо подхода к ее пониманию. **Смысл данного подхода — в стремлении понять и объяснить историю, исходя не из нее самой, а на основе внешних по отношению к ней сил, сущностей, идей и т.д.**

В законченном виде объективно – идеалистическая концепция была

сформулирована немецким философом **Георгом Гегелем** (1770 – 1831). История и история мысли являются единым процессом развёртывания абсолютной идеи. Заслуга Гегеля состоит в разработке диалектики (диалектика - это учение о развитии);

Философия Гегеля - это **идеалистическая диалектика, представляющая собой совокупность логических законов и категорий**. Он обосновывает принцип всеобщности и необходимости развития, осуществляющегося путем выявления и преодоления внутренних противоречий, взаимопревращения противоположностей. Гегель учил, что переход количества в качество осуществляется скачкообразно, что развитие идет через отрицание старого новым. Согласно гегелевскому диалектическому методу, основу саморазвития, самодвижения составляет внутреннее противоречие, которое существует объективно в абсолютной идее и является формой ее движения. Гегель утверждал, что противоречие движет миром и является основой его жизненности.

Характеризуя форму самодвижения понятий, Гегель сформулировал **положение о диалектическом отрицании, развитии через отрицание отрицания. Каждое положение - тезис порождает свое отрицание - антитезис, результатом которого является синтез, удерживающий и сохраняющий в себе некоторые черты отрицаемого старого**.

Отсюда Гегель сделал вывод о том, что движение идет от низших форм к высшим, то - есть поступательно, но в этом поступательном движении имеет место цикличность, как бы возврат к старому, но на новой высшей основе.

История и история мысли являются единым процессом развёртывания абсолютной идеи. Исторические формации имеют как сходства, так и различия и представляют собой различные ступени развития идеи. Процесс движения истории един и диалектичен. Диалектика определяет все

исторические изменения. Наилучшим способом можно понять историю, если рассматривать развитие государств в диалектическом свете. Отдельно взятое государство можно назвать *тезисом*. По мере развития государство само порождает свою противоположность или *антитезис*. Тезис и антитез вступают в конфликт, и в конечном итоге, в результате борьбы появляется новая цивилизация, находящаяся на более высоком уровне, чем оба образования, ей предшествующие. В *синтезе* заключено самое ценное, что было в них.

Смысл истории по Гегелю есть *прогресс в сознании свободы*. На Востоке свободным сознаёт себя только один; все объективные проявления разумной человеческой воли (собственность, договор, наказание, семья, гражданские союзы) здесь существуют, но исключительно в своей общей субстанции, при которой частный субъект является лишь как *accidens* (например, семья вообще узаконивается как необходимость; но связь данного субъекта с его собственной семьёй есть только случайность, ибо единственный субъект, которому принадлежит здесь свобода, всегда может по праву отнять у любого из своих подданных его жену и детей; точно так же наказание в своей общей сущности признаётся здесь вполне, но право действительного преступника на наказание и право невинного быть свободным от наказания не существует и заменяется случайностью, ибо единственный субъект свободы, властитель, имеет общепризнанное право наказывать невинных и награждать преступников).

В классическом мире субстанциальный характер нравственности ещё остаётся в силе, но свобода признаётся уже не за одним, а за несколькими (в аристократиях) или за многими (в демократиях). Только в германо-христианском мире субстанция нравственности всецело и неразрывно соединяется с субъектом, как таковым, и свобода сознаётся как неотъемлемое

достояние всех.

Европейское государство, как осуществление этой свободы всех (в их единстве), заключает в себе в качестве своих моментов исключительные формы прежних государств. Это государство есть необходимо монархия; в особе государя единство целого является и действует как живая и личная сила; эта центральная власть одного не ограничивается, а восполняется участием некоторых в управлении и представительством всех в сословных собраниях и в судах присяжных. В совершенном государстве дух объективируется как действительность. Но, нося в себе абсолютную идею, он из этой объективации возвращается к себе и проявляется как дух абсолютный на трёх уровнях: искусства, религии и философии.

Европоцентристский взгляд на мировую историю объясняется особенностями ее развития в эпоху перехода от Средних веков к Новому времени: в Европе зародились и начали раньше, чем где-либо, развиваться капиталистические отношения. «Жажда золота», как неизбежный спутник этого процесса, способствовала великим географическим открытиям и развитию мировых торговых и экономических связей, — одним словом, Европа стала в известном смысле центром мировой истории, что и дало основание для возникновения европоцентристского взгляда на историю в целом. Гегель был в этом отношении вовсе не одинок среди современников.

Сочетание божественного и рационального начал характеризует историческое мышление **Дж. Вико** (1668 – 1774), оказавшего большое влияние на последующее развитие историографии. По его мнению, развитие истории — это органический процесс, в основе которого лежат законы, присущие человеческой природе, например закон эволюции от низшего к высшему. Речь идет, таким образом, о принципе внутреннего развития, лежащем в основе истории каждого народа. ***Однако этот принцип***

установлен божественной волей, следовательно, имеет место факт божественного вмешательства, проявляющегося в идее общего идеального закона развития как некоего первотолчка. Центр тяжести исторического мышления Дж. Вико лежит в области рационального, с чем связаны многие его представления об истории в целом и о конкретных событиях, но все это покоится у него на упомянутом идеальном начале как первоисточнике, первопричине.

2.

Впервые тезис о *материальном факторе, как основе исторического процесса*, был выдвинут во времена Античности. Историк древнего Рима **Аппиан** (конец I — 70-е гг. II в.) в своей книге о гражданских войнах в Риме отчетливо выразил мысль о том, что причиной этих событий была борьба за земельную собственность. У Аппиана не было предшественников и последователей, поскольку на роль материальных факторов в истории стали обращать внимание лишь в XVIII в. Это уникальный пример выхода мысли за рамки своего времени и предвосхищения, будущих представлений о роли материального начала в истории. При объяснении этого выхода можно лишь сослаться на довольно высокий по тому времени уровень развития имущественных отношений, имущественного неравенства в поземельных отношениях; сам он объяснения на этот счет не оставил.

В историографии эпохи Просвещения мы находим отдельные примеры понимания значения материального фактора для объяснения поведения людей и тех или иных событий. **Вольтер** (1694 – 1778) вполне определенно считал собственность необходимым признаком полноправного гражданина и исходил из неизбежности деления общества на богатых и бедных. Двигатель истории, согласно Вольтеру, — человеческий интерес, к которому относится и стремление к благополучию, самосохранению. **И. Г. Гердер** (1744—1803) к

числу мотивов, объясняющих человеческое поведение, относил потребности, нужду. Более определенное отношение к материальному фактору выражено у **Ж. Ж. Руссо** (1712 – 1778): возникновение имущественного неравенства привело к образованию государства, которое, в свою очередь, стало фактором углубления имущественного неравенства. Правда, этот вполне материалистический взгляд нельзя вырывать из общего контекста просветительского мышления философа, согласно которому источник неравенства коренится в прогрессе разума: «... неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет за счет развития наших способностей и успехов человеческого ума и становится, наконец, прочным и узаконенным в результате установления собственности и законов.

Взгляды представителей нового поколения мыслителей — **Сен-Симона** (1760 – 1825) и др. — явились продолжением взглядов просветительских и одновременно их отрицанием. Философия истории Сен-Симона основана не в меньшей мере, чем это было у просветителей, на тезисе о господстве разума в истории, на ***развитии знаний как основном факторе исторического развития***. Вместе с тем общественное устройство послереволюционной Франции не являлось для него воплощением разума, оно было подвергнуто философом весьма обоснованной реалистической критике. Однако предполагаемый им выход из положения был не нов: система идеального человеческого общежития должна стать продуктом усилий мыслящего рассудка, чтобы затем быть внедренной в жизнь. На фоне этого представления реализмом отличается мысль К. А. Сен-Симона относительно того, что ***собственность является основой общественного здания, а изменение форм собственности — причиной изменения общественного порядка***. Производство, по мнению К. А. Сен-Симона, — цель всякого общественного союза. Однако и подобные идеи упираются в

конечном счете в убеждение о решающей роли умственного развития во всех переменах в области производства. Разница в форме и уровне производства в разные времена объясняется различием целей, интересов людей, уровня их умственного развития. Остается прояснить лишь происхождение самого этого различия применительно к каждому этапу движения истории, чего нет у К. А. Сен-Симона.

Представители школы французских историков периода Реставрации (**О. Тьерри, Ф. Гизо** и др.) расширили сферу представлений о роли материального фактора в истории. Фигурой, оказавшей особенно большое влияние на историков, был **Ф. Гизо (1787 – 1874)**. Ф. Гизо гораздо более основателен в рассуждениях о роли материальных отношений в истории. Прежде всего, это касается его представлений о соотношении общества и государства, которые кардинально отличаются от господствовавших в то время взглядов: *«Большая часть писателей, ученых, историков старалась объяснить данное состояние общества, степень или род его цивилизации политическими учреждениями этого общества. Было бы благоразумнее начинать с изучения самого общества, для того чтобы узнать и понять его политические учреждения. Прежде чем стать причиной, учреждения являются следствием. Общество, его состав, образ жизни отдельных лиц в зависимости от их социального положения, отношения различных классов лиц — словом, гражданский быт людей — таков, без сомнения, первый вопрос, который привлекает к себе внимание историка»*.

Расставив акценты в решении данной реальной и крупной проблемы, Ф. Гизо идет значительно дальше просветителей. У всех народов, утверждает он, гражданский быт находится в тесной связи с поземельными отношениями, а потому их изучение должно предшествовать изучению быта. *«Чтобы понять политические учреждения, надо изучать отдельные слои, существующие в*

обществе, и их взаимные отношения. Чтобы понять эти различные слои, надо знать природу поземельных отношений». Таким образом, логика рассуждений Ф. Гизо приводит к **представлению о собственности как некой общей основе политической и социальной структуры общества**. Данное представление в общей форме и с отчетливым пониманием его новизны выражено следующим образом: «Я говорил о значении моральных факторов... Но есть ряд совершенно противоположных соображений, которыми до сих пор слишком пренебрегали: я имею в виду материальные условия общества... До сих пор недостаточно считались с изменениями, которые вносят крупные кризисы в материальное существование людей... эти изменения имеют гораздо большее влияние на все общество, чем думали до сих пор... это все факты, имеющие исключительное значение: простое изменение в материальной жизни мощно воздействует на цивилизацию. Каждая великая революция вносит в общественный строй изменения этого рода, и с ними нужно обязательно считаться». В соответствии с этим корни Английской революции середины XVII в. Ф. Гизо усматривал в изменениях, происшедших в социальном положении и правах народа. Борьбу имущественных интересов он находил и в истории средневековой Франции, и в истории Великой французской революции конца XVIII в.

Откуда же берется это имущественное, социальное неравенство, которому Ф. Гизо вполне справедливо отводил такую большую роль в истории? Ответ на этот вопрос прост: из естественного неравенства людей, данного им природой. Действительно, люди изначально не равны по своим физическим, умственным и т.д. данным, однако этим невозможно объяснить ни различие форм собственности в истории, ни имущественные и социальные различия между людьми в разное время. Ф. Гизо не мог убедительно

объяснить и происхождение общественных слоев, средневековой и современной ему Франции, для обозначения которых он пользовался понятием «класс».

А) Наиболее распространенной формой детерминизма в социальных науках, начиная с 19 века, становится **детерминизм экономический**, то - есть концепция, согласно которой **экономика как сфера человеческой деятельности имеет определяющее влияние на характер и содержание политических и социальных процессов**. В рамках экономического детерминизма законы экономики объявляются универсальными для всех общественных форм, а исторический путь развития общества отождествляется с историей развития общественно-экономических формаций.

Наибольшее влияние на развитие философско-исторической мысли разных стран оказал экономический детерминизм **К.Маркса**. Основоположники материалистической теории отчетливо понимали связь своих взглядов с предшествующим идейным наследием. В частности, по мнению Г. В. Плеханова, участвовавшего в научных беседах с Ф.Энгельсом, они «...считали себя во многом обязанными научным трудам того же Ф. Гизо и других французских историков времен Реставрации». А вот одно из свидетельств самого К. Маркса по поводу предшественников его взглядов: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов»

Материалистическое понимание истории нередко называли и называют в немарксистской литературе экономическим пониманием истории, экономическим материализмом, и, наконец, экономическим

детерминизмом. Когда-то марксисты и сами не отказывались от использования этих терминов. Достаточно сослаться хотя бы на работу известного приверженца марксизма **Поля Лафарга** (1842 — 1911), носящую название *«Экономический детерминизм Карла Маркса»* (1909); книгу русского, затем советского историка, считавшего себя марксистом, **М.Н. Покровского** *«Экономический материализм»*. Но в настоящее время сторонники материалистического понимания истории от названных терминов и прежде всего словосочетания «экономический детерминизм» обычно отрываются. И тому есть причины.

Прежде всего, нужно принять во внимание то, что взгляд на экономику как на важнейший и даже определяющий фактор развития общества возник задолго до появления марксизма. По-видимому, одним из первых, если не первым был английский мыслитель, видный деятель революции **Джеймс Гаррингтон** (1611 — 1677). В работе *«Республика Океания»* (1656) он отстаивал мысль, что в основе политического строя страны лежат отношения собственности на деньги, вещи и землю. Решающими он считал отношения поземельной собственности, распределение земельных владений. *«...Где существует неравное распределение земли, — писал он, — должно существовать неравенство силы, а где существует неравенство силы, там не может быть республики... Где существует равенство земельных владений, должно быть равенство силы, а где существует равенство силы, там не может быть монархии»*.

К мысли о том, что экономика играет важнейшую роль в истории, пришли во второй половине XIX в. многие историки. Это направление, которое принято называть *историко-экономическим*, или просто экономическим («экономизмом»), получило самое широкое распространение

в исторической науке Германии, Франции, Великобритании, России. Более того, на рубеже XIX и XX веков оно стало ведущим, что признавали как его поборники, так и его противники.

Сторонники историко-экономического направления в большинстве случаев под экономикой, если не теоретически, то практически понимали прежде всего систему социально-экономических отношений. В ней они искали ответы на мучившие их вопросы. Одни из них прямо заявляли о том, что экономический фактор является определяющим в истории. Их с полным правом можно назвать экономическими детерминистами. К их числу прежде всего относятся английский историк **Джеймс Торольд Роджерс** (1823 — 1890), перу которого принадлежат такие выдающиеся работы, как **«История земледелия и цен в Англии»**, **«История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в.» (1884)** **«Экономическая интерпретация истории» (1888)**, **«Индустриальная и коммерческая история Англии» (1891)**. *«Труды, подобные предпринятому мною, — писал он в предисловии к первому тому «Истории земледелия и цен в Англии», — весьма существенны для экономической интерпретации истории, которое, я смело берусь утверждать это, имеет первостепенное значение для понимания прошедшего, все равно, идет ли речь о юридических древностях, дипломатических интригах или военных походах. Немного можно насчитать таких событий в истории, на которые не был бы пролит яркий свет с помощью фактов, составляющих предмет изучения одних лишь экономистов»*. Но подчеркивая огромную роль экономики, эти ученые так и не смогли создать сколько-нибудь стройной концепции исторического развития. Не смогли этого сделать и те историки, которые прямо называли себя «экономическими материалистами».

Широко было представлено историко-экономическое направление в

русской исторической науке. В какой-то степени его предтечей в России был замечательный мыслитель **Николай Гаврилович Чернышевский** (1828—1889). Н.Г. Чернышевский руководствовался в своем подходе к событиям новой истории Западной Европы концепцией классов и классовой борьбы, созданной французскими историками эпохи Реставрации. Последовательно проводя эту линию, он пришел к выводу об огромной и даже решающей роли экономического фактора в истории. В *«Примечаниях к переводу «Введения в историю XIX века» Г. Гервинуса»* Н.Г. Чернышевский, приведя мысль Т. Бокля о том, что «история движется развитием знания», сопроводил ее следующим замечанием: *«Если дополним это верное понятие политико-экономическим принципом, по которому и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни, то получим полную истину: развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обуславливались развитием трудовой жизни и средств материального существования».*

Как ни оценивать взгляды отдельных представителей историко-экономического направления, которое возникнув в второй половине XIX в., продолжало существовать и в XX в., совершенно ясно, что, по крайней мере, часть их считала экономику определяющим, решающим фактором истории.

Таким образом, если относить к экономическому детерминизму любую концепцию, считающую экономику определяющим фактором в развитии общества, то материалистическое понимание истории выступит всего лишь как одно из его направлений.

Но все же главная причина отказа если не всех, то значительной части марксистов от термина «экономический детерминизм», заключается в том, что экономический детерминизм нередко стал истолковываться как учение, которое рассматривает экономику в качестве **единственного**

фактора истории, причем такого, который автоматически и полностью, до мельчайших деталей определяет все остальные стороны жизни общества, лишая их даже тени самостоятельности. Для обозначения такого понимания общества и истории, кроме приведенного выше словосочетания, применяется также и термин «экономический материализм», а еще чаще — **«вульгарный социологизм»**.

Если не все, то многие «вульгарные социологи» объявляли себя марксистами. Но их взгляды не были марксистскими даже тогда, когда они клялись именем Маркса. Некоторые из них пытались без остатка вывести все явления духовной жизни общества даже не из социально-экономических отношений, а из организационно-трудовых, а то и просто уровня развития техники производства. Подобные интерпретации исторического материализма появились еще при жизни К. Маркса. По свидетельству Ф. Энгельса, великий мыслитель, ознакомившись с такого рода «марксизмом», сказал однажды П. Лафаргу: **«Ясно одно, что я не марксист»**. К этому вопросу Ф.Энгельс обращался неоднократно. *«Я определяю Ваше первое основное положение так: согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную бессмысленную фразу»*.

Вульгарный социологизм получил распространение и в России. Это концепция; рассматривающая экономику (экономическую среду) как изначально единственный активный фактор, подлинный субъект

исторического процесса. *«Производительные силы являются демиургом действительности, определяют собой все общественное развитие, не исключая и развитие познания, - писал один из представителей этого направления В.Базаров, - Все внепроизводственные сферы и явления (политика, право, мораль, культура) объявляются пассивным следствием автоматически действующего экономического процесс.*

Марксизм никогда не считал экономику единственным фактором истории. Для него несомненным было, что в истории действуют многие факторы, ***среди которых экономический в конечном счете является определяющим.*** Материалистическое понимание истории никогда не отрицало, хотя и относительной, но тем не менее огромной самостоятельности духовной, политической и иных сфер общественной жизни. Если толковать экономический детерминизм столь примитивно, как это нередко делают, то материалистическое понимание истории к нему не может быть отнесено, как и многие другие концепции, в которых экономика рассматривается в качестве главного фактора общественного развития.

Б) Географический детерминизм — концепция, утверждающая, что процесс общественного развития это не результат проявления объективных закономерностей, а ***следствие влияния природных сил.*** По мнению представителей этой теории, устройство поверхности, климат, почва, растительность, животный мир и другие естественные факторы непосредственно определяют характер общественного строя, уровень хозяйственного развития тех или иных стран, и даже физические и психологические черты людей, их способности, наклонности, темперамент. Социально-экономические явления представители географического детерминизма ставят в решающую зависимость от географических факторов.

Истоки географического детерминизма лежат в истории Древнего

мира. В античное время сформировалось несколько направлений географического детерминизма.

"Физиологический", подчеркивающий зависимость организма и психики человека от природных условий (Гиппократ). Гиппократ считал главными факторами, обуславливающими зависимость человеческого организма от окружающих его природных условий, температуру воздуха и его влажность, а также качество воды. Эти факторы, по его мнению, тесно связаны с другими природными условиями – рельефом (высота местности, ее расчлененность, уклон склонов, направление возвышенностей), положением местности по отношению к господствующим ветрам, растительности, составу горных пород.

Направление, признающее **решающее значение географического положения для развития государства (Аристотель).** Великий философ античности Аристотель в своем учении о государстве связывает природные условия с характером и политическим строем народов. По его мнению, народы северных стран отличаются мужеством, но у них менее развиты интеллектуальные и творческие способности. Азиатские народы, наоборот, интеллигентны, обладают художественным вкусом, но им не хватает мужественности, поэтому они находятся в подчиненном состоянии. Эллы же в силу географического положения их страны совмещают интеллект и мужественный характер, а потому способны властвовать над всеми народами.

Направление, учитывающее **влияние на общество географических условий в их совокупности (Геродот, Страбон).** Геродот образ жизни, занятия населения ставит в зависимость от климата, вод, растительности, рельефа страны. Например, объясняя занятия скифов кочевым скотоводством, он считает, что этому способствуют природные условия

(равнинный характер местности, обширные пастбища, наличие рек). Изобилие природы, по Геродоту, способствует также изысканности человека. **Страбон** придавал большое значение географической среде, считая, что для лучшего управления страной надо четко знать ее размеры, географическое положение, природные условия. Страбон впервые высказал мысль о необходимости всестороннего учета географических условий в политике, военном деле, управлении страной. Он подчеркивает богатство античной Европы полезными ископаемыми, домашним скотом, плодами, особое значение придавая дифференцированности природных условий, что позволяло развивать здесь различные промыслы и способствовало торговле. При описании отдельных стран Страбон учитывал влияние на развитие общества всей совокупности природных условий.

Стремясь объяснить судьбы государств различием природных условий, идеи географического детерминизма, заложенные в античной науке, в XVI в. систематизировал французский ученый, философ, политик, экономист, правовед **Жан Боден** (1529–1596). Он подчеркивал ***влияние климата в основном на физиологические и психические свойства человеческого организма и тем самым – на национальный характер и политический строй государства***. При этом он рассматривал влияние климата или других природных условий на отдельные человеческие индивиды, а не на человеческое общество в целом, которое представлено им простой арифметической суммой индивидов. В эпоху феодализма географический детерминизм имел прогрессивное значение, так как идее "все от Бога, все определено Богом и поэтому неизменно" он противопоставил идею "все от природы и должно быть изменено, если не соответствует естественным законам". Это направление в дальнейшем получило название ***школы естественного права***. Согласно идеям естественного права, в основе

которых лежит принцип естественной природы человека, правление людей (монархов) должно быть заменено правлением законов. Эти идеи нашли отражение в развитии процесса буржуазно-демократических революций в XVII-XVIII вв. и были закреплены в некоторых документах того времени. В частности, это североамериканская «**Декларация независимости**» (1776), французская «**Декларация прав человека и гражданина**» (1789).

Другие французские приверженцы идей географического детерминизма также придавали географическим факторам (особенно климату) решающее значение в формировании позитивных форм правления государством. Так, по словам **Шарля Луи Монтескье** (1689–1755), наиболее видного представителя европейского географического детерминизма, жаркий климат порождает лень и страсти, убивает гражданские доблести и является причиной деспотичного правления. Наиболее благоприятен в этом отношении умеренный пояс. Монтескье считал, что под действием одинаково и неизменно действующего климата вырабатывается характер населяющего данную страну народа. При перемещении в местность с другим климатом эти черты меняются. Наряду с климатом, Монтескье рассматривает влияние на общественную жизнь размеров страны (по его мнению, государства, занимающие обширные равнины Азии, имеют деспотическое правление; для государств средней величины в Европе характерны умеренные режимы); рельефа, плодородия почв (низкое плодородие земель делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными воинами; плодородие же приносит им вместе с довольством изнеженность); особенностей географического положения. Взгляды Монтескье получили дальнейшее развитие в трудах многих французских ученых XVIII и XIX вв.

Прогрессивные элементы в учение о роли географической среды в жизни общества внес выдающийся французский географ XIX в. **Элизе Реклю**

(1830–1905). Он признавал влияние природных условий на исторические события, указывал связь развития человечества с Землей; считал необходимым временной анализ соответствия любого периода в жизни народов изменениям окружающей среды и выяснение сложного воздействия природы на человека и человека на природу. Э. Реклю предложил свою схему эволюции истории человечества. ***История, по его идее, "есть не что иное, как эволюция окружающей обстановки, вызываемая самой же окружающей обстановкой". Таким образом, историю общества он прямо выводил из эволюции окружающей природы.***

По мнению Реклю, со временем влияние окружающей среды на человека меняется. Развитие производства заставляет иначе относиться к природе, изменять ее, а измененная природа, в свою очередь, действует на последующие поколения. Возможности воздействия человека на природу постоянно усиливаются, что приводит к негативным последствиям: уничтожению ценных видов животных, сведению лесов, иным проявлениям ограбления природы, разрушению ее красоты. В целом концепция географического детерминизма Реклю вызвала большой интерес к конкретному анализу взаимодействия природы и человека в территориальном разрезе, что было характерно для французской географической школы и в дальнейшем.

Французская школа "***географии человека***", или ***поссибилизм*** (от фр. ***possibilite*** – возможность), – научное направление в географии, сформировавшееся в конце XIX – начале XX в., также берет свое начало от идей географического детерминизма. Основная концепция поссибилизма связана с ***признанием значения взаимодействия между природной средой и деятельностью человека***. Основателем этого направления считается ***Поль Видаль де ла Блаш (1845–1918)***. Приверженцы поссибилизма большое

внимание уделяют результатам этого взаимодействия, которые выражаются в формах хозяйственной деятельности, размещении населения, характере населенных пунктов, пейзажах территорий. Для них характерно стремление найти гармонию и уравновешенность во взаимоотношениях природы и хозяйства. Согласно данной концепции **основная задача социально-экономической географии – найти формы хозяйственной деятельности, наиболее гармонирующие с окружающей средой, и следовать им.** Таким образом, сторонники французской школы главное внимание уделяют обнаружению и использованию тех возможностей, которые природа предоставляет человеку. Но только от человека зависит использование или неиспользование этих возможностей.

Идеями географического детерминизма увлекались многие немецкие ученые-философы. Например, родоначальник немецкой классической философии **Иммануил Кант** (1724–1804) рассматривал силы природы как определяющие развитие человеческого общества, хотя в принципе отрицал объективное существование законов природы. В своем произведении "**Антропология**" он обосновывает характер народов, их хозяйственную деятельность, религию действием физико-географических условий местности, в которой живет данный народ. Влияние природы, по Канту, было особенно значительным на начальном этапе существования человека, вызывая отличия во внешнем облике людей при расселении их по различным климатическим поясам земного шара, т.е. определяло формирование рас. На более высокой степени развития человеческого общества природные условия влияют на производство и через него на нравы жителей, нравы определяют законы, законы – государственный строй.

Идеи Канта были развиты другим немецким ученым **Иоганном Готфридом Гердером** (1744–1803), который рассматривал влияние на

общество не отдельных природных факторов (климат, рельеф), а их совокупности. Он считал, что не существует неизменной зависимости формы правления от природы страны, климат лишь порождает такую склонность. У Гердера еще более, чем у Канта, подчеркнута мысль о влиянии географической среды на общество не непосредственно, а через производственную деятельность.

Большой вклад в формирование концепции географического детерминизма внес крупнейший немецкий философ **Георг Вильгельм Фридрих Гегель** (1770–1831). Историю человечества Гегель представлял себе как развитие "абсолютного духа", отмечая, что сам дух различен в своих проявлениях в пространстве. Он рассматривал три основные ступени развития "абсолютной идеи": логику, философию природы и философию духа. Философия природы, по Гегелю, вскрывает воплощение идеалистической "абсолютной идеи" в ограниченной и конечной форме природных вещей; природа выступает не как материальная реальность, а как порождение идеи. Он считал, что не следует ни преувеличивать, ни умалять значение природы в жизни общества. Природа предоставляет возможности, реализация которых зависит от человеческой деятельности. Тем не менее, Гегель признавал, что конкретная местность тесно связана с типом и характером народа. Он выделял *три типа местностей по их влиянию на общественное развитие*:

1) сухие плоскогорья, благоприятные для кочевого животноводства с патриархальным строем;

2) низменности, орошаемые большими реками, благоприятные для земледелия, где происходит возникновение государств, права, отношений господства и подчинения;

3) приморские страны, с развитым мореплаванием, торговлей, с

которыми связаны наиболее развитые общественные формации (гражданская свобода).

Гегель справедливо считал, что с развитием промышленности уменьшается зависимость человека от природы и он начинает активно использовать ее богатства, освобождаясь от страха перед силами природы и от рабского служения ей.

Немецкая классическая философия разработала вопрос о взаимоотношении общества и природы весьма глубоко, что в дальнейшем оказало большое влияние на основателей "новой школы" в географии XIX в. **Александра Гумбольдта** (1769–1859) и **Карла Риттера** (1779–1859).

Гумбольдт в своих многочисленных трудах неоднократно подчеркивал влияние природных условий на судьбы человечества. По его мнению, природа влияет на нравы, искусство людей через их психику. В знаменитом многотомном научно-философском труде "**Космос**" А. Гумбольдт подробно рассматривает значение для человеческого общества климата, расчленения материков, их береговой линии, рельефа.

Под влиянием идей Канта и натурфилософии Гегеля сформировались географические представления видного немецкого географа **К. Риттера**, который считал, что учет объективных условий жизни человека необходим потому, что природные условия независимы от человека. Более заметно воздействие природы не на отдельных людей, а на общество в целом, так как каждый человек является представителем своего "природного жилища". Риттер полагал, что местные ландшафты влияют на характеристику их жителей, на их облик и телосложение, на форму черепа, цвет кожи, темперамент, язык и духовное развитие. Отсюда бесконечные различия в образовании и характерах, стремлениях различных народов. Риттер отмечал, что в начале человеческой истории влияние природы сказывалось решающим

образом на физических особенностях человека, но с развитием человеческое общество освобождается от оков природы. Развитие общества Риттер считал предрешенным окружающей его географической средой и полагал, что комплекс природных условий Западной Европы предопределяет более высокий уровень развития ее народов и их право на управление всеми другими народами.

Концепция географического детерминизма послужила теоретической основой для *антропогеографической школы*, основатель которой немецкий географ **Фридрих Ратцель** (1844–1904) признавал географическую среду ведущим и основным фактором развития человеческого общества. Географию человека (антропогеографию) Ратцель считал отраслью биологической географии, подобно географии растений и географии животных, объясняя развитие человеческого общества только влиянием законов природы. В частности, он рассматривал государство как живой организм (биологический вид), обладающий врожденным стремлением к захвату пространства. Природная среда, по Ратцелю, является естественным обоснованием политической агрессии. "Распространение" государства, т.е. захват им окружающих территорий, ученый отождествлял с распространением леса, наступлением его на окружающие пространства. Ратцель выступил в качестве одного из основных идеологов воинствующего германского государства, приводя научное обоснование политическим задачам кайзеровской Германии. Эти же идеи, кстати, впоследствии были использованы для обоснования "права" на колониальное господство над народами стран экваториального и тропического поясов. Географический детерминизм (*географический фатализм*) как научное воззрение применялся в практических целях для обоснования права господства одних наций (развивающихся в условиях "циклонического климата") над другими

народами, развивающимися в условиях жаркого или холодного климата. Поэтому **войны, уничтожение других народов predeterminedены, по Ратцелю, вечными законами природы и, следовательно, неизбежны.** Кроме того, по мнению Ратцеля, в наиболее благоприятных природных условиях складывается "**высшая раса**", призванная господствовать над всеми остальными. Тем самым Ф. Ратцель положил начало своеобразному ответвлению географического детерминизма — **геополитике** — концепции, объясняющей политику, а тем самым и историю тех или иных стран их географическим положением. Сейчас у нас все чаще и чаще геополитику трактуют как особую научную дисциплину, имеющую свой собственный объект исследования, что ошибочно. Геополитика не наука, а концептуальное направление, представляющее собой своеобразную разновидность географического детерминизма. Геополитика выросла из абсолютизации, раздувание одного весьма реального момента — необходимости учета при выработке и внешней и внутренней политики того или иного государства наряду с другими факторами и его географического положен.

Продолжением географического детерминизма в англоязычных странах стал **энвайронментализм**, или **инвайронментализм** (от англ. *environment* – окружающая среда), – научная школа, которая берет начало в США в начале XX в. в работах **Эллен Чернил Семпл (1863–1932)**. В книге "**Влияние географической среды**" решающая роль в развитии общества отводится географической среде, развитие и размещение хозяйства во многом ставится в зависимость от природных условий. Среда понимается как совокупность условий: географическое положение, границы, в том числе морские, реки, климат и т.д.

Школа энвайронментализма опирается также на идейные представления американского ученого **Элсворта Хантингтона (1876–1948)**. В его основных

работах *"Принципы географии"*, *"Экономическая и социальная география"*, *"Цивилизация и климат"*, *"Главные принципы цивилизации"*, выявлено влияние географической среды (прежде всего климатических условий) на уровень развития цивилизации, экономику, культуру, быт. Для оценки влияния климата на производительность труда, здоровье и психику людей Хантингтон использовал произвольную систему показателей, например смертность, число самоубийств или посещений библиотек.

По Хантингтону, под влиянием климатических условий развиваются **четыре типа промышленного производства:**

1) **"примитивный"** – изготовление луков и стрел индейцами, ручной перемол зерна в Индии, Ираке, Турции, женское рукоделие, ткачество, изготовление ковров, а также приготовление пищи;

2) **"простой"** – перемол зерна на механизированных мельницах, распилка леса, его переработка на бумагу или целлюлозу, плавка руды, выделка кожи, изготовление фруктовых, овощных и других консервов;

3) **"общественный"** – городские электростанции, газовые заводы, водопровод, гаражи, строительство домов, полиграфическая промышленность, железнодорожные мастерские, чугунолитейные заводы;

4) **"комплексный"** – все остальные отрасли промышленности, которые характеризуются применением сложных машин, комбинированием двух или нескольких видов сырья, производством товаров преимущественно в готовом для потребления виде. Большая часть продукции промышленности комплексного типа предназначается для продажи за пределами центров ее производства.

Хантингтон высказал мысль о том, что природные условия северо-востока США благоприятны для развития именно здесь промышленности комплексного типа благодаря оптимальности климатических условий, которые

стимулируют трудоспособность, здоровье и энергию. При этом все другие страны и районы следует рассматривать в качестве поставщиков сырья и рынков сбыта. Уровень здоровья, жизненной энергии людей и цивилизации он изображал на картах, отражающих оптимальные для человека европейского происхождения климатические условия. В книге "**Движущие силы цивилизации**" Э. Хантингтон таким образом выделяет "климатические оптимумы человеческой деятельности", которые приходятся на США и Англию. Именно в этих местах наиболее рациональна, с его точки зрения, концентрация промышленного производств.

В целом основная идея энвайронментализма заключается в том, что окружающая среда играет решающую роль в определении хозяйственной деятельности, культуры и быта людей. В дальнейшем в понятие окружающей среды было включено не только природное, но и социально-политическое окружение человеческого общества. В современной трактовке энвайронментализма естественным природным условиям уже не отводится решающая роль. Все большее значение придается вопросам антропогенного воздействия на природную среду и экологическим проблемам глобального характера.

К представителям «географического детерминизма» можно отнести современного американского историка **Ричарда Пайпса**, работы которого получили широкое распространение в России в годы «перестройки». В книге **«Россия при старом режиме»** он прямо объясняет особенности политического строя России, которую характеризует как **«вотчинное государство»**, особенностями природы и климата. Р. Пайпс пишет: *«Россия принадлежит к той категории государств, которые... обычно определяют как „вотчинные“ (patrimonial). В таких государствах политическая власть мыслится и отправляется как продолжение права собственности, и*

*властитель (властители) является одновременно сувереном государства и его собственником». Причиной его становления считает непрерывную колонизацию новых земель, расширение территории России. Колонизация новых земель осуществлялась под руководством князей - все вновь присоединенные земли они рассматривали как свою собственность (**вотчину**), а все население этих земель, как зависимых от себя людей. «Первоначально средоточием власти было личное поместье князя или царя... В пределах этого поместья князь был абсолютным повелителем, отправляя власть в двух ипостасях - суверена и собственника. Отталкиваясь от крепкой базы своих частных владений, русские князья (не сразу, а лишь поборов сильное сопротивление) распространили свою личную власть и на вольное население за пределами этих владений..., превратив Россию в гигантское княжеское поместье».*

В России царь был полным господином над всеми своими подданными, собственником всех земель было государство. Через землю царь держал своих подданных в подчинении.

В XV-XVI вв. в русском государстве сложилась, так называемая "**служилая**" система. Суть её в том, что **каждый слой общества (сословие) получал средства к существованию лишь постольку, поскольку нес определенный круг повинностей в пользу государства (службу или тягло).**

Становление такой системы было обусловлено в первую очередь военными задачами. Обширная территория государства, напряжённость его границ, отсутствие естественных преград в виде гор и морей, обусловившее открытость пограничных рубежей – всё это требовало содержания значительного войска. При феодальном строе военная служба оплачивалась не деньгами, а землёй, феодальными владениями. Постепенно формируется **служилое сословие.**

С распространением поместной системы государственных земель становилось все меньше. К концу XVI в. в центре Русского государства уже не осталось "черных" земель и черносошных крестьян - большинство крестьян попало в феодальную зависимость. Это вело к ухудшению положения крестьян. Крестьяне стали разоряться, массовый характер принял уход от помещиков. Этому способствовало и наличие огромных пространств свободной земли. Однако само функционирование поместной системы было невозможно без наличия крестьян, содержавших помещика. Начиная с XV века, государство постепенно проводит **прикрепления крестьян к земле**. Так Пайпс объяснял происхождение **крепостного права**.

Действием природно – географического фактора Пайпс объяснял и сохранение общины. Особенностью России было **сохранение общинного землепользования**. Как на государственных, так и на частных землях крестьяне были объединены в общины. Если в Западной Европе общинное землепользование исчезло уже в XIV-XV вв., то в России оно сохранялось практически на протяжении всей ее истории. Частной крестьянской собственности на землю Россия не знала. Суровый климат, господство подсечно-огневой системы земледелия, требующей огромных усилий для очистки земель от леса, низкая урожайность - все это делало индивидуальное землевладение невозможным. Выжить крестьянин мог только в условиях общины.

Р. Пайпс пишет: *«Российская география не благоприятствует единоличному земледелию... . Северный климат располагает к коллективному ведению хозяйства. Тот непреложный факт, что полевые работы приходится проводить за четыре-шесть месяцев... заставляет трудиться весьма напряжённо и совокупно использовать людские, материальные ресурсы и домашний скот. Русский крестьянин –*

единоличник...просто не в состоянии справиться с работой в климатических условиях лесной зоны и ему не обойтись без помощи соседей».

В разработку идей географического детерминизма большой вклад внесли **русские** ученые – географы, социологи, историки, философы. Выдающийся русский историк **Василий Осипович Ключевский** (1841 – 1911) считал, что исторический процесс складывается **под влиянием многообразных и изменчивых сочетаний внешних и внутренних условий развития**. Влияние природы отражается, по Ключевскому, в темпераменте, быте и духовном складе народа. *Главный фактор развития стран и народов – постоянное приспособление человека к окружающей среде, к ее силам и способам действия; в то же время человек изменяет природу в соответствии со своими потребностями, и в этом противостоянии вырабатываются характер, энергия, понятия, чувства, стремления и отношение к другим людям.*

Лев Ильич Мечников (1838–1888) в своей основной работе **"Цивилизация и великие исторические реки"** излагал с позиций географии теорию прогресса и социального развития под влиянием природных условий. Географическую среду Мечников считал главным движущим фактором прогресса. Однако, по его мнению, совокупность физико-географических условий не играет одну и ту же неизменную роль на разных исторических этапах. **Определяющей силой в развитии общества и в распространении цивилизации он считал водные пути**. В соответствии с этим всю историю человеческого общества Мечников делил на три этапа: 1) речной цивилизации, 2) средиземноморской цивилизации и 3) океанической цивилизации, или всемирный период.

Василий Васильевич Докучаев (1846–1903) знаменитый **закон**

зональности распространил и на человека, его обычаи, религию, житейскую обстановку. Докучаев указывал на очевидность зависимости характера построек, одежды, нравов, обычаев населения от климата, животного мира, растительности, почвы, свойственных той или иной местности. Зональность условий быта человека, его построек, одежды, сельскохозяйственного производства на примере территории России Докучаев показал хотя и кратко, но очень точно.

Попытку соединения материалистического понимания истории с географическим детерминизмом предпринял историк, академик **Леонид Васильевич Милов** в книге *«Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (М., 1998)*. Автор считает, что особенности географической среды, влияя на характер трудового процесса и объем общественного продукта, определяли не только темпы развития России, но и своеобразие ее социально-экономического и политического строя и специфику ее исторической эволюции.

В) Популярным в XIX и XX вв. продолжал оставаться **демографический детерминизм**. «Историю делают люди» — в этом тезисе заключена возможность формулировки отдельной теоретической проблемы, значимой для понимания любой эпохи человеческой истории. Речь идет о **влиянии на ход событий, самых разных по масштабам и последствиям, колебания численности населения, ее динамики**. Проблема демографического детерминизма — одна из сравнительно поздних в практике конкретного исторического исследования и области методологии.

Одним из первых среди поставивших эту проблему мыслителей был представитель французского Просвещения **К. А. Гельвеций** (1715 – 1771). Высказанные им идеи имели концептуальное значение. Согласно представлениям К.А. Гельвеция, **рост численности населения лежит в**

основе всех перемен в развитии общества. Мыслитель проводил прямую связь между этим ростом и материальными отношениями и считал, что накопление богатства небольшой группой людей, как и нищета большинства обусловлены именно ростом численности. Накопление богатства приводит к развитию городов, в которые устремляются многие, потому что для бедных там *«...больше помощи, для порока — больше безнаказанности, а для сладострастия — больше средств удовлетворить его»*. Распространение нужды приводит к формированию все более сурового законодательства и к зарождению деспотизма. Рост численности населения приводит и к изменению формы правления: *«Граждане какого-нибудь государства, сделавшись весьма многочисленными, чтобы собираться в одном и том же месте, назначали представителей»*. Это влечет за собой раскол интересов представителей и тех, кто их представляет. Сосредоточение собственности в руках все меньшего количества людей подрывает устойчивость власти. *«Все империи пришли к разрушению, и падение их нужно датировать с того времени, когда народы, размножившись, стали управлять через своих представителей; когда эти представители, используя различие интересов между представляемыми ими лицами, могли стать от них независимыми»*, — писал К. А. Гельвеция. Чрезмерно большая численность населения, по его мнению, является во всех странах конечной причиной порчи нравов.

Главный вывод К.А.Гельвеция: ***«и накопление богатства, и его влияние на структуру власти, и состояние нравов восходят к фактору роста численности населения как своей первопричине»***.

Идеи Гельвеция оказались заразительными, они были в дальнейшем использованы представителями различных направлений философско-исторической мысли. В этой связи особо выделяется теория народонаселения английского экономиста **Т. Р. Мальтуса** (1766—1834). Ее суть такова. Людям

присуще постоянное стремление к размножению, инстинкт. Это закон роста народонаселения, являющийся одним из законов природы. Мальтус проводит прямую и непосредственную связь между ростом народонаселения и ростом средств существования: количество населения удваивается каждые 25 лет, если не существует каких-либо сдерживающих факторов (геометрическая прогрессия), тогда как средства существования не могут увеличиваться быстрее, чем в арифметической прогрессии. Суть его дальнейших рассуждений сводится к поиску и обоснованию средств обуздания роста населения. Безусловно одно: между динамикой численности населения и производством жизненных средств существует связь, однако рост численности не означает автоматически ни накопления богатства (К.А.Гельвеции), ни роста нищеты (Т.Р.Мальтус). Все зависит от конкретной исторической ситуации.

В материалистическом понимании истории, начавшем формироваться в первой половине XIX в., человеческий фактор был изначально отнесен к числу фундаментальных. «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений...», — писал **К.Маркс**. Материальное производство, развитие потребностей и «воспроизводство человеческой жизни» рассматривались в этой теории как важнейшие стороны развития истории на всем ее протяжении.

В XX в. самая значительная попытка анализа проблемы демографического фактора была предпринята историками **школы «Анналов»**, которые высказали идею о фундаментальном значении численности населения и ее динамики. «...Насколько же несовершенны наши знания о численности населения мира вчерашнего, но ведь как для краткосрочного цикла, так и для долгосрочного, как на уровне местных реальностей, так и на огромной шкале реальностей всемирных — все связано с количеством, с колебаниями численности людей», — писал **Ф. Бродель**. Тем не менее, представители школы

«Анналов» не рассматривали демографическую структуру общества в качестве его первоосновы. Концепция «глобальной истории» Ф. Броделя основана на признании действия и взаимодействия в истории **совокупности факторов и различных уровней ее развития. По его мнению, ментальные, демографические структуры — лишь отдельные составляющие из упомянутого взаимодействия.** Наиболее исследованными из них Ф. Бродель считал экономическую, социальную, политическую и культурную системы. Каждая из них в свою очередь делится на подсистемы; системы (факторы) взаимодействуют, переходят друг в друга, благодаря чему любая из них может стать определяющей в той или иной ситуации. Таким образом, демографический фактор в этой структуре представлений взаимодействует с другими.

В последующем развитии школы «Анналов» отношение к нему изменилось, что особенно отчетливо проявляется в концепции «серийной истории» одного из ведущих представителей третьего поколения школы **П. Шоню (1923 — 2002)**. Концепция **«серийной истории»** складывалась во многом под влиянием взглядов Ф. Броделя, хотя ее суть значительно отличается от источника влияния. В центре внимания П. Шоню экономическая история, однако, общий смысл концепции заключается во взаимодействии ряда наук о человеке — демографии, антропологии и этнологии. **Историческая демография, по мнению историка, находится в центре всего: экономики, производства, биологии, а также жизни, смерти, любви. Демография опосредованно готовит встречу истории со всеми науками о человеке.**

Таким образом, развитие исторического познания привело к возникновению относительно самостоятельной области знаний — демографии, или, если речь идет о прошлом, — исторической демографии. Подавляющее большинство исследований посвящено выяснению того, что такое демография, каковы условия формирования численности населения, какова ее динамика и в

чем причины такого рода динамики, каково соотношение исторической науки и демографии и т.д. **Демографический фактор не является естественным, природным началом в развитии исторических явлений и процессов. Следовательно, его нельзя считать первоосновой человеческой деятельности, которая от самой этой деятельности не зависит и является только причиной. Демографический фактор является предпосылкой и условием дальнейшего развития общества только в качестве продукта и результата общественного развития.** Он является не внешней, а внутренней составляющей всех общественных процессов и структур.

Мы рассмотрели различные виды детерминизма, наиболее актуальные и интенсивно анализируемые проблемы в развитии философско-исторической мысли. Имеют место и другие представления о действии причинно-следственных связей в истории и их разновидностях.

Г) Основатель психоанализа З. **Фрейд** (1856—1939) стал основателем **психологического детерминизма**. Он писал о глубинах бессознательного, в которых, по его мнению, хранились тайны мотивов человеческого поведения. Впрочем, об одном из таких мотивов — половом инстинкте — он высказывался вполне определенно. **Развитие общества — это, согласно З.Фрейду, процесс обуздания полового инстинкта и использования его для решения разного рода социальных проблем.** Изложить взгляды З. Фрейда на общество и историю не так просто, ибо они претерпевали определенные изменения и довольно противоречивы

Основная его мысль состоит в том, что если первобытные люди полностью удовлетворяли свои инстинкты, прежде всего половой, то с созданием цивилизации им пришлось отказаться от этого, ограничив и подавив свои сексуальные стремления. Подавленная половая энергия была трансформирована (**сублимирована**) в несексуальную психическую энергию,

которая и была использована для строительства цивилизации. Чем выше уровень цивилизации, тем больше сексуальной энергии должен человек сублимировать и соответственно подавлять свое **либидо** (сексуальное стремление). Результат чрезмерного подавления (**фрустрации**) своих инстинктов — растущая склонность к неврозам. Поэтому, хотя историческое развитие — позитивное явление (если учитывать только созданные цивилизацией продукты), оно же с неизбежностью влечет за собой неудовлетворенность цивилизацией.

Начало цивилизации рисуется З. Фрейдом следующим образом. Существовала первобытная орда во главе с отцом, который пользовался всеми женщинами, не допускал к ним сыновей и изгонял их. В конце концов сыновья объединились, убили отца и съели его. Затем их охватило чувство вины. Они раскаялись и отказались от плода победы — доступа к женщинам орды. Так возникла первая моральная норма — табу, или запрет инцеста. Одновременно дается и другое объяснение этого табу: он был введен для того, чтобы предотвратить борьбу между братьями из-за женщин орды и тем обеспечить в ней мир.

По Фрейду, ребенок в своем развитии проходит тот же путь. В возрасте пяти-шести лет мальчик испытывает сексуальное тяготение к матери и сильнейшую ревность к отцу. Он подавляет в себе это желание из-за угрозы кастрации. Чтобы освободиться от постоянного страха, ребенок усваивает табу на кровосмешение. Этот комплекс, который З. Фрейд именует **эдиповым**, занимает в его учении центральное место.

Согласно Фрейду, личность человека включает три компонента: Ид (Оно), Эго (Я) и Супер-Эго (Сверх-Я). «Оно» представляет собой совокупность инстинктивных стремлений, это — неорганизованная, но единая сила, выступающая в качестве движущей силы личности. Так как большая часть этих

желаний не допускается в сознание, то «Оно» практически совпадает с бессознательным.

«Я» совершает рационально оценку реальной ситуаций с целью наметить такую программу поведения, которая обеспечит выживание человека. «Я» решает, какие действия человек может позволить себе в данной ситуации, а какие нет, какие инстинктивные желания он может удовлетворить без риска погибнуть, а какие нужно подавить. «Я» можно считать выражением сознания.

Но «Я» лишь отчасти может контролировать слепые силы «Оно». «Я» не является хозяином в собственном доме, а одновременно служит «трем господам»: «Оно», внешнему миру и «Сверх-Я», которое представляет усвоенные вначале отцовские, а затем все вообще общественные требования и нормы. Эти «три господина» постоянно угрожают «Я» и держат его в состоянии напряжения и страха. Для обозначения действия сил и тенденций, фильтрующих бессознательные импульсы и препятствующих их проникновению в сознание, З. Фрейд применяет слово «цензура». Цензура действует в зоне перехода от бессознательного к сознательному. Все отклоненное цензурой вытесняется из сознания в подсознание.

Согласно Фрейду, сознание занимает сравнительно небольшое место в психической жизни. Оно всегда находится под влиянием психических процессов, которые протекают бессознательно и поэтому недоступны для сознательного контроля. Поэтому огромное значение для понимания поведения людей, жизни общества и исторических событий имеет изучение бессознательного и особенно эдипова комплекса. С позиций психоанализа З. Фрейд пытался объяснить все явления жизни общества.

У З. Фрейда всегда была масса последователей. К числу самых ярких относится **Вильгельм Райх** (1897 — 1957), который рассматривал проблемы общества и его истории в работах «*Психология масс и фашизм*», и «*Сексуальная*

революция». В. Райх пытался соединить фрейдизм с марксизмом. Он — основоположник **фрейдомарксизма**. Свою социологию в отличие от фрейдовской — психоаналитической — он именовал сексуально-энергетической.

Он считал, что при оценке человеческих реакций мы имеем дело с тремя разными слоями **«биопсихической структуры»**. Для поверхностного уровня личности среднего человека характерны сдержанность, вежливость, сострадание, ответственность, добросовестность. Этот слой опирается на второй, промежуточный, который состоит исключительно из импульсов жестокости, садизма, сладострастия, жадности и зависти. Именно это, утверждает В. Райх, Фрейд называл бессознательным. По Райху же, эта совокупность влечений, будучи бессознательной, т.е. антисоциальной, представляет собой не первичное, биологическое явление, а вторичное. «Вторичные влечения» есть результат подавления первичных биологических влечений.

За вторым слоем обнаруживается третий, самый глубокий — биологическая основа. «В этой основе, — говорит В. Райх, — при благоприятных условиях человек, как правило, представляет собой искреннее, трудолюбивое, склонное к сотрудничеству, любящее и, при наличии достаточной мотивации, рационально ненавидящее существо».

В отличие от З. Фрейда В. Райх считает, что подавление и вытеснение секса восходит не к истокам развития культуры, а к началу разделение общества на классы. Оно диктуется интересами возникающего господствующего класса. *«В результате морального сдерживания естественной сексуальности ребенка, — пишет В. Райх, — которая на последнем этапе приводит к существенному ослаблению его генитальной сексуальности, у ребенка развивается пугливость, робость, страх перед авторитетом, покорность, «доброта» и «послушание» в авторитарном смысле этих слов. Такое*

сдерживание парализует действие мятежных сил в человеке, так как каждый жизненный порыв теперь обременен страхом; поскольку секс стал запретной темой, критическая способность и мысль человека также становятся запретными. Короче говоря, задача морали заключается в формировании покорных личностей, которые, несмотря на нищету и унижение, должны соответствовать требованиям авторитарного строя». Возникшая таким образом структура личности детерминирует все, что совершается в обществе. «Все происходящее в общественной жизни — активно или пассивно, намеренно или ненамеренно, — утверждает В. Райх, — определяется психологической структурой масс».

С таких позиций он объясняет и фашизм. «В его сущности, — читаем мы у него, — воплощаются не поверхностный и глубинный слои, а, как правило, второй, промежуточный характерологический слой вторичных влечений». «С точки зрения характера человека, — конкретизирует дальше В. Райх, — фашизм представляет собой основное, эмоциональное отношение «подавленного» в человеке к нашей авторитарной, машинной цивилизации и ее механистически мистическому пониманию жизни».

Из всего этого делается вывод, что для обеспечения лучшего будущего человечества нужна **сексуальная революция, т.е. снятие всех ограничений в отношениях между полами, прекращение подавления половых влечений людей**. По существу, та же самая идея обосновывается в книге известного философа, представителя Франкфуртской школы **Герберта Маркузе (1898—1979) «Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда»**

Д) Бурное развитие техники в XX в. породило **технический детерминизм**. Его суть в признании решающей роли в истории развития техники и технологии.

Мысль о том, что ведущая роль в развитии истории принадлежит

технике, высказывалась довольно давно. Но окончательно концепции технического, или технологического, детерминизма оформились лишь во второй половине XX в., что было связано с началом и последующим развитием научно-технической революции.

В предельно последовательной форме концепция технологического детерминизма была развита и изложена в книге известного американского этнолога и культуролога **Л.О. Уайта** *«Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима»* (1959). Главным для Л. Уайта является понятие культуры. Он рассматривает ее не только как духовное, но и как материальное явление. Л. Уайт выделяет в культуре четыре компонента: идеологический, социологический, сентиментальный и технологический. Ведущим среди них является последний. Технологический фактор в общем виде определяет форму и содержание всех остальных. Он детерминирует и социальную систему, и философские взгляды, и общественные чувства. Изменения в технологии вызывают изменения во всех остальных секторах культуры. Технология — базис и движущая сила культурной системы.

Важнейшим в концепции Л. Уайта является понятие *энергии*. Культурная система, как и биологический организм, захватывает и «запрягает» энергию с тем, чтобы ее использовать для обеспечения своего существования и развития. Уровень развития культуры определяется тем, сколько энергии она «запрягает» и использует в расчете на душу населения в год. Прогресс культуры выражается в увеличении пропорции отношения нечеловеческой энергии к человеческой. Или, то же самое, но лишь в другой форме: прогресс культуры выражается в увеличении числа удовлетворяющих человеческие потребности материальных благ и услуг, созданных единицей человеческого труда. Чем больше материальных благ и услуг создается единицей человеческого труда, тем больше их приходится на душу населения.

На самом первом этапе человек использовал только энергию своего собственного организма. Он обеспечивал свое существование охотой и собирательством. Это была эра человеческой энергии. Данной технологии соответствовала определенная экономическая, а тем самым и социальная система. Существовала взаимная помощь. Люди были равны и свободны. Все были братьями.

Крупнейшим переломом в развитии технологии, культуры в целом и общества была **аграрная революция**. Возникло земледелие и скотоводство. Люди «запрягли» и поставили себе на службу солнечную энергию, воплощенную в нечеловеческую биологическую форму, а именно форму животных и растений. Впервые были поставлены под человеческий контроль силы природы. Результатом этого технологического успеха было **превращение племенного (tribal) общества в цивилизованное (civilsociety)**. Возникла частная собственность на средства производства, общественные классы, государство, города. Дальнейшее развитие человеческого общества Л. Уайт сколько-нибудь детально не рассматривает. Из всех последующих технологических сдвигов он упоминает выдвижение на первый план промышленности, изобретение паровой машины и вступление человечество вступило в век пара. В связи с этим он говорит о топливной (fuel) революции. В результате всего этого возникли капитализм и демократия.

Подчеркивая определяющую роль техники, Л. Уайт в то же ни слова ни говорит о том, почему она развивается. В результате вопрос о движущих силах развития истории остается у него открытым.

Американский социолог **Г. Ленски** в книге **«Власть и привилегии. Теория социальной стратификации»** (1966), обращаясь к механизму развития общества, выстраивал такую цепочку детерминации: **«технология — экономика — политика — распределительная система»**. Тем самым он фактически

выступал как поборник технологического детерминизма.

Специально вопрос о технологическом детерминизме рассматривается в его книге **«Человеческие общества: Введение в макросоциологию»** (1974). «В целом, современная эволюционная теория не принимает детерминистический взгляд на роль технологии: она рассматривает технологию жизнеобеспечения лишь как одну из сил в поле действия сил, которые вместе определяют общую модель социетальных характеристик. Эта позиция может быть коротко выражена в двух пунктах:

1. Технологический прогресс есть главный детерминант этого сочетания всеобщих тенденций — в населении, культуре, социальной структуре, материальных продуктах, который определяет общие контуры человеческой истории.

2. Технология жизнеобеспечения есть наиболее мощная единственная переменная, влияющая на социальные и культурные характеристики общества — не в смысле определения каждой и всякой характеристики, а в смысле определения целостного комплекса этих характеристик». Это, конечно, не крайний, но тем не менее технологический детерминизм. Технология — не единственный, но главный фактор развития общества.

На неизбежно встававший вопрос о том, а чем же определяется технология и ее развитие, Г. Ленски отвечает: *«Я склонен полагать, что в основе всех или большинства тенденций лежит одна, объясняющая все. Эта тенденция — рост объема информации, которой располагает человечество, особенно той, что необходима ему для воздействия на материальный мир, т.е. технология»*. В результате технология сводится к сумме знаний и в качестве движущей силы истории выступает человеческий разум.

Так же обстоит дело у всех сторонников **концепций как индустриального, так и постиндустриального общества, которых принято**

считать техническими детерминистами. Все они говорят об огромной или даже решающей роли техники и технологии. Но как только дело доходит до вопроса о том, что лежит в основе их прогресса, то обычный ответ — накопление информации, прогресс знания, прежде всего применительно к новому и новейшему времени, разумеется, научного.

В качестве примера можно рассмотреть взгляды **О. Тоффлера**, которого очень многие исследователи характеризуют как технологического детерминиста. Он действительно много пишет о том, что технология представляет собой важнейшую силу социальных изменений. *«Эти поразительные экономические факты приводят нас к тому, что технология является великим, ревущим двигателем перемен».* Э. Тоффлер (США) в своих произведениях **«Третья волна»** (1980), **«Карты будущего»** оценивает постиндустриальный этап как **компьютерно-информационную цивилизацию третьей волны перемен в истории человеческого развития.**

Первая волна, по его мнению, была вызвана 10 тыс. лет назад внедрением сельского хозяйства, **Вторая** была связана с промышленной революцией XIX в. **Третья волна** формируется в настоящее время на основе «святой троицы»: коммуникативный спутник – кабельное телевидение – персональный компьютер. Дефицит времени требует чрезвычайной быстроты и точности реакции на происходящее, умения сосредоточиться на стратегических направлениях, изменения технопространства, т.е. перехода от машины и транспортной сети к информационно-коммуникативной сети (телефон – компьютер – телевизор), как нервной системе новой цивилизации.

Новое информационное общество характеризуется следующими параметрами:

- изменениями в энергетической базе общества, выражающимися в появлении громадного разнообразия источников энергии. Общество, по мнению

Э. Тоффлера, будет использовать водную, солнечную, изотермальную, приливную энергию, получаемую из биомассы, а возможно и термоядерную. Одним из главных видов сырья станет информация, в получении, переработке, хранении и передаче которой будет занято значительное число людей. Вместо телевидения появится «индивидео», позволяющее каждому клиенту в отдельности получать необходимую информацию. Во все сферы общественной жизни будет широко внедряться электроника. Информационные (гибкие) технологии качественно преобразуют инфраструктуру общества и образ жизни людей;

- всеобъемлющей властью корпораций. Общество будет организовано в форме сети корпораций, а не иерархии новых институтов.

- «новым разделением власти» и уменьшением роли национального государства по сравнению с тем, как другие институты, начиная от транснациональных корпораций и до автономных сообществ, будут играть большую роль. Транснациональные институты будут заниматься решением глобальных вопросов, среди которых отход от национально-государственной замкнутости, формирование общего рынка со свободным перемещением товаров, людей, идей, культуры;

- распадом массового общества, основанного на массовом производстве, массовом распределении, массовом образовании, массовом досуге, массовых политических движениях и пр. Массовое общество эволюционным путем будет сменяться обществом, для которого типичным становится не массовость, а многообразие;

- существованием антицинарной (предвосхищающей) демократии, обеспечивающей участие граждан в формировании модели собственного будущего. В новом обществе информация олицетворяет власть. Гражданское общество превратится в общество «общественного мнения», в котором

реализуется главенствующее право общественности - знать все факты, относящиеся к ее жизни и свободно говорить о том, что определяет эту жизнь. Информатизация общества заменяет собой социальную революцию. Властные структуры, чтобы завоевать сознание общественности должны вести с ней постоянный диалог, иметь глубокую и мобильную политику двусторонних контактов. Посредником между властью и обществом выступит «масс-медиа» - независимые средства массовой информации (особенно электронные), действующие по принципу «расскажи все, расскажи быстро»;

- образованием новой структуры общества, в основе которой лежит не отношение форм собственности, а интеллектуальные квалификация и приобщенность к интеллектуальной технологии.

Переход к информационному обществу будет сопровождаться качественными сдвигами: в потребностях, ценностях и мотивациях социального поведения, которые будут отражать и другие перемены социальной жизни. Повышение благосостояния, уровня жизни приведут и к качественному преобразованию жизненных стандартов и к приоритету таких ценностей, которые далеки от производственной деятельности: автономность самовыражение личности, свободное время и досуг, приватная жизнь.

В то же время сам Тоффлер не считал себя представителем технологического детерминизма. *«Я решительно отвергаю, что я — технологический или экономический детерминист, и каждому, кто внимательно меня читает, это должно быть ясно. Я не считаю, что какая-то одна-единственная сила приводит в движение систему, будь она технологическая, экономическая, сексуальная, расовая или экологическая».*

3.

Ж.А. Кондорсе, А. Сен-Симон, а вслед за ними и **О. Конт** в качестве движущей силы истории рассматривали разум, но не отдельных людей, а

человечества в целом, фактически же **общественное (социальное) сознание**. И в последующем точка зрения, согласно которой **основу общества и двигатель истории нужно искать в общественном сознании в целом**, либо в тех или иных его составляющих имела массу приверженцев.

Так, например, известный французский публицист и историк **Луи Блан** (1813 — 1882) в одном из предисловий к первому тому труда «История Великой французской революции» писал: *«...Личность может играть большую роль в истории только под тем условием, если она есть то, что я желал бы назвать представительным человеком. Сила, которой обладают могучие личности, почерпается ими из самих себя только весьма меньшей частью; большей же частью они почерпают ее из окружающей их среды. Жизнь их есть не что иное, как только сосредоточение коллективной жизни, в которую они погружены. Импульс, который они дают обществу, в сущности не велик в сравнении с импульсом, который они получают от него. Именно господствующие в среде, в обществе мысли определяют ход истории»*. «Три великие принципа, — полагал Л. Блан, — господствуют в истории: авторитет, индивидуализм, братство». Принцип авторитета преобладал в мировой истории до Мартина Лютера. Принцип индивидуализма, провозглашенный М. Лютером, освободившись от религиозного элемента, правит нашим временем. Принцип братства с неизбежностью возобладает в будущем и посредством гармонии обеспечит свободу».

Из числа последующих мыслителей прямо объявлял себя последователем О. Конта **П. Сорокин**. «О. Конт, - писал он, — был прав, заявляя, что «идеи управляют миром и вертят им» и что «весь социальный механизм опирается в конце концов на мнения людей». Свою собственную точку зрения П. Сорокин формулирует следующим образом: «Так как сущность социального процесса составляет мысль, мир понятий, то, очевидно, он же и является

основным первоначальным фактором социальной эволюции. Все основные виды социального бытия (миропонимание, искусство, практика) обусловлены знанием (наукой) или, что то же, представляют модификацию этого фактора. Все социальные отношения в конце концов обуславливаются мыслью».

Такое понимание основы общества и движущей силы истории легло в основу созданной П. Сорокиным **циклической концепции истории**, которая детально изложена в его четырехтомном труде **«Социальная и культурная динамика»**. В качестве важнейшего выступает у него понятие **культурной суперсистемы**, объединяющей несколько культурных систем (язык, наука, философия, религия, искусство и т.п.). По Сорокину, существует **три типа культурных суперсистем**. Первый тип — **«унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности...»**. Такую систему П. Сорокин именует **идеациональной**. Основная посылка системы второго типа состоит в том, что **«объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна»**. Это — **идеалистическая суперсистема**. Система третьего типа — **чувственная (сенсорная, сенситивная)** основывается и объединяется вокруг принципа: **«объективная реальность и смысл ее сенсорны»**.

В истории происходит смена этих суперсистем. Греческая культура с VIII по конец VI в. до н.э. была идеациональной, V-IV вв. до н.э. — идеалистической, затем в античном мире начала господствовать чувственная суперсистема. Культура средневековой Западной Европы была идеациональной вплоть до конца XII в. На смену ей пришла идеалистическая культура XIII—XIV вв. Начиная приблизительно с XVI в. восторжествовала чувственная культура. Смена культур лежит в основе эволюции общества.

Переживаемый сейчас Европой острейший кризис связан с тем, что одна

форма культуры и общества (чувственная) исчезает, другая форма лишь появляется. *«Это значит, — писал П. Сорокин в 1941 г., — что главный вопрос нашего времени не противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, пацифизма и милитаризма, интернационализма и национализма... Все эти темы не что иное, как маленькие побочные вопросы — всего лишь побочные продукты главного вопроса: чувственная форма культуры и образ жизни против других форм. Еще менее значительны такие вопросы, как Гитлер против Черчилля или Англия против Германии, Япония против Соединенных Штатов и прочие».* П. Сорокин возражает тем, которые считали, что настоящий кризис есть предсмертная агония западной культуры и общества. Он представляет собой лишь разрушение чувственной формы западной культуры, за которым последует утверждение новой культуры.

По Сорокину, циклическая смена культурных суперсистем имела место не только в Европе. Он обнаруживает ее в истории египетской, вавилонской, индуистской, китайской и других культур. Единственное, о чем П. Сорокин не говорит ни слова, это об источнике развития культуры, о причинах смены одних культурных суперсистем другими.

Человеческий разум выступает как решающий фактор истории в труде **Карла Ясперса** (1883 — 1969) *«Смысл и назначение истории»*. В противовес О. Шпенглеру, А. Тойнби и другим сторонникам цивилизационного подхода К. Ясперс отстаивает идею единства человечества и мирового исторического процесса. В истории человечества он выделяет **четыре основных периода**:

- 1) доистории, или прометеевой эпохи (от возникновения людей до конца IV тысячелетия до н.э.);
- 2) великих культур древности (от конца IV тысячелетия до VIII в. до н.э.);
- 3) осевого времени (800 — 200 гг. до н.э.)

4) эпоху науки и техники (с XVI в. по настоящее время).

Самый важный — период с 800 по 200 гг. до н.э. Время около 500 г. было *осью мировой истории*. Все, что происходило раньше, было подготовкой осевого времени, все, что случилось позже, — реализацией его достижений. В осевое время произошел гигантский переворот в духовной жизни, а тем самым во всей истории человечества. Он выразился в том, что по существу одновременно в Китае возникла философия (Конфуций, Лао-цзы, Мо-цзы и др.), в Индии — Упанишады, буддизм и разнообразные направления философской мысли, в Иране — учение Заратустры, в Палестине выступила целая плеяда пророков (Илия, Исая, Иеремия, Второисая), в Греции появились Гомер, философы Парменид, Гераклит, Платон, трагики, Фукидид и Архимед. Иран, Палестину и Грецию К. Ясперс объединяет под названием Запада. *«Новое, возникшее в эту эпоху, в трех упомянутых культурах, — пишет К. Ясперс, — сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира. Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая свои идеи, обоснования, свой опыт. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая и в противоречивости своих частей сохраняло их взаимообусловленность, — все это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом».*

В результате духовного перелома началось новое движение — единственное, имевшее в истории основополагающее значение. *«Вначале*

осевое время ограничено в пространственном отношении, — говорит К. Ясперс, — но исторически оно становится всеохватывающим. Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне «природного» существования, их жизнь неисторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков». Одни из народов, живших вне трех сфер, составлявших осевое время, остались в стороне. Другие же вошли в соприкосновение с тем или иным центром духовного излучения и тем самым в историю. Так произошло с германцами и славянами на Западе, японцами, малайцами и сиамами на Востоке. **Именно духовный переворот, имевший место в осевое время, обеспечил новый исторический прорыв — возникновение науки и техники у германо-романских народов, который положил начало подлинно мировой, глобальной истории человечества.**

К. Ясперсу принадлежит мысль о принципиальной тождественности этих явлений и об их огромном значении для всего хода мировой истории. Но принять ее вряд ли возможно. Смешно объединение иранской, иудейской и греческой культур в одну — западную. Оно не выдерживает никакой критики. Остаются Китай, Индия, Греция и, разумеется, тесно связанный с последней Рим. Но между философской мыслью Греции, с одной стороны, и философскими учениями Китая и Индии, имеет место существенно различие. Философская мысль Эллады с самого начала была светской, философия в Китае и Индии зародилась в недрах религии, точнее, богословия и так никогда полностью и не секуляризовалась. В Греции возникла наука, в Китае и Индии, как ранее в Древнем Египте и Вавилонии, развитие не пошло дальше преднауки. В Греции философская мысль на протяжении первых трех веков (от Фалеса до Аристотеля) претерпела стремительное и блистательное развитие. В Китае и Индии первые несколько веков она развивалась мучительно медленно, а затем стала топтаться на месте, что продолжалось почти до XX в.

Но суть дела вовсе, конечно, не в специфике древнегреческой философии. Вопреки утверждению К. Ясперса о том, что во все трех областях осевого времени в результате духового переворота возникло одно и то же социальное устройство в Греции, а затем в Риме возник совершенно иной общественный строй, чем на Востоке, включая сюда не только Китай и Индию, но также Иран и Иудею. Именно бытие этого строя подготовило и сделало возможным появление качественно отличного от восточного общества средневекового западноевропейского общества, в недрах которого вызрели предпосылки капитализма, а тем самым науки и техники. В свою очередь появление античного общества было подготовлено тремя тысячами лет развития египетской и месопотамской цивилизаций (древних культур). ***По существу, концепция осевого времени мешает понять главное, основное, что произошло в первом тысячелетии до н.э. А этим главным было появление второй классовой общественно-экономической формации — античной и тем самым смена одной мировой эпохи — эры Древнего Востока новой — эрой античности.***

Макс Вебер (1864 – 1920) – рассмотрел влияние религиозных воззрений и религиозной морали на экономику. Основная его работа «Протестантская этика и дух капитализма». Вебер выделяет два типа общества: традиционное, основанное на традициях и обычаях, и рациональное, построенное согласно требованиям разума. Ход исторического развития он представляет следующим образом. Традиционное общество постепенно перестает соответствовать требованиям времени, развитие замедляется, появляются недовольные. Постепенно разрабатывается модель рационального переустройства общества – ***«идеальный тип»***. Среди недовольных появляется лидер, обладающий ***«харизмой»*** (греч. дар) и пользующийся беспредельным доверием общества. Основная масса населения еще не усвоила идеи переустройства общества и

слепо идет за лидером. На смену традиционному приходит харизматическое, а затем рациональное общество, построенное согласно требованиям разума. Постепенно в ходе развития «идеальный тип» устаревает, общество перестает соответствовать новым реалиям, становится традиционным и все начинается заново.

По мнению Вебера роль «идеального типа» в переходе от традиционного к современному западному индустриальному обществу с рыночной экономикой сыграла *«протестантская этика»*, созданная в ходе Реформации XVII века и ставшая идеологией капитализма. Католицизм, как и православие и ислам осуждали ростовщичество. Но без отдачи денег под проценты невозможно банковское дело, невозможен капитализм. Не случайно первыми банкирами в Европе были евреи, религия которых разрешала ростовщичество. Суть протестантской этики в том, что Бог заранее определил людей к спасению или к гибели. Если люди преуспевают, набожны, трудолюбивы – значит, они угодны Богу. Поэтому надо целиком отдаваться своей профессиональной деятельности, копить каждый грош, быть бережливым хозяином, презирать наслаждения и расточительство. Если человек имеет возможность получить доход и не использует ее – он совершает грех перед Богом. Согласно М. Веберу именно протестантская этика стала идеологией первоначального накопления.

Как решающая сила исторического развития выступает философия в трудах **Мартина Хайдеггера** (1889 — 1976), и прежде всего в книгах *«Проселочная дорога»*, *«Что такое философия?»*, *«На пути к языку»*. Как считает М. Хайдеггер, до возникновения философии в древней Греции существовало нераздельное единство человека и бытия. Мир не был расколот на субъект и объект. Философы впервые поставили вопрос о том, что есть бытие. В результате мир для них раскололся на **субъект** и **объект**, тотальность бытия была подменена предметным миром — сущим. Теперь человек вместо того,

чтобы рассматривать себя как ничтожную малость в безбрежном океане бытия, начал понимать себя как господина, творца действительности и тем самым впал в опаснейшую иллюзию. Так философы на две тысячи с половиной лет предрешили судьбу всего западного мира. *«...Запад и Европа, и только лишь они, были во внутренней сущности хода истории по своему происхождению «философичны». Это удостоверяется подъемом и господством наук. Вследствие того что они проистекли из сокровенного западноевропейского курса истории, который был философским, они были способны к сегодняшнему дню наложить специфический отпечаток на историю человечества по всей земле».* «Метафизическое» отношение к миру, породившее подавляющее человека отчуждение, в эпоху нового времени вылилось во всевластие науки и техники, растущий нигилизм. Научное сознание заменяет действительность «картиной мира», которую оно стремится покорить. Для него характерно **«эксплуататорско - объективистское»** отношение к миру. Удел человека, живущего в конце «метафизической эпохи», существование в десакрализованном и бессмысленном мире, подчиненном научно-техническому манипулированию. Выход из положения состоит, по Хайдеггеру, в отказе от «предметного» овладения бытием и возрождении чувства сакральности мира.

Широкое распространение получили взгляды французских историков, составлявших школу «Анналов» - **М.Блока**, (1886 – 1944); **Л.Февра** (1878 – 1956); **Ф.Броделя** (1902-1985) (см. выше). Не отрицая определяющей роли экономики, они исходили из того, что культура также является самостоятельным фактором, развивается по собственным законам, а не детерминируется экономикой и во многом определяет развитие общества. Они ввели в понятие **«менталитет»** (от франц. mentalite). В русском языке ему соответствует понятие **«образ мыслей»**, **«мироощущение»**. Он определяется **совокупностью культурных, религиозных, нравственных ценностей, обычаев данного общества.**

Историков привело к этому «стремление возможно полнее и глубже раскрыть движущие силы экономики и общества». *«До недавнего времени, историки не обращали внимания на ментальности, воображая, будто духовная жизнь исчерпывается философскими, религиозными, политическими, эстетическими доктринами и что содержание идей мыслителей и теоретиков якобы можно распространить на все общество».* Впервые к изучению ментальности обратились в 30 —40-е годы М. Блок и Л. Февр, но по настоящему оно развернулось лишь с 60-х годов. Исследование ментальностей — большое завоевание «Новой исторической науки», открывшей новое измерение истории, пути к постижению сознания *«молчаливого большинства» общества, тех людей, которые образуют его основу, но которые, по сути дела, были исключены из истории».* В советской исторической науке это направление известно как **«социальная психология»**

Взгляд на общественное сознание как на основу общества и ведущую силу исторического развития отстаивается в нашумевшей работе американского социолога **Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?»**, а затем в его книге **«Конец истории и последний человек»**. *«Я же, наоборот, считаю, — пишет, критикуя марксизм, Ф. Фукуяма, — что и экономика и политика предполагают автономное предшествующее им состояние сознания, благодаря которому они только и возможны».* Как указывает Ф. Фукуяма, сознание не обязательно должно быть достаточно продуманным и выступать в облике политических учений. Оно может принимать форму религии или простых культурных или моральных обычаев. *«Но в конце концов эта сфера сознания с необходимостью воплощается в материальном мире, даже — творит этот материальный мир по своему образу и подобию. Сознание — причина, а не следствие, оно не может развиваться независимо от материального мира; поэтому реальной подоплекой окружающей нас событийной путаницы служит идеология».*

Таковы основные представления о факторах развития истории, причем появление новых факторов является результатом развития не только философско-исторической мысли, но и самой истории. Однако вполне очевидно, что **история всегда характеризовалась действием многочисленных факторов, совокупностью причинно-следственных связей и зависимостей.** Ясно и другое: то, что составляет ткань истории, является результатом взаимодействия факторов, причем это проявляющееся в событиях и процессах взаимодействие многообразно, как и мера значимости каждого из них в любой конкретной ситуации. **В истории такого фактора, который бы являлся единственной и конечной основой ее развития, не существует.**

История — это продукт взаимодействия факторов, в котором причина и следствие меняются местами: следствие оказывает обратное влияние на причину и в свою очередь становится причиной чего-то нового. Следовательно, не монокаузальность, а **многофакторный подход к истории является единственно рациональным способом ее изучения.**

4.

Противоположностью детерминизма является **волютаризм** (от лат. voluntas — воля) — термин, обозначающий концепции или течения, игнорирующие объективные тенденции общественного развития и отводящие решающую роль человеческой воле. Волютаризм исходит из примата субъективного, он отвергает всеобщую причинную обусловленность общественных процессов и явлений.

Одним из крупнейших апологетов исторического волютаризма в XIX в. был британский мыслитель **Томас Карлейль** (1795 — 1881), автор книги **«Герои, почитание героев и героическое в истории»**. «...Всемирная история, — писал он, — история того, что человек совершил в этом мире, есть, по моему

разумению, в сущности, история великих людей, потрудившихся здесь, на Земле... Все, содеянное в этом мире, представляет, в сущности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежащих великим людям, посланным в этот мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории».

Т.Карлейль предложил классификацию героев по степени значимости: сначала **герой – божество**, затем **герой – пророк** (Магомет), затем **герой – поэт** (Данте), **герой – пастырь** (Лютер), **герой – писатель** (Руссо),и, наконец, **герой –вождь** (Кромвель, Наполеон).

Однако никто из приверженцев волюнтаристического взгляда на историю не мог выдержать его до конца последовательно. Не представлял исключения и Т. Карлейль. В той же самой книге он писал и о том, что великие люди были призваны своим временем, что они осуществляли то, к чему стремилась вся масса людей. Тем самым он фактически признавал, что существуют какие-то объективные факторы, обуславливавшие характер эпохи и желания масс людей. Но рассматривать эти факторы он не пожелал, ибо в таком случае его концепция рухнула бы.

То же противоречие пронизывает работу русского мыслителя **П.Л. Лаврова «Исторические письма»**. С одной стороны, он пишет, что *«...Как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть, лежит исключительно на критически мыслящих личностях; без них он безусловно невозможен; без их стремления распространить его он крайне не прочен»*. С другой стороны, он же вынужден признать, что *«культура общества есть среда, данная историей для работы мысли и обуславливающая возможное для этой работы в данную эпоху с такой же неизбежностью, с каковой во всякое время ставит пределы этой работе неизменный закон природы»*. В результате он оказывается в своеобразном кругу: культура обуславливает мысль, а последняя изменяет

культуру. *«История мысли, обусловленной культурой, в связи с историей культуры, изменяющейся под влиянием мысли, — вот вся история цивилизации»*, — таков его конечный вывод.

Но особо противоречивыми в этом отношении являются взгляды русского публициста и общественного деятеля **Николая Васильевича Шелгунова** (1824 — 1891). В своей статье *«Историческая сила критической личности»*, представляющей отклик на «Исторические письма» П.Л. Лаврова, он, полностью признавая правоту последнего, писал: *«Но так как историю ведет лишь умственный элемент человечества, а представителями умственного элемента являются те счастливыцы, которые «куплены ценою прогресса», то ясно, что и будущий прогресс ведут они, и личность их является руководящей и двигающей силой»*. Но через два года после отклика на книгу П.Л. Лаврова, в котором отстаивался волюнтаризм, появилась его статья *«Фатализм исторического процесса»*. *«... Прогресс, — говорилось в ней, — к сожалению, идет не путем сознания. Люди, стоящие во главе так называемых исторических событий, так же мало знают, что им делать, как и покорные люди, которыми они повелевают... Людская бессознательность исключала до сих пор возможность другого прогресса, кроме фаталистического»*. Таким образом, во взглядах Н.В. Шелгунова причудливо сочетались такие взаимоисключающие представления о ходе истории, как волюнтаризм и фатализм.

Обычно к числу сторонников волюнтаристического взгляда на историю относят и такого видного русского мыслителя, как **Николай Константинович Михайловский** (1842 — 1904), чаще всего ссылаясь при этом на его работу *«Герои и толпа»*. Но ее содержание не дает оснований для такого вывода. Как подчеркивает сам Н.К. Михайловский, в этой работе он не рассматривает вопрос о роли личности в истории. В центре внимания его отношение между толпой,

массой и человеком, под влиянием которого она находится и за которым следует.

Взгляды Н.К. Михайловского на роль личности в истории лучше всего изложены в его статье **«Граф Бисмарк»** (1871). *«История, — писал он, — управляется общими постоянными законами, но не они составляют прямую, непосредственную причину человеческих действий. Человек действует под напором той сети условий, среди которых ему приходится жить, а эта сложная, постоянно в известных пределах колеблющая, постоянно изменяющаяся, то отливающая, то приливающая сеть подчинена общим, простым и постоянным законам. И независимость человека от общих законов истории, и его зависимость от ближайшего сочетания причин — относительны. С одной стороны, есть в истории течения, с которыми человеку, будь он семь пядей во лбу, бороться невозможно. С другой, человек, получив причинный толчок от данной комбинации фактов, становится к ней сам в положение причинного деятеля и может влиять на нее более или менее сильно. Сознательная деятельность человека есть такой же фактор истории, как стихийная сила почвы или климата. Общие, простые и постоянные исторические законы намечают пределы, за которые деятельность личности ни в коем случае преступить не может... Общими законами истории определяется тот порядок, в котором исторические фазисы следуют друг за другом. В этом отношении все тянущие в разные стороны усилия отдельных личностей в среднем выводе и в окончательном результате нейтрализуются. Но не то мы видим в отношении скорости, с которой исторические фазисы идут друг другу на смену. Здесь главным образом и сказывается значение индивидуальной деятельности. Бессильная вырыть новое русло для истории, личность может, однако, при известных условиях временно запрудить историческое течение или ускорить его*

быстроту... Итак, то обстоятельство, что в истории время от времени являются личности, накладывающие свою индивидуальную печать, вовсе не противоречит законосообразности истории: общие законы заведуют порядком исторического движения, личности влияют на его скорость... Для того, чтобы личность могла давать тон истории, набросить свой личный колорит на эпоху, требуется, разумеется, чтобы она сама попала в тон, чтобы было нечто общее между ее задачами и средой, в которой ей приходится действовать».

Отмеченная выше непоследовательность во взглядах характерна не только для Т. Карлейля, П.Л. Лаврова и Н.В. Шелгунова, но и вообще почти для всех мыслителей, которые либо прямо отстаивают волюнтаризм, либо так или иначе склоняются к нему.

При всей сумбурности и противоречивости взглядов **Фридриха Ницше** (1844 — 1900) на историю в них отчетливо пробивается струя волюнтаризма. Критикуя взгляд, согласно которому в центре внимания историка должны быть массы и законы их движения, Ф. Ницше в работе **«О пользе и вреде истории для жизни»** писал: *«Массы представляются мне достойными внимания только в трех отношениях: прежде всего, как плохие копии великих людей, изготовленные на плохой бумаге со стертых негативов, затем, как противодействие великим людям и, наконец, как орудия великих людей; в остальном же побери их черт и статистика!».*

Из мыслителей XX в. к волюнтаристическому пониманию истории склонялся **Хосе Ортега-и-Гассет** (1883—1955). *«В хорошо организованном обществе, — писал он в работе «Восстание масс» (1930), — масса не действует сама по себе. Такова ее роль. Она существует для того, чтобы ее вели, наставляли и представляли за нее, пока она не перестанет быть массой или, по крайней мере, не начнет к этому стремиться. Но сама*

по себе осуществлять это она неспособна. Ей необходимо следовать чему-то высшему, исходящему из избранных меньшинств. Можно сколько угодно спорить, кем должны быть эти избранные, но то, что без них — кем бы они ни были — человечество утратит основу своего существования, сомнению не подлежит».

Своеобразный вариант исторического волюнтаризма — различного рода представления о причинах исторических событий, которые можно объединить под названием **конспиралогических** (от лат. Conspiratio — заговор). Суть этих представлений заключается в том, что если не все, то **большинство важных исторических событий происходит в результате решений, втайне задуманных и принятых небольшой группой людей**. На первых порах сторонники такой точки зрения не ставили своей целью создать целостную концепцию исторического развития. Они пытались либо объяснить таким образом те или иные исторические события, либо свалить вину за них на ту или иную группу людей. А иногда целью было просто возбудить ненависть к той или иной или партии, тому или иному движению, той или иной человеческой группе. Разумеется, все это вполне могло совмещаться.

Трудно сказать, когда именно появилась **концепция заговора**. Так или иначе подобного рода сочинения получили самое широкое распространение. В них результатом заговоров объявлялись и Реформация, и Английская революция, и, разумеется, Великая Французская революция. Затем появился миф о тайных революционных союзах — карбонариях, бланкистах, анархистах, ставящих своей целью путем зловещих заговоров взорвать основы европейской цивилизации. Этот миф был распространён на деятельность I Интернационала, который, располагая неизвестно откуда взятыми гигантскими суммами денег, готовит в союзе с другими врагами порядка грандиозный взрыв и время от времени назначает восстания в разных странах. Вера во всемирный заговор

имела самое широкое хождение среди крайних правых кругов многих стран Европы, прежде всего Франции, в течение почти всего XIX в. И в числе его вдохновителей и организаторов все чаще начали называться евреи.

Именно во Франции были созданы печально знаменитые **«Протоколы сионских мудрецов»**. Они были состряпаны между 1897 и 1899 годами в Париже заведующим заграничной агентурой Департамента полиции МВД России П. И. Рачковским и его сотрудниками. Впервые опубликованы они была в России в начале XX в. Протоколы выдавались за дословную запись 24 тайных встреч глав мирового еврейского заговора, целью которого было разрушение всех государств и создание на их развалинах всемирной еврейской империи. Для достижения первой задачи предлагалось умело использовать парламент, либерализм, масонство, а также такие растлевающие учения, как дарвинизм, марксизм, ницшеанство.

Как следовало из протоколов, именно «сионские мудрецы» стояли за всеми беспорядками в истории, включая Великую Французскую революцию. Ими были организованы все политические убийства и крупные забастовки. Они повышают цены и тем вызывают недовольство масс, разжигают классовую борьбу, спаивают рабочих, распространяют инфекционные заболевания и т.п., вообще создают обстановку хаоса.

Известность этой фальшивки стала мировой. «Протоколы» были переведены на многие языки и получили самое широкое распространение, особенно в Германии. В этой стране к 1933 г. они были изданы более 30 раз миллионными тиражами. После прихода Гитлера к власти «Протоколы» были включены в школьные программы.

В более утонченном варианте всемирный заговор превращается из еврейского в масонский, точнее в еврейскомасонский («жидомасонский»). Фантазии борцов против «жидомасонов» не было предела. Масоны убили

Александра I, организовали Крымскую войну, Первую мировую войну. Русская революция была задумана масонами разных стран, среди которых были лорд Мильнер (представитель интересов Ротшильда), германский банкирский дом Вартбурга, американские банкиры Шифф и Кун, финансировавшие Троцкого, видный германский дипломат (в последующем - министр иностранных дел) Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, который снабжал деньгами Парвуса и через него Ленина. Согласно этой версии именно под давлением международного масонства германское правительство разрешило проезд Ленина из Швейцарии через Германию в Россию.

Концепции заговора отдал дань **А. И. Солженицын** в книге *«Ленин в Цюрихе»*. В качестве тайного подстрекателя двух русских революций выступает у него уже упоминавшийся Парвус. Именно через него был осуществлен сговор между имперской Германией и русским эмигрантом Ульяновым, в результате которого рухнула старая Россия. Как неоднократно утверждает А.И. Солженицын, будучи реализацией привозного учения, Октябрьская революция была чуждой русскому народу, который в массе своей был против нее. Советская власть смогла восторжествовать вопреки воле народа только потому, что опиралась на штыки иностранцев: латышей, венгров, китайцев и т.п.

Заговорщиками и бандитами были, по мнению А.И. Солженицына, не только Ленин и Троцкий. Захват власти тоталитарными бандами имел место в Северном Вьетнаме, Никарагуа, на Кубе, где они оккупировали страны и поработили народы. При этом он никак не объясняет, каким же образом шайка, захватившая власть в Северном Вьетнаме, сумела не только полностью разгромить более чем миллионную армию южновьетнамского режима, но и нанести тяжелейшее поражение самой могущественной империалистической державе мира — США. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Автор статьи «Жить не по лжи» в указанных и иных работах, изолгался до

предела.

В годы «перестройки» появилось множество работ в которых тоже всячески пропагандировалась идея заговора. Как утверждают многие из них, Октябрьская революция была совершена кучкой авантюристов по заданию германского генерального штаба и на немецкие деньги. И говорят это не только журналисты. Концепцию заговора отстаивали люди, имеющие ученые степени и звания. Примером может послужить **Д. А. Волкогонов** (1928—1995). Хотя этот человек носил звания доктора философских и доктора исторических наук, профессора и числился членом-корреспондентом РАН, все его сочинения никакого отношения к науке не имеют. Всю свою жизнь он верно служил начальству, действовал по принципу «чего изволите?», Надо было начальству, славил большевиков и В.И. Ленина, переменилась власть, стал обливать их грязью.

Одно из последних его сочинений под названием **«Ленин. Политический портрет»** — представляет собой выдающийся образец исторической фальсификации. Автор не ограничивается лишь замалчиванием «неподходящих» фактов и выпячиванием «подходящих», как это сейчас делают очень многие. Он без всякого стеснения создает «нужные» ему «факты». Книга переполнена прямыми измышлениями, различного рода подтасовками и нелепостями. Остановимся лишь на основной идее. Суть его исторической концепции коротко изложена им самим в аннотации к книге: *«В XX веке все главные беды России исходят от Ленина и созданной им организации, с предельно жестокой философией»*. Согласно Волкогонову, Октябрьская революция — результат заговорщической деятельности Ленина и созданной им партии. Если бы Ленина не было, то всемирная история пошла бы совсем по-другому. *«По сути, — пишет Д.А. Волкогонов, — Ленин изменил соотношение мировых политических сил, перекроил карту планеты, вызвал к жизни*

мощное социальное движение на континентах...». Таким образом, автор по-прежнему рассматривает Ленина как божество, но только теперь как злое, а не доброе. Одновременно, Д.А. Волкогонов всеми силами пытается убедить читателя в том, что Ленин и большевики получили огромные деньги от германского генерального штаба, хотя из самого текста книги видно, что сам он в это совершенно не верит. Но, как говорится, цель оправдывает средства.

В настоящее время широко распространена концепция **«сталинизма»**, начало которой было положено докладом Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС. В докладе говорилось о просчетах и злоупотреблениях периода 1930-х - нач. 1950-х гг. (о массовых репрессиях, о просчетах руководства в начальный период войны, о пытках и фальсификациях дел органами госбезопасности, «репрессированных народах» и многом другом). Вся вина возлагалась лично на И.В. Сталина.

«Факты показывают, что многие злоупотребления были сделаны по указанию Сталина, не считаясь с какими-либо нормами партийной и советской законности. Сталин был человек очень мнительный, с болезненной подозрительностью, в чем мы убедились, работая вместе с ним. Он мог посмотреть на человека и сказать: "что-то у вас сегодня глаза бегают", или: "почему вы сегодня часто отворачиваетесь, не смотрите прямо в глаза". Болезненная подозрительность привела его к огульному недоверию, в том числе и по отношению к выдающимся деятелям партии, которых он знал много лет. Везде и всюду он видел "врагов", "двурушников", "шпионов".

Имея неограниченную власть, он допускал жестокий произвол, подавлял человека морально и физически. Создалась такая обстановка, при которой человек не мог проявить свою волю»

Н.С.Хрущев использовал разоблачение «культа личности» как своеобразную «шоковую терапию» для удержания и легитимизации собственной власти. В

1980 е – 1990е гг. тема сталинских репрессий была раздута уже для свержения КПСС и уничтожения Советского Союза.

С середины 50-х годов последовательно предпринимались попытки создать демонизированный образ Сталина и «проклятой сталинской эпохи» и надо сказать небезуспешно. В период распада СССР именно на основе этих «черных мифов», отбрасывая любые попытки серьезных, объективных исследований, удалось сформировать монолитный современный «черный миф», идеологическую картину тоталитарного пошлого. Этот миф до сих пор раскалывает российское общество, разбивает его на части, не позволяет консолидироваться для движения вперед. Любой серьезный разговор становится просто невозможным, если исходное видение истории у его участников разное.

Таковы основные представления о факторах развития истории, причем появление новых факторов является результатом развития не только философско-исторической мысли, но и самой истории. Однако вполне очевидно, что история всегда характеризовалась действием **многочисленных факторов, совокупностью причинно-следственных связей и зависимостей**. Ясно и другое: **то, что составляет ткань истории, является результатом взаимодействия факторов**, причем это проявляющееся в событиях и процессах взаимодействие многообразно, как и мера значимости каждого из них в любой конкретной ситуации. **В истории такого фактора, который бы являлся единственной и конечной основой ее развития, не существует.**

История — это продукт взаимодействия факторов, в котором причина и следствие меняются местами: следствие оказывает обратное влияние на причину и в свою очередь становится причиной чего-то нового. Следовательно, не монокаузальность, а **многофакторный подход к истории является единственно рациональным способом ее изучения.**

ТЕМА 6. Проблема объективности исторического познания.

1. Принцип историзма.
2. Возникновение и развитие представлений о соотношении субъекта и объекта в историческом познании.
3. Проблема критерия объективности исторического познания.

1.

В структуре исторического познания фундаментальное значение имеет **принцип историзма**. Он выражает коренные особенности исторического познания, порождаемые своеобразием его объекта – исторической действительности.

Принцип историзма требует рассмотрения исследуемого явления с учетом конкретных хронологических рамок и конкретной исторической обстановки. При этом нужно рассматривать явление в развитии, т.е. учитывать, какие причины породили его, как оно сформировалось и как видоизменялось со временем. Необходимо также исследовать каждое явление в совокупности с другими явлениями, имевшими место в тот период и развивавшимися во времени, в их взаимосвязи и взаимообусловленности (принцип единства исторического процесса). Принцип историзма является основным методологическим принципом изучения истории.

Становление историзма как интеллектуального течения было связано с переходом от представлений о циклическом характере исторического развития и неизменности человеческой природы, характерных для периода Античности, к пониманию **необратимости процесса развития и качественного различия его этапов и эпох**. Средневековое историческое мышление отошло от концепции цикличности, содержало идею поступательно – прогрессивного

развития, движения к «царству Божьему».

Историзм как «правильный» метод изучения прошлого появился в Германии в рамках **идеалистического мировоззрения** в первой половине XIX века. Его представители **акцентировали внимание на индивидуальности и неповторимости культурно-исторической реальности**. При этом они призывали изучать историю в ее самобытности в связи с интересом к современности. Наряду с идеалистическим историзмом в XIX веке возник историзм материалистический, представители которого исходили из **объективной закономерности исторического процесса**. Они также считали, что существует тесная связь прошлого с настоящим. В рамках материалистического мировоззрения принцип историзма понимается как **требование рассматривать каждое явление истории с точки зрения того, как оно возникло, какие главные этапы в своем развитии прошло и чем стало теперь, а также в связи с другими явлениями и конкретным опытом истории**.

Принцип историзма, как установка научного исторического познания, был подвергнут критике во второй половине XX века в рамках **постмодернистской исторической эпистемологии**. Постмодернисты считают, что **историческая реальность - это то, что мы о ней думаем**, прошлое выступает в качестве субъективной презентации настоящего. Поэтому они объявили, что историзм мертв и его нельзя больше считать серьезным интеллектуальным течением.

Установки постмодернистской эпистемологии, в свою очередь, были подвергнуты критике в рамках **неоклассической модели** исторического исследования, в которой при реализации его научной стратегии особое значение придается принципу историзма. Разработка принципа историзма в неоклассической науке связана также с критикой классического, или «строгого историзма». Согласно принципу «строгого историзма», историческая реальность

- это то, что было в прошлом «на самом деле». Поэтому *историк должен, с одной стороны, отказаться от любых стандартов и приоритетов, лежащих вне пределов изучаемой им эпохи, а с другой - проникнуться ее ценностями и попытаться увидеть события с точки зрения их участников. Задача историка - интерпретировать прошлое в его собственных критериях.* Неоклассики также подразумевают под исторической реальностью то, что было в прошлом, которое можно реконструировать, соблюдая принцип историзма, фундаментальной предпосылкой которого является признание независимости и уважение прошлого. Но при этом они считают, что попытки «говорить голосом прошлого» не выдерживают проверки реальностью. В связи с этим они подчеркивают, что *мы, в отличие от людей прошлого, знаем, что произошло потом, и значение, которое мы придаем тому или иному историческому событию, неизбежно обусловлено этим знанием. Хотим мы того или нет, историк смотрит на прошлое «с высоты» - он уже знает, чем все это кончилось. Кроме того, положение историка во времени относительно объекта исследования позволяет, как отмечают неоклассики, осмысливая прошлое, выделять предпосылки, о которых современники и не подозревали, и увидеть подлинные, а не желательные с точки зрения участников событий последствия.* Поэтому неоклассики считают, что соблюдение принципа «строгого историзма», или «истории ради истории» ведет к отказу от многого из того, что придает самой истории притягательность, без достижения при этом желаемой цели - полной отстраненности от современности.

В рамках неоклассической модели исторического исследования в принципе историзма выделяют *три аспекта.*

Во-первых, это - признание того, что каждая эпоха представляет собой уникальное проявление человеческого духа с присущими ей культурой и

ценностями, что между нашей эпохой и всеми предыдущими существуют серьезные различия. Поэтому принцип историзма требует учета различий между прошлым и настоящим, преодоления представлений о том, что люди прошлого вели себя и мыслили так же, как мы.

Во-вторых, это - понимание того, что задача историка состоит не просто в том, чтобы раскрыть подобные различия, но и объяснить их, погружая в исторический контекст. Историзма принцип в этом аспекте предполагает, что предмет исторического исследования нельзя вырывать из окружающей обстановки.

В-третьих, это - требование не рассматривать исторические события в изоляции, а представлять историю как процесс и связь между событиями во времени. Кроме того, в рамках неоклассической модели исторического исследования историзма принцип распространяется не только на познаваемый объект - историческую реальность, но и на познающего субъекта – историка.

На наш взгляд принцип историзма был наиболее четко **сформулирован В.И. Лениным**: *«Весь дух марксизма, ... требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически: (в) лишь в связи с другими; (с) лишь в связи с конкретным опытом истории»*. Самое важное, по его мнению *«не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и стоки зрения этого развития смотреть, чем данное явление стало теперь»*.

В этой связи встаёт вопрос об **оценке исторического события**. Безусловно, изучение прошлого невозможно без анализа его ошибок и просчётов. Но что считать ошибкой? То, что признали за ошибку современники, или то, ошибочность чего нам стала ясна сегодня? Но меняются исторические условия, объём знаний. Есть опасность, что углубление наших знаний об обществе будет

сопровождаться бесконечным открытием всё новых и новых ошибок в прошлом и в конце концов вся история превратится в цепь ошибок, заблуждений и преступлений. Видимо оценивать те или иные исторические события нужно не с позиций современного знания, и уже тем более не с позиций поиска виновных. ***Критерий должен быть другим – в какой мере в пределах понятий и представлений того времени, его возможностей и средств можно было найти другое, более оптимальное решение, способствовало ли данное решение разрешению сложившихся в то время проблем, являлось ли адекватным ответом на «вызов», поставленный перед обществом.***

Каждое поколение решает свои проблемы теми средствами, которые имеет, и давать оценку деятельности предков с точки зрения опыта последующих поколений некорректно. Говорим ли мы об Иване Грозном или Петре, о Распутине или Сталине – все они должны изучаться как часть единой русской истории, как деятели, хотевшие добра и величия своей Родине, а не немецкие шпионы или сумасшедшие детоубийцы. Да, как и все, они ошибались, зачастую преступали моральные нормы (хотя эти нормы менялись, были различными в разные исторические периоды), но не должно быть взгляда сверху вниз, из нашего «продвинутого» настоящего в их «темное» прошлое. Потому что это самая большая ложь и иллюзия, свойственная человеку, – судить о мотивах действий своих предков, исходя из чувства собственной непогрешимости и «прогрессивности» своего времени. Все мы стоим на плечах предшественников, только не надо вытирать о них ноги.

2.

Проблема ***объективности исторического познания*** одна из самых фундаментальных теоретических проблем. Она заключается в том, насколько наши знания о прошлом действительно соответствуют тем событиям, которые происходили. Это есть проблема смысла самой истории как науки, то есть

проблема научности истории. Но здесь есть и определенные сложности. Дело в том, что история, в отличие от других наук, **лишена возможности непосредственно наблюдать за предметом своего изучения.** Историческая наука изучает то, чего уже нет. Как известно, объектом ее исследования является прошлое, которое уже ушло и не может быть объектом прямого наблюдения. Это обстоятельство, без всяких сомнений, затрудняет процесс познания. Правда, прошлое не исчезает бесследно. Следы, которые оно оставляет после себя, называются **историческими источниками.** Они содержат разнообразные свидетельства о прошлом и сами являются многообразными. Следовательно, проблема заключается в том, насколько историческая наука способна овладеть этими источниками и на их основе восстановить прошлое в его существенных чертах и проявлениях.

Во – первых, познаваемый образ должен быть по возможности адекватным изучаемому объекту, исторической действительности. Но нельзя подходить к историческому источнику как к чему-то, содержащему готовые ответы. Как известно, источники крайне неравномерно освещают события прошлого. Причины этого могут быть очень разными - от случайных до преднамеренных. Дело в том, что источники - это отнюдь не зеркальное отражение прошлого, особенно когда речь идет о письменных источниках. Следовательно, источники не надо обожествлять. Поэтому **весьма важным представляется вопрос об отношении между познающим субъектом и познаваемым объектом, то есть между субъектом и предметом познания. Здесь на первый план выдвигается проблема личности автора, его субъективного отношения к излагаемым событиям и фактам.**

Но этим не ограничивается сущность проблемы. Существует и **проблема интерпретации источника,** так как спецификой исторического познания является **особый характер отношений между историком и предметом его**

исследования. Они, без сомнения, носят личностный характер. Историческая наука служит самопознанию общества, которое не только предполагает, но и с необходимостью требует личностного момента. Ученый выступает в качестве представителя определенного класса, определенной нации, религии, партии и так далее. Следовательно, в истории через личность историка преломляются их сущностные интересы. В тоже время нельзя не учитывать проблему собственно личности историка, ибо историческое познание всегда затрагивает чьи-либо интересы. И здесь свою роль должны сыграть такие качества ученого, как гражданское мужество, честность, смелость и т.д. Поэтому можно утверждать, что **история - это наука, в которой личность историка является социально активной.** И тогда на первый план выступает проблема интерпретации источников. Историк не может просто использовать источниковый материал, он должен его **истолковывать.** Таким образом, историческая интерпретация является промежуточным звеном между источником и полученным результатом. В свою очередь, сам процесс интерпретации предполагает наличие определенных принципов научного познания прошлого. Основными из них традиционно принято считать **принцип партийности** и **принцип историзма.**

Впервые проблему исторической истины попытался разрешить древнегреческий историк **Фукидид** (ок.460 – 400 гг. до н. э.). Он первым применил метод **критического анализа источников** – выявления подлинности сообщаемых сведений. Это первая попытка постановки вопроса об объективности исторического познания. Истинность знания отождествлялась с его фактической точностью, достоверностью. Фукидид отмечал, что очевидцы передают одно и то же событие по – разному, и пытался понять, почему это происходит. По его мнению, это связано не столько с ограниченными возможностями познания, сколько с позициями и пристрастиями людей.

Недостоверные сведения являются результатом вмешательства автора в ход событий. Иными словами впервые была выдвинута проблема соотношения субъекта и объекта познания.

Поиски истины продолжали историки Древнего Рима. С именем **Тацита** (ок.58 – ок.117 г.) связывается возникновение тезиса: **«Без гнева и пристрастия»**. Это по существу идеал деятельности историка. «Тем, кто решил непоколебимо держаться истины, следует вести повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти». Задача исторического исследования и критерий его объективности у Тацита – **соответствие нормам морали и нравственности**. *«Я считаю главной обязанностью анналов, - писал он, - сохранить память о проявлении добродетели и противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в потомстве»*.

Историки Античности поставили проблему объективности исторического познания, но разрешить ее не могли. Представления о времени, которые господствовали в эпоху Античности, исключали более позднюю постановку коренной проблемы гносеологии – **как понять ушедшую действительность с позиций и на основе представлений другой эпохи, современником которой он является**. Античное понимание времени было лишено представления о качественном различии эпох. Историки Античности исходили из понимания реалий эпохи на основе существующей действительности.

В Средние века понятие «истина» приобретает другое содержание. В это время утвердилась идея **«провиденциализма»**, которая изначально давала ответ на коренные вопросы о движении истории (о ее целях, этапах, смысле). Истина в провиденциализме – это откровение. *«Не мудрствуй лукаво и ты постигнешь истину»*. Ссылки на Священное писание рассматривались как верх доказательств истинности представлений о событиях. Такая постановка вопроса вела к тому, что вопрос о критериях истинности познания вообще снимался с

повестки дня.

Важным этапом явилась постановка вопроса *гуманистами*. Происходит секуляризация исторического мышления. История из науки о «божественном знании» превращается в «науку о человеке». Любое историческое представление считалось заслуживающим доверия только если оно было основано на доводах разума. Ссылки на Священное писание теряли значение аргументов. Гуманисты ввели в обиход критический анализ источников, систему сносок, которая обязывала автора обнародовать источники и препятствовала анонимному и неограниченному заимствованию материала, как это было в предшествующей историографии. Решение проблемы достоверности гуманистами подразумевало **вывод за рамки достоверного всего, что было связано с вмешательством субъекта в изложение хода событий в соответствии с той ли иной позицией субъекта, его взглядами**. Задача познания сводилась к получению представлений, адекватных изображаемым событиям. Адекватность сводилась к фактически достоверному знанию. Постановки вопроса о позиции историка в ходе изложения критически проверенного материала у гуманистов нет.

Аналогично решалась эта проблема историками первой половины XIX века. Они исходили из того, что источники содержат *исторические факты*, и задача историка - в том, чтобы **овладеть правилами критики и беспристрастно и бесстрастно эти сведения изложить так, чтобы политическая позиция автора не была бы явной**. Возникает такое направление научного познания, как *позитивизм*. Общей основой позитивистской методологии являлось представление о **принципиальном единстве задач и исследовательского инструментария всех отраслей научного знания**. Историографию позитивисты пытались подвести под стандарты естественных наук, полагая, что она должна превратиться в точную

науку. *Среди специфических черт исторического знания признавался лишь факт получения информации косвенным путем – через исторический источник.* Усилия методологов-позитивистов в значительной мере были направлены на разработку таких принципов извлечения фактов из источников, которые бы позволили получить «точные» и «объективные» свидетельства о прошлом, не искаженные авторскими интерпретациями. Один из видных представителей позитивизма **Фюстель де Куланж** (1830 - 1889) в связи с этим призывал историков отказаться «от духа всяких теорий и синтезов». Как утверждал Фюстель де Куланж, *«голос историка - это голос Бога»*. История, подчеркивал он, это не наука рассуждений, а наука наблюдений, наука о фактах. Задача историка сводилась лишь к «здравому» толкованию источников. При условии доказанности подлинности документа, считал он, обнаруженные в нем факты представляли фрагменты самой исторической действительности. Типичным для позитивистов являлось убеждение, что подобные факты-фрагменты должны составить основу исследования в целях реконструкции прошлого. Под истинностью исследования понималась, в первую очередь, его фактическая полнота. Главное для позитивиста-историка – собрать как можно больше фактов, а они «говорят сами за себя». В подобном ключе представили суть научного метода истории **Шарль Виктор Ланглуа и Шарль Сеньобос**, совместный труд которых *«Введение в историческую науку»* (1898) подводил определенный итог развития позитивистской методологии истории к началу XX в. Авторы продолжали настаивать на том, что историк должен следовать установке точного описания и классификации фактов. Интерпретационно - оценочные суждения историков, выходящие за пределы этих процедур, они считали неприемлемыми для научного труда.

Наиболее рельефно эта позиция была выражена другим крупным историком XIX столетия **Людвигом фон Ранке** (1830 – 1889). Он полагал, что

дело историка не судить прошлое, а рассказывать, как это собственно было. *«Важнейшее требование к историческому труду заключается в том, чтобы он соответствовал истине; каким был ход событий, Таким должно быть его изображение»*. Такое направление в науке получило название **«объективизм»**. Эта позиция выглядит привлекательно, в ней есть рациональное зерно. Действительно, историк не должен быть судьей. Его задача состоит в том, чтобы воссоздавать объективную картину происходившего в прошлом. Другое дело, насколько ему это удастся. Нельзя писать историю, изгоняя из нее личность историка. С другой стороны, формула «писать объективно» представляется очень простой, но в тоже время выглядит несколько претенциозной, так как невозможно описать все, что было. История - это наука избирательная. Нельзя подходить к историческому источнику как к чему-то, содержащему готовые ответы. Как уже отмечалось, источники крайне неравномерно освещают события прошлого. Поэтому весьма важным представляется вопрос об отношении между познающим субъектом и познаваемым объектом, то есть между историком и предметом познания. Здесь на первый план выдвигается проблема личности историка и проблема интерпретации источника, так как спецификой исторического познания является особый характер отношений между историком и предметом его исследования. Они, без сомнения, носят личностный характер. Ученый выступает в качестве представителя определенного класса, определенной нации, религии, партии и так далее. Следовательно, в истории через личность историка преломляются их сущностные интересы.

В XIX веке стала осознаваться роль позиции историка, воспринимаемая как ***продукт влияния на него окружающей среды, качественно отличной от изучаемого времени***. Условием формирования этой позиции стало утвердившееся восприятие развития истории как ***неразрывной и***

последовательной временной цепи. При этом осознавалась зависимость каждого последующего звена от предыдущего и. одновременно, качественное отличие и неповторимость каждого из них. Подобные представления обусловили необходимость рассмотрения проблемы познания реальности прошлого (объекта) с учетом принадлежности ученого (субъекта) к качественно иной реальности.

На этом этапе встает вопрос – что такое «истина», каково содержание этого понятия? Эта проблема стояла в центре внимания историка Античности **Б.Г.Нибура** (1776 – 1831). Понятие «истины» не сводится лишь к фактической достоверности, когда объект рассматривался в качестве предмета чувственного восприятия или мышления. Истиной является то, что соответствует действительности - это правильное понимание вещей. Но историк не ограничивается непосредственным восприятием. Нибур был убежден в возможности достижения объективно – истинного знания о прошлом. *«...Если бы не существовало истины, то не было бы никакого исследования».* Но в природе исторического источника Нибур различал **две стороны: он знак, вещественное или письменное свидетельство об ушедшей действительности, но в то же время и ее часть.** Вывод о **двойственном характере исторических источников** имеет фундаментальное значение. Нибур одним из первых связал свое представление о механизме исторического познания, соотношения в нем объекта и субъекта с происхождением и природой исторических источников. В основе его представлений лежал реальный историзм, утверждавший идею качественного своеобразия отдельных событий и целых эпох. Как историку понять прошлое, которое качественно отличается от современной ему среды? У Нибура есть четкое понимание недопустимости изображения и оценки прошлого с позиций современности. Прошлое надо изучать на основе и с позиций самого прошлого. В одном из

своих писем он писал: «... я написал историю Рима с позиций современника и по – другому писать историю прошлого нельзя». Прошлое надо изучать на основе и с позиций самого прошлого. Однако, способ достижения истины, предлагаемый историком, - через позицию современников изучаемых событий практически нереализуем.

Постепенно формируется **принцип партийности в историческом познании**. Нередко в научной, а тем более в публицистической, литературе можно встретить взгляд, который сводит принцип партийности к принципу марксистского истолкования истории. Однако, этот взгляд неверен, ибо принцип партийности такой же древний, как и сама историческая наука. Естественно, что в то время он не был еще теоретически разработан, обоснован и сформулирован, но уже существовал как определенный подход к прошлому с позиций какого-либо класса. Например, **«История» Геродота** насквозь пронизана партийным подходом, так как события в ней излагаются с позиций гражданина Афин и демократа.

Партийность - это подход ученого к исследованию исторической действительности с позиций определенного класса, проявляющийся в проведении в научных исследованиях интересов, взглядов, настроений этого класса. Поэтому можно сказать, что принцип партийности имманентно присущ историческому познанию. Без него история теряет свою социальную роль. Значение принципа партийности в том, что он, выступая в качестве принципа исторического познания, открывает возможность глубже понять существующие между историческими фактами взаимосвязи и позволяет их объективно исследовать. Через принцип партийности осуществляется связь настоящего с прошлым. Партийность аккумулирует крупнейшие достижения в осмыслении настоящего и использует их для познания прошлого, обнаруживая тем самым новые подходы в исследовательской практике ученого. В этом

смысле стоит подчеркнуть, что партийность неотделима от высокого профессионализма историка. Поэтому она не имеет ничего общего с конъюнктурным подходом к истории, что, к сожалению, также зачастую можно встретить. Когда это все же происходит, историческая наука превращается в служанку, обслуживающую сиюминутные политические и идеологические лозунги, как это было нередко в прошлом да и имеет место сейчас. Принцип партийности только тогда может эффективно действовать, когда он сочетается с высоким профессионализмом историка, который способен широко и результативно использовать основные достижения исторической науки. ***Но наиболее успешно принцип партийности в практике научного познания может осуществляться лишь в сочетании с принципом историзма.***

Ведущим направлением в немецкой исторической науке 50 – 80-х годов XIX столетия стала так называемая «***малогерманская школа историков***». Своё название школа получила из-за того, что её представители активно пропагандировали объединение Германии под эгидой Пруссии в противовес великогерманскому направлению под эгидой Австрии. Крупнейшими представителями малогерманской школы были **Генрих фон Зибель** (1817 – 1895) – её идейный вдохновитель, **Иоганн Густав Дройзен** (1808 – 1884), **Генрих фон Трейчке** (1834 – 1896). К малогерманской школе также примыкал выдающийся историк античности **Теодор Моммзен**. Малогерманцы отказались от объективного метода Л. Ранке и признали ***партийность исторической науки***. Они также признавали закономерный и прогрессивный характер развития общественного развития. Они уделяли внимание экономическому фактору в истории, отказывались рассматривать религиозные идеи в качестве решающего фактора исторического процесса. Однако, в целом, теоретико-методологические воззрения малогерманцев не выходили за рамки немецкого идеалистического историзма. Основными историческими категориями в их

трудах оставались: государство, нация, политика, а политическая история была главным предметом их научных исследований.

Малогерманцы критиковали позитивистские методы в истории. Так, например, ведущий методолог малогерманцев **Дройзен** в своём известном *«Очерке истории»* (1867) подверг резкой критике позитивистскую теорию истории, которая, по его мнению, не учитывала **три важнейших фактора исторического развития – случайность, свободу воли, идеи и представления людей**. Дройзен положил начало новому направлению в гносеологии – **субъективизму**, суть которого – положение о **плюрализме равноценных конкурирующих интерпретаций прошлого**. Задача историка – **«понимание»** или интерпретация источника. Содержание процесса исторического познания состоит не в отражении в сознании историка объективной действительности, способном давать адекватные ей результаты. Такое отражение невозможно. Мышление по своей природе не способно дать объективный образ действительности, который ей соответствует, но лишь субъективное его восприятие. Историк имеет дело не с прошлым как таковым, так как его больше не существует, а с тем, что от него сохранилось в виде источников. Он подчеркивал субъективную сторону источников, в противоположность объективному их содержанию. *«Все источники, будь они плохими или хорошими, являются определенным восприятием событий независимо от того, непосредственно это восприятие или же оно составлено на основе таких непосредственных и первоначальных восприятий ...»*. По мнению Дройзена все материалы неполны, случайны, фрагментарны и не могут служить объективной основой познания.

Важнейшая теоретическая предпосылка Дройзена – **отрыв исторического источника от исторической действительности, их противопоставление**. Но даже самое субъективное изложение имеет в основе реальное историческое

событие. Однако для Дройзена важна именно субъективная сторона восприятия действительности в источнике. *Речь идет не о доказательстве истинности или неистинности, а о том, с какой точки зрения факты являются истинными.* Вопрос соответствия исторических знаний действительности предопределяется не действительностью, а позицией исследователя. **Научный факт – совокупность представлений, создаваемых исследователем.**

Действительно, восприятие факта исследователем может быть и чаще всего бывает неоднозначным, однако это не продукт субъективного творчества историков, а следствие особенности самих событий. Сами события многогранны, неоднозначны для восприятия. Отсюда и точка зрения: *«Сколько историков, столько и истин. Каждый историк по – своему прав».* Творцом истории является сам историк. По мнению известного английского историка XX века **М. Оукшотта**, история *«...не делается никем, кроме самого историка; писать историю – единственный путь делать ее».* Таким образом, понятие **«историческая реальность»** изымается из механизма исторического мышления. Прошлое – это ничто, все дело заключается не в прошлом, а только и исключительно в самом историке, как субъекте познания, а точнее в его позиции.

3.

Каков же **критерий объективности исторического познания?** Во – первых, важное место в процессе познания занимает такое понятие, как **«исторический факт»**. В своей совокупности факты - это материальная основа исторического познания. Первоначальное значение слова «факт» в обыденном языке означает **«сделанное»; затем – «дело», «действие», «поступок».** Очевидно, что однажды свершившееся событие, как и история в целом, являются в своей ушедшей в прошлое реальности окончательными и неизменными. Для обозначения этих свойств прошлого историки пользуются

понятием «**инвариантность**». Прошлое, как ушедшая в небытие реальность, безальтернативно. В нем уже ничего нельзя изменить. Это фундамент, основа познания.

Другое основное значение слова «факт»: **достоверное, проверенное, истинное знание о реально совершившемся действии, событии**. В XIX в. господствовало позитивистское представление о фактах, которые в готовом виде содержатся в исторических источниках. Такое понимание во многом объяснялось доминированием в научных изысканиях политической истории. С другой стороны, известно, что исторический релятивизм отрицал объективную природу исторического факта. Однако, как стало очевидно уже на рубеже XIX-XX вв. фактов, например, в социально-экономической истории, в готовом виде не существует. В этом случае на первый план выдвигается интерпретационная работа историка. Сложность проблемы определяется тем, что само это понятие («исторический факт») двузначно.

Во-первых, **факт как фрагмент исторической действительности, а, во-вторых, факт как научное понятие, которое раскрывает содержание и значение какого-либо явления, имевшего место в прошлом**. Иногда факт как действительное событие, поскольку он установлен, может сам по себе иметь важное значение. Но чаще всего на первый план выходит не сама действительность, а **ее интерпретация, вокруг которой и разгораются научные споры**. Об этом с легким сарказмом писал **И.Н. Данилевский**: «вряд ли нас волнует тот факт, что однажды, около 227 000 средних солнечных суток назад, приблизительно на пересечении 54° северной широты и 38° восточной долготы, на сравнительно небольшом участке земли (около 9,5 км²), ограниченном с двух сторон реками, собралось несколько тысяч представителей биологического вида *Ното сариенс*, которые в течение нескольких часов при помощи различных приспособлений уничтожали друг

друга. Затем оставшиеся в живых разошлись: одна группа отправилась на юг, а другая на север ...». Между тем именно это и происходило, по большому счету, **«на самом деле»**, объективно на Куликовом поле».

Во – вторых, следовательно, **чтобы событие было понято, оно должно быть завершено не только в своих непосредственных хронологических рамках, но и с точки зрения его отдаленных последствий. Без учета влияния значения событий на последующий ход исторического развития оно не может быть правильно оценено и понято.** Современники событий не только дают им индивидуальную окраску, не могут видеть все стороны описываемого события (отсюда и фраза: «никто так не врет, как очевидцы»). Без учета значения события в последующем ходе исторического развития оно не может быть правильно оценено. **Именно общественно – историческая практика – главный критерий истинности наших знаний о прошлом.** Н. Г. Чернышевский писал: «Сущность знаний о Марафонской битве давно проверена каждым образованным человеком не чтением рассказов об этой битве, а всем его знанием о цивилизованном мире, не прошлой жизнью цивилизованного мира, а нынешней его жизнью, в которой участвует он сам. Если бы не было Марафонской битвы, и если бы не победили в ней афиняне, весь ход истории Греции был бы иной, весь ход следующей истории был бы иной, и наша нынешняя жизнь была бы иная ...»

В - третьих, немаловажную роль играет проблема объективного и относительного знания в историческом познании. Здесь следует обратить внимание на **относительный характер исторических знаний, как и всяких научных знаний вообще.** Нередко встречается ситуация, когда положение о способности науки давать объективные знания догматизируется. И тогда ученые смотрят на научные знания, как на окончательные, являющиеся истиной в последней инстанции. Однако такого знания быть не может, ибо процесс

исторического познания сам никогда не является законченным. Это бесконечно развивающийся процесс, и каждое данное знание есть лишь фрагмент этого бесконечного процесса. Относительность научных знаний в истории усугубляется еще и тем, что незавершенным оказывается не только процесс познания, но и сам предмет познания. Следовательно, наши знания о прошлом не могут носить законченный характер, так прошлое само не завершено (оно живет в нас). События прошлого не исчезают с их окончанием, а продолжают жить в настоящем. **Следовательно, всякая оценка прошедшего несет на себе печать незавершенности и относительности.** Сказанное, однако, не означает невозможность получения вообще объективного знания о прошлом. Просто мы всегда должны помнить о существовании некоторой степени относительности. Также необходимо понимать, что **относительная истина - это не вынужденное зло, а необходимый момент исторического познания. Через целую цепь относительных знаний мы приходим к знанию настоящему.**

Заключение

Методология истории как теоретическая основа конкретно – исторического исследования является результатом длительного развития исторического познания и философско – исторической мысли. Изучение конкретно – исторических событий и процессов, накопление фактического материала создали почву для постановки и анализа различных методологических проблем. Однако импульс к постановке методологических проблем исходил не только из конкретно - исторического анализа, но и из стремления понять, что такое история в целом, в чем сущность исторического бытия, смысл и назначение истории. Возникновение философии истории стало ответом на потребность осмысления истории как единого целого. Теоретическое осмысление истории в целом становилось тем более глубоким и содержательным, чем более оно опиралось на развитие конкретно – исторических знаний о событиях и эпохах человеческой истории. В ходе развития исторического познания и философско – исторической мысли были сформулированы следующие проблемы логики теоретических представлений об истории: проблема движущих сил истории, проблема динамики исторического развития, проблема характера и природы явлений общественной среды. Попытка определить характер и суть истории, как области научного познания, ее цели и задачи привела к постановке одной из самых фундаментальных методологических проблем – проблемы объективности исторического познания.

Сложившаяся в ходе развития философско – исторической мысли структура теоретических представлений об истории в целом сочеталась с многообразием и неоднозначностью понимания и трактовки каждого из этих положений. Наличие множества теоретических подходов можно объяснить как их зависимостью от конкретно – исторических условий эпохи, уровня научных

знаний, так и постоянным изменением объекта исследования, неисчерпаемостью процесса общеисторического развития его качественной незавершенностью.

Представления об истории в целом являются основой формирования принципов исторического познания, его методов, понятийного аппарата. Общеисторическая теория формирует основу наиболее рационального варианта гносеологии. Общеисторическое развитие является фундаментальной предпосылкой более высокого уровня понимания прошлого по сравнению с достигнутым ранее. В структуре исторического познания, как и любой другой отрасли знания, проявляется взаимосвязь и последовательность основных ее ступеней: теория (методология)- метод – методика.

Главной особенностью современного этапа развития социальных наук, в том числе и истории, является применение междисциплинарных подходов к ее познанию, широкой интеграции истории в смежные научные отрасли познания, обновление методологического арсенала в конце XX века, которое поставило историю в один ряд с естественными и точными науками.

То, к чему пришла в настоящий момент историческая наука и специальные исторические дисциплины, имеет под собой надежную основу, состоящую из методологических концепций и понятийного аппарата предшественников.

Сейчас, мы наблюдаем явление постоянной интеграции наук, их методов, обмена концепциями и моделями, что актуализирует научно-практическое значение изучения генезиса метода как инструмента научного познания, ставшего со временем предметом специальной науки методологии.

Историческая наука была и остается той областью познания, где приращение знания происходит постоянно. Каждый новый день, каждый миг этого дня несет новую информацию. Сама жизнь каждодневно поставляет

историку неисчерпаемый материал для осмысления.

Это предопределяет немаловажный момент возрастающей значимости методологических вопросов историко-научного познания, который состоит в необходимости разработки в новых условиях специальных технологий исторического исследования, идущих в ногу со временем.

Литература

1. Биск И. Я. Методология истории: курс лекций. Иваново: Изд-во Ивановского госуниверситета, 2007. - 236 с.
2. Жуков Е. М. Очерки методологии истории. 2-е изд. М., 1987. — 256 с.
3. Журов Ю. В. Проблемы методологии истории. — Брянск, 1996. — 144 с.
4. Иванов Г. М., Коршунов А. М., Перов Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1998
5. Лаптева М. П. Теория и методология истории: курс лекций / М. П. Лаптева; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2006. — 254 с.
6. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. — М., 2008
7. Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Методология истории. М., 1997. — 72 с.
8. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. — М., 1989. - 175 с.
9. Методологические проблемы истории / Под ред. В. Н. Сидорцова. — Мн.: Тетра Системс, 2006. — 352 с.
10. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – СПб. 2008.
11. Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003. – 386с.
12. Сидорцов, В. Н. Методология истории : курс лекций / В. Н. Сидорцов. — Минск : БГУ, 2010. — 207 с.
13. Смоленский Н. И. Теория и методология истории. М., 2008. — 272 с.

Примерные контрольные вопросы к зачету по курсу «Теория и методология исторического познания».

1. Предмет теории и методологии истории. «Теория», «методология», «философия истории»: статус и различие понятий.
2. Предмет истории как науки. Место истории в системе общественных наук.
3. Уровни и формы исторического сознания.
4. Проблема единства и многообразия исторического процесса. Теории единства исторического процесса, основные представители всемирно – исторического направления.
5. Цивилизационный подход к истории, его основные представители.
6. Понятие исторической необходимости. Проблема существования исторических законов.
8. Альтернативность в истории. Категории «необходимости» и «случайности».
9. Понятие и типы исторической динамики.
10. Идея прогресса, ее теоретические интерпретации. Критерии общественного прогресса.
11. Проблемы движущих сил в истории. Концепции идеальных движущих факторов в

истории.

12. Виды исторического детерминизма. Экономический детерминизм.
13. Виды исторического детерминизма. Географический детерминизм.
14. Виды исторического детерминизма. Демографический детерминизм.
15. Виды исторического детерминизма. Технологический детерминизм.
16. Виды исторического детерминизма. Психологический детерминизм.
17. Концепции определяющей роли социально – духовного фактора.
18. Волюнтаристские концепции исторического развития.

Темы рефератов

1. Теория», «методология», «философия истории»: статус и различие понятий.

2. Предмет истории как науки. Место истории в системе общественных наук.
3. Функции истории.
4. Формирование исторического сознания – главная задача истории.
5. Уровни и формы исторического сознания.
6. Воспитание патриотизма - задача истории. Содержание понятия «патриотизм». Необходимость патриотического воспитания.
7. Проблема единства и многообразия исторического процесса. Теории единства исторического процесса. Основные представители всемирно – исторического направления.
8. Цивилизационный подход к истории, его основные представители.
9. Современная методологическая ситуация. Многофакторный подход.
10. Научная концепция и идеология.
11. Понятие исторической необходимости.
12. Проблема существования исторических законов. Историческая закономерность и исторический закон.
13. Альтернативность в истории. Категории «необходимости» и «случайности».
14. Понятие и типы исторической динамики (прогресс, регресс, цикличность). Исторические теории.
15. Идея прогресса, ее теоретические интерпретации. Критерии общественного прогресса.
16. Прогресс и нравственность.
17. Проблемы движущих сил в истории. Концепции идеальных движущих факторов в истории.
18. Виды исторического детерминизма. Экономический детерминизм.
19. Виды исторического детерминизма. Географический детерминизм.
20. Виды исторического детерминизма. Демографический детерминизм.
21. Виды исторического детерминизма. Технологический детерминизм.
22. Виды исторического детерминизма. Психологический детерминизм.
23. Концепции определяющей роли социально – духовного фактора.

24. Волонитаристские концепции исторического развития.
25. «Теории заговора» в исторической науке.
26. Принцип историзма. Критерии оценки в истории.
27. Принцип «партийности» и его трактовка в различные периоды.
28. Проблема объективности исторического познания. Соотношение субъекта и объекта исторического исследования.
29. Проблема критерия объективности исторического познания.
30. Концепция «евразийства». Л.Н.Гумилев.

